Буря и маяки

Житие и подвиги православных старцев

Буря и маяки
Житие и подвиги православных старцев

Издательство Борисова
2013

ББК 86.372

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 13-318-2398

Б91 **Буря и маяки. Житие и подвиги православных старцев** /Составитель Е.И. Гончаров. – Издательство Борисова, 2013. – 256 с.

ISBN978-5-93288-007-4

Православные старцы... Они для нас источники света, радости и успокоения. В книге рассказывается лишь о немногих, кто жили в период от середины 19 века до середины 20-го. В буре исторических и житейских невзгод, в годы великих испытаний и духовно-нравственных смятений все они показали удивительные примеры христианской стойкости, явили собой живительное сияние Правды Божией, и это по их молитвам тьма не объяла нас.

УДК 271.2
ББК 86.372

© Издательство Борисова, 2013
© Гончаров Е. И., составление, 2010

Буря и маяки

Время, когда жили православные святые и старцы, о которых рассказывается в данной книге: от середины 19 века до середины 20-го, – для России и российского народа, – век великих потрясений. Освободившись от феодального крепостничества, страна резво шагнула сначала в капитализм, испытала несколько революций, мировую и гражданскую войну. Затем, под невиданным по масштабу и жестокости принуждением государственного аппарата, с энтузиазмом строила новое социалистическое общество, а основное население вновь было закрепощено в колхозах.

Этой чудовищной исторической спирали оказалось мало, и случились самые страшные войны из всех, которые когда-либо были: Вторая мировая и Великая Отечественная. Народы России миллионами своих жизней остановили и разгромили гитлеровский фашизм, показав всему остальному миру примеры небывалого героизма и самопожертвования во имя Отечества.

Для многих и многих православных людей в тяжелые времена опорой и светом во мгле становились старцы. Характерная особенность русского старчества начиная с 19 века – то, что духовное руководство простирается не только на монахов, а, размыкая монастырские стены, распространяется и на мирян. К таким знаменитым старцам, как Амвросий и Варсонофий Оптинские, ходило множество паломников из всех губерний и всех сословий страны.

С 1917 года в стране установилась антирелигиозная, богоборческая власть. Она подавляла все конфессии, но самый сильный удар обрушился на Русскую Православную Церковь, как доминирующую на территории России. Пришла пора лютых преследований за веру, предсказанная многими угодниками Божиими. Церковь подверглась самым страшным гонениям, которые когда-либо обрушивались на христиан. Советской власти было необходимо уничтожить Православную Церковь, так как сам факт ее существования опровергал основы её идеологии. Тот факт, что Церковь выстояла и победила в этой борьбе, можно объяснить лишь Промыслом Божием. Вместе с тем, как учат св. отцы, «Бог спасает нас не без нас» и без подвижников, готовых отдать жизнь за свою веру, Поместная Церковь в России была бы уничтожена. Они показали удивительные примеры христианской стойкости. Имена святых Патриарха Тихона, мит-

роп. Владимира (Богоявленского), митроп. Вениамина (Казанского), митроп. Петра (Крутицкого), архиеп. Петра (Зверева), архиеп. Луки (Войно-Ясенецкого), архимандр. Игнатия (Бирюкова), прот. Петра Скипетрова, прот. Философа Орнатского и других новомучеников и подвижников церкви бесконечно дороги сердцу каждого русского православного человека. Именно эти люди сумели сохранить и передать нам самое ценное сокровище – православную веру.

Когда советская власть надорвалась от непосильной стройки коммунизма и её ярость утихла, тьма безверия окутала и большинство её искренних сторонников. И нередко бывало, что даже партийные начальники тайком искали встречи с прославленным в народе старцем, в надежде получить вразумление и понять смысл своей жизни.

А для всех православных: от простых прихожан и клириков до первоиерархов и святых новомучеников любимые старцы всегда были духовными маяками и оплотами веры.

По слову святых отцов и старцев, до скончания века не оскудеет Русская земля молитвенниками Божиими. Не могли бы выжить, выстоять в испытаниях Русская Православная Церковь и держава Российская без светильников веры, подвиг которых часто бывает сокрыт от людских взоров. Но приходит час, когда они снова призываются к особому служению — среди ненависти, преда-

тельств, братоубийств они свидетельствуют о Боге силой своей любви, сердечной молитвой.

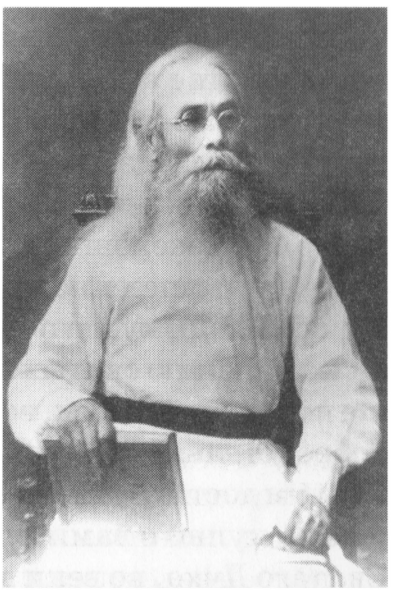
Исповедники явленные и неявленные, мученики знаемые и незнаемые, пастыри, громогласно обличавшие с церковных амвонов злобных гонителей веры, и тихие, «безгласные» страдальцы-молитвенники, «которых весь мир не был достоин» и которые «скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли», все они явили собой живительное сияние Правды Божией, и это по их молитвам тьма не объяла нас.

Все святые с Богородицею, молите Бога о нас!

Молитва всем святым

О, преблажении угодницы Божии, вси святии, предстоящии Престолу Пресвятыя Троицы и наслаждающиися неизреченнаго блаженства! Се ныне, в день общаго вашего торжества, милостивно призрите на нас, меньших братий ваших, приносящих вам сие хвалебное пение, и ходатайством вашим просящих милости и отпущения грехов у Преблагаго Господа; Вемы бо, воистину вемы, яко вся, елика восхощите, испросити у Него можете. Темже убо смиренно молимся вам, молите Милостиваго Владыку, да подаст нам дух вашея ревности к хранению святых Его заповедей, яко, да текше по стопам вашим, возможем земное поприще в добродетельном житии без порока преити, и в покаянии достигнути преславных селений райских, и тамо купно с вами прославляти Отца и Сына и Святаго Духа, во веки веков.

Преподобный Оптинский старец Варсонофий (Плиханков) (1845-1913)



Старец Варсонофий, в миру Павел Иванович Плиханков, родился 5 июля 1845 года. Происхождением он был из потомственных дворян. По окончании образования в Полоцком кадетском корпусе, он вступил на военную службу и дослужился до чина полковника. Но стремление к духовной жизни, воспитанное в нем благочестивыми родителями еще в детстве, вылилось в желание Павла Ивановича полностью посвятить себя Богу.

Впоследствии преп. Варсонофий рассказывал о себе: «Я каждый день ходил к ранней обедне. Так приучила меня мачеха, и как я теперь ей благодарен! Бывало, в деревне, когда мне было только пять

лет, она каждый день будила меня в шесть часов утра. Мне вставать не хотелось, но она сдергивала одеяло и заставляла подниматься; и нужно было идти, какова бы ни была погода, полторы версты к обедне. Спасибо ей за такое воспитание! Она показала свою настойчивость благую, воспитала во мне любовь к Церкви, так как сама всегда усердно молилась».

Когда Павел Иванович был еще офицером, по счастливой случайности, ему довелось быть на Литургии, которую служил св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Будущий старец прошел в алтарь. В то время о. Иоанн переносил Св. Дары с престола на жертвенник. Поставив Чашу, о. Иоанн быстро подошел к нему, поцеловал руку и, не сказав ничего, опять отошел к престолу. Все присутствующие переглянулись и решили, что, вероятно, он будет священником. А Павел Иванович, в то время, и не помышлял тогда об этом.

И вот однажды, заболев тяжелой формой воспаления легких и почувствовав приближение смерти, он велел денщику читать вслух Евангелие, а сам забылся сном... И в это время ему последовало чудесное видение: он увидел открытыми небеса и содрогнулся весь от великого страха и света. Вся жизнь пронеслась мгновенно перед ним. Его заполнило чувство покаяния за всю свою жизнь, и в этот момент он услышал голос свыше, повелевающий ему идти в Оптину Пустынь. В его душе произо-

шел переворот, у него открылось духовное зрение, он понял всю глубину слов Евангелия. По отзыву старца Нектария, «из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божию, он стал великим старцем». Он носил в миру имя Павла, и это чудо, с ним бывшее, напоминает чудесное призвание его небесного покровителя — апостола Павла. Сам же Павел Иванович, родившись в день обретения мощей преподобного Сергия Радонежского, считал его своим покровителем.

К удивлению всех, больной полковник стал быстро поправляться, выздоровел и уехал в Оптину Пустынь. Старцем в Оптиной в это время был преп. Амвросий, который велел ему закончить все дела в три месяца, сказав, что если он не приедет к сроку, то погибнет. И тут стали появляться различные препятствия. Приехал полковник Плиханков в Петербург за отставкой, а ему предложили более блестящее положение и задержали отставку. Товарищи смеялись над ним, уплата денег задерживалась, он не мог расплатиться со всеми заимодавцами, искал денег и не находил. Но его выручил старец Варнава из Гефсиманского скита: указал ему где взять деньги и торопил исполнить Божие повеление. Люди, противясь его уходу, находили ему даже невесту... Только мачеха его радовалась и благословила его на иноческий подвиг. С Божией помощью он преодолел все препятствия и явился в Оптину в последний день своего трех-

месячного срока. Старец Амвросий лежал в гробу, и он приник к почившему старцу.

В декабре 1891 года Павел Иванович был принят в число братии Предтеченского скита. И преемник старца Амвросия, преп. Анатолий (Зерцалов), дал ему послушание быть келейником при преп. старце Нектарии. Около старца Нектария преп. Варсонофий прошел в течение десяти лет все степени иноческие, вплоть до иеромонаха, и изучил теоретически и практически святых отцов. Три года каждый вечер он ходил на беседы к старцу Анатолию, а затем к старцу Иосифу.

В 1903 году высокопреосвященный Антоний, митрополит Санкт-Петербургский, вызвал его для высшего назначения, но преп. Варсонофий, по смирению и любви к уединенной жизни, уклонился от предложения владыки и остался в Оптиной, где в 1907 году был назначен скитоначальником с возведением в сан игумена и награжден палицей. На него возложено было духовное окормление братства и всех посетителей, с которыми затем у него установилось непрерывное духовное общение. Старец вел обширную переписку, которая доходила до четырех тысяч писем ежегодно.

С кончиной св. Иоанна Кронштадтского и старца Варнавы Гефсиманского прилив богомольцев в Оптину заметно увеличился. Среди них было много лиц из высшего сословия, а также студентов высших учебных заведений. Эти люди приходили

со своими проблемами и неурядицами к старцу Варсонофию, и у него, при содействии благодати Божией, находили решение самых трудных вопросов.

Характер преподобного Варсонофия, как старца, во многом был сформирован великими оптинскими старцами Львом и Анатолием. Неподкупная справедливость, простота и прямота его были нестерпимы для всех гордецов и нераскаявшихся грешников. Он никогда не мог лукавить и ни в чем не выносил двоедушия.

О. Варсонофий обладал даром прозорливости не менее других старцев. Он видел человеческую душу, и это давало возможность направлять посетителей с ложного пути на истинный, исцелять болезни душевные и телесные, изгонять бесов.

Старец, облаченный в полумантию, в епитрахили и поручах, перед исповедью проводил беседы. В них он, открывая души присутствующих при помощи различных случаев из жизни, указывал на забытые или сомнительные грехи, при этом он и не смотрел ни на кого, чтобы не смутить, и явно не указывать. Так что одна девушка потом говорила: «Да ведь это батюшка меня описал! Это была моя тайна, откуда он мог узнать?!»

После общей исповеди старец уже исповедовал каждого отдельно. Он не спеша задавал вопросы, выслушивал и давал наставления. При этом он имел совершенно одинаковое отношение ко всем, не разбирая должностей и званий. Внимательно и

с любовью, он врачевал души, так как знал все тонкости душевного строя каждого.

Благословляя говеющих, он советовал после повечерия, на котором читают каноны, не вкушать ничего до принятия Св. Тайн. В исключительных случаях разрешал выпить одного чая. «Иногда в день причастия бывает тягостное настроение, но на это не надо обращать внимания и не надо отчаиваться, так как в этот день диавол особенно ополчается на человека и действует на него гипнозом. Гипноз — злая, не христианская сила. Благодаря этому гипнозу диавол смущает нас, священнослужителей, когда мы совершаем Литургию», — говорил старец. Ложиться днем спать в день, когда причащался, не советовал.

Преп. Варсонофий говорил: «Не должно уходить из церкви до окончания обедни, иначе не получишь благодати Божией. Лучше прийти к концу обедни и достоять, чем уходить перед концом. Вот у нас в церкви читают шестопсалмие, и люди часто выходят на это время из храма. А ведь не понимают и не чувствуют они, что шестопсалмие есть духовная симфония, жизнь души, которая захватывает всю душу и дает ей высочайшее наслаждение».

За все время пребывания в Оптиной старец никуда не отлучался из обители и выезжал из нее только по послушанию. Последний выезд его был в 1910 году на станцию Астапово для обращения и напутствия умирающего графа Л. Толстого. Но

его, как всем известно, не допустили окружающие графа, к общему сожалению всех православных и самого преп. Варсонофия, который с грустью говорил: «Не допустили к Толстому. Молил врачей, родных, ничего не помогло... Железным кольцом сковало покойного Толстого; хотя и Лев был, но ни разорвать, ни выйти из него не мог».

Несмотря на великие духовные дарования преп. Варсонофия и его административные способности, нашлись люди, недовольные его деятельностью. В основном это были новые монахи, пришедшие в обитель из духовно опустившейся предреволюционной среды. Они не понимали сущности монашеского подвига вообще и идеи старчества, в частности. Им хотелось провести изменения в монастыре, закрыть скит, и для этого они хотели занять начальственные должности. Дело дошло до открытого бунта. Путем жалоб и клеветнических доносов они ввели в заблуждение архиерея — епископа Серафима (Чичагова)*, по ходатайству которого старец Варсонофий был удален из Оптиной Пустыни и назначен игуменом Голутвинского монастыря, одного из самых бедных монастырей в России. Это произошло в апреле 1912 года. Голутвинский монастырь преп. Варсонофий нашел в запущенном состоянии как с внешней, так и с внутренней стороны. Но, несмотря на свою старость,

* Серафим (Чичагов) (1856-1937) будущий митрополит, священномученик.

болезни и тяжелые переживания последних дней, он не упал духом, а со свойственной ему энергией принялся за внешнее и внутренние благоустроение обители. И в самое непродолжительное время монастырь начал обновляться и процветать.

Православный верующий народ отовсюду стал стекаться к старцу за исцелением душевных и телесных недугов в Голутвинский монастырь. А между тем, сам преподобный Варсонофий был болен. Прилагая большие усилия он продержался 1912 год, но уже с начала 1913 года начал быстро слабеть. Истекало 365 дней с момента выезда из Оптиной Пустыни, а вместе с этим приближалась и кончина батюшки по пророчеству известной блаженной Параскевы Саровской.

Батюшка сильно страдал и иногда даже стонал. Кроме святых угодников Божиих и Матери Божией, к Которой о. Варсонофий имел особенную любовь, он призывал и оптинских старцев, говоря: «Батюшка Лев, батюшка Макарий, батюшка Амвросий, батюшка Иларион, батюшка Анатолий, батюшка Иосиф, помогите мне вашими святыми молитвами!».

Первого апреля 1913 года в семь часов семь минут утра он отошел ко Господу, Которого так возлюбил при жизни. Тотчас тело старца было облачено в схиму, которую он получил тайно еще в 1910 году и в которой завещал положить себя в гроб.

К большому утешению духовных чад, Священный Синод разрешил упокоить старца в Оптиной Пустыни, куда и перевезли его тело. Здесь, возле гробниц великих оптинских старцев, напротив могилы иеросхимонаха Пимена и рядом с великим старцем о. Анатолием (старшим), своим возлюбленным духовным отцом и руководителем, и была устроена могила преподобного Варсонофия.

Епископ Трифон, знавший старца с первых дней его поступления в монастырь, и глубоко чтивший его, сказал следующее: «Ты умел только любить, только творить добро, и какое море злобы и клеветы вылилось на тебя! Ты все принимал с покорностью, как многострадальный Иов. Я свидетель, что ни одного слова осуждения кому бы то ни было я не слыхал от тебя. Я, как пастырь, знаю, что в наше время значат такие старцы. Его наставления тем более ценны, что с образованием он соединил высоту монашеской жизни...»

Свидетельства старца о себе

Ниже приводимые свидетельства старца о себе, рассказанные им известному православному писателю С. Нилусу, удивляют нас не только высотой дарований, но более скромностью и смирением, с которыми старец их принимал.

«Говорил мне старец о. Варсонофий, — пишет С. Нилус, — у меня с о. Илиодором никогда не было близких отношений, и все наше с ним общение

обычно ограничивалось сухой официальностью, и то только по делу. В день же его смерти, после благословения, я, не знаю почему, обратился вдруг к нему с таким вопросом: «А что, брат, приготовил ли ты себе что на путь?». Вопрос был так неожидан и для меня, и для него, что о. Илиодор даже смутился и не знал, что ответить. Я же захватил с подноса леденцов — праздничное монашеское утешение — и сунул ему в руку со словами: «Это тебе на дорогу!».

И подумайте, какая ему вышла дорога!

Старец рассказывал мне это, как бы удивляясь, что сбылось по его слову. Но я не удивился: живя так близко от Оптинской святыни, я многому перестал дивиться».

«Эти могилки — моих духовных детей. Вот здесь похоронен приват-доцент Московского университета Л. Он был математик и астроном! Изучая высшие науки, он преклонялся перед величием творения и их Создателя. Товарищ профессора и его жена, которая была доктором медицины, насмехались над ним. Он был ученик знаменитого профессора Лебедева. Жена Л., работая в клинике, влюбилась в одного профессора и бежала в Париж вместе со своими детьми. Л. очень горевал и, по прошествии нескольких лет, приехал к нам, чтобы найти здесь облегчение своему горю, и здесь он, по Божиему соизволению, опасно заболел воспалением легких. Случай был очень тяжелый. Я

видел, что он скоро умрет, и предложил ему удалиться совсем от мира и принять пострижение. Уже очень много времени он не имел никаких сведений о семье. Л. подумал и согласился. Через несколько месяцев явилась в скит одна очень экзальтированная дама и стала кричать: «Дайте мне моего супруга!», Сначала я не понял, что она хочет, но потом разобрал, что она говорит о Л. Я сказал ей, что муж находится среди ангелов. Она с раздражением изъявила желание посмотреть на могилу своего супруга. Но я сказал, что вход в скит женщинам воспрещен и поэтому я не могу ей позволить войти сюда. Тогда она, гордясь, начала говорить о себе и своих знаниях: «Я изучила двенадцать иностранных языков и приобрела известность своими работами за границей». Она думала, что ее научный ценз откроет двери скита. Я ей сказал, что хотя она и знает много языков, но одного, самого главного, языка не знает — это языка ангельского. Она иронически спросила: «Где же можно узнать такой язык?» — «Чтобы знать его, — сказал я, — нужно читать Священное Писание. Это и есть язык ангельский». Она объявила, что здесь ей более нечего делать и что она сейчас же отправляется за границу читать лекции в швейцарском университете. Я просил ее прислать мне письмо, когда жизнь ее будет для нее тяжела, и сказал, что она еще раз приедет сюда. Она засмеялась и удалилась. Через несколько месяцев она прислала мне

письмо из Швейцарии, где писала, что она очень несчастна. Ее гражданский муж изменил ей и покинул ее, уведя с собой ее детей. Она уже, по моему совету, начала читать Евангелие и нашла много интересного. В письме она предложила мне несколько вопросов. Для разрешения их я предложил ей приехать к нам. Она приехала и прожила у нас довольно долгое время, а затем стала приезжать по несколько раз в год. И сделалась верующей, доброй».

«Впоследствии я видел ее, — вспоминает С. Нилус, — она сделалась очень скромной и, когда батюшка входил в приемную, она всегда подходила к нему, бросалась в ноги. Она была очень богата и все имущество раздала бедным. Какая перемена произошла в ней!».

Духовная связь между св. праведным Иоанном Кронштадтским и преп. Варсонофием

О. Иоанн Кронштадтский своим духовным зрением видел в о. Варсонофии истинного подвижника. В воспоминаниях о. Василия Шустина передано, как о. Иоанн поцеловал в алтаре Андреевского собора в Кронштадте руку молодому офицеру — будущему старцу и схимнику.

Архиепископ Феофан Полтавский в своей проповеди, произнесенной 21 августа 1929 года в Болгарии в г. Варне, говорил о том, как св. Иоанн, явившись посмертно Павлу Ильину, послал его для

полного исцеления в Оптину Пустынь к старцу Варсонофию, и этим самым прославил его, указывая, что ему дан Богом дар чудотворения.

В ноябре того же 1911 года Павел Ильин ездил к о. Варсонофию в сопровождении валаамского иеродиакона Варсонофия. Старец был предупрежден о приезде больного, принял его, исповедал и причастил, и после этого последовало окончательное исцеление.

Явление во сне св. Иоанна Кронштадтского старцу Варсонофию

Говоря о духовной связи между о. Иоанном и о. Варсонофием, нельзя не привести сон старца, рассказанный им Елене Андреевне Вороновой, председательнице тюремного комитета в Санкт-Петербурге, близкой его духовной дочери. Он приводится так же из Оптинского дневника С. А. Нилуса:

«Ходили с женой на благословение к о. Варсонофию. Е. А. Воронова слышала от него, что он в ночь со среды 17 февраля на четверг 18-го видел сон, оставивший по себе сильное впечатление на нашего батюшку.

— Не люблю я, — говорил он Елене Андреевне, — когда кто начинает мне рассказывать свои сны, да я сам своим снам не доверяю. Но бывают иногда и такие, которых нельзя не признать благодатными. Таких снов и забыть нельзя. Вот что

мне приснилось в ночь с 17-го на 18-е февраля. Видите, какой сон, — числа даже помню!... Снится мне, что я иду по какой-то прекрасной местности, и знаю, что цель моего путешествия — получить благословение о. Иоанна Кронштадтского. И вот взору моему представляется величественное здание, вроде храма, красоты неизобразимой и белизны ослепительной. И я знаю, что здание это принадлежит о. Иоанну. Вхожу я в него и вижу огромный как бы зал из белого мрамора, посреди которого возвышается дивной красоты беломраморная лестница, широкая и величественная, как и вся храмина великого Кронштадтского пастыря. Лестница от земли начинается площадкой, и ступени ее, перемежаясь такими же площадками, устремляются, как стрела прямая, в бесконечную высь и уходят на самое небо. На нижней площадке стоит сам о. Иоанн в белоснежных, ярким светом сияющих ризах. Я подхожу к нему и принимаю его благословение. О. Иоанн берет меня за руку и говорит:

— Нам надобно с тобою подняться по этой лестнице!

И мы стали подниматься. И вдруг мне пришло в голову: как же это так? Ведь о. Иоанн умер: как же это я иду с ним, как с живым? С этой мыслью я и говорю ему:

— Батюшка! Да вы ведь умерли?

— Что ты говоришь? — воскликнул он мне в ответ: — Отец Иоанн жив, отец Иоанн жив!

На этом и проснулся. «Не правда ли, какой удивительный сон, — спросил Елену Андреевну о. Варсонофий, — и какая это радость услыхать из уст самого о. Иоанна свидетельство непреложной истинности нашей веры!»

Прозорливость старца Варсонофия

Истинный старец, а он был таковым, является носителем дара прозорливости. Господь ему непосредственно открывает прошлое, настоящее и будущее судеб людей и мира. Этот дар — видеть человеческую душу — дает возможность воздвигать падших, направлять с ложного пути на истинный, исцелять болезни душевные и телесные, изгонять бесов. Все это было свойственно о. Варсонофию. Такой дар требует непрерывного пребывания в подвиге, святости жизни. Многие видели старцев, озаренных светом при их молитве. Видели и старца Варсонофия как бы в пламени во время Божественной Литургии.

Прозорливость о. Варсонофия была исключительна. Многие случаи описаны о. Василием Шустиным в его воспоминаниях. Вот один из них.

«К старцу Варсонофию приехала богатая помещица со своей красавицей-дочкой, чтобы испросить его благословение на брак с гусаром. Старец Амвросий ответил: «У нее будет Жених более пре-

красный, более достойный. Вот увидите. Он Сам приедет в пасхальную ночь». Наступила Пасха. Все в волнении, всего напекли, нажарили. Когда вернулись из церкви, столы ломились от яств. Мать девицы села на веранду, с которой открывался чудный вид. Солнышко начало всходить. «Вот едет тройка по дороге, — воскликнула она, — наверно жених». Но тройка промчалась мимо. За ней показалась вторая тройка, но и та мимо проехала. Дочь вышла на веранду и говорит: «Мне что-то грустно!». Послышались бубенцы. Мать бросилась распорядиться, но тут же услышала громкий возглас дочери: «Вот мой прекрасный Жених!». Она вбежала обратно, и что же представилось ее взору: дочь ее воздела руки к небу и упала замертво.

Молодая девица Софья Константиновна, приехавшая гостить к Нилусам в Оптину Пустынь, на исповеди пожаловалась старцу, что, живя в чужом доме, она лишена возможности соблюдать посты. «Ну, а зачем же вы теперь в пути в постный день соблазнились колбасой?», — спросил ее старец. С. К. ужаснулась: «Как мог это узнать старец?»

Подобный случай произошел с Софией Михайловной Лопухиной, рожденной Осоргиной. Она рассказывала, что в Оптину Пустынь она приехала шестнадцатилетней девицей. Ее поразила тысячная толпа вокруг старческой «хибарки», как там назывались деревянные домики, где жили старцы. Она встала на пень, чтобы взглянуть на

старца, когда он выйдет. Вскоре старец показался и сразу ее поманил. Он ввел ее в келью и рассказал ей всю ее жизнь год за годом, перечисляя все ее проступки, когда и где она их совершила, и назвал действующих лиц по их именам. А потом сказал: «Завтра ты придешь ко мне и повторишь мне все, что я тебе сказал. Я захотел тебя научить, как надо исповедоваться».

Отец игумен Иннокентий Павлов, положивший начало своего монашества в Оптиной с конца 1908 года, поведал о своей первой исповеди у старца Варсонофия, который в то время был начальником скита. Из Бразилии о. игумен писал:

«Это был замечательный старец, имевший дар прозорливости, каковую я сам на себе испытал, когда он принимал меня в монастырь и первый раз исповедовал. Я онемел от ужаса, видя пред собой не человека, а ангела во плоти, который читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты, которые я забыл, лиц и пр. Я был одержим неземным страхом. Он меня ободрил и сказал: «Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытываешь, а после моей смерти можешь говорить».

— Со мной был один случай, — вспоминает современник старца. — Наша семья имела свой абонемент в Петербурге на оперные спектакли в Мариинском театре. И вот — это было за год до моего

приезда в Оптину, на наш абонемент давали «Фауста» с Шаляпиным, как раз накануне 6 декабря, дня Святителя Николая Чудотворца. Мне чрезвычайно захотелось прослушать эту оперу с Шаляпиным. Ну, думаю, ко всенощной мне не придется идти, так встану пораньше на следующий день и схожу к утрени. И вошел я в такой компромисс сам с собой. Побывал в опере, а утром, с опозданием, отслушал утреню, а затем раннюю обедню и думал: «Ну, почтил я сегодня память угодника Божия Святителя Николая». Хотя что-то в душе кольнуло, но это забылось. И вот батюшка перед исповедью и говорит, что бывают случаи, когда и не подозреваешь своих прегрешений. Как, например, вместо того, чтобы почтить память такого великого угодника Божия, как Свт. Николай Чудотворец, и сходить ко всенощной, идут в театр для самоуслаждения. Угодник же Божий на задний план отодвигается, вот и грех совершен.

Затем другой случай был в Голутвином монастыре. Там женщины и мужчины говели вместе, и батюшка беседовал в одной приемной. Говело человек пятнадцать мужчин и женщин. И вот батюшка говорит: полюбила одна барышня молодого человека, а он не отвечал ей взаимностью и ухаживал за другой. Тогда в барышне возникло чувство ревности, и она захотела отомстить молодому человеку. Она воспользовалась тем обстоятельством, что он ходил постоянно кататься на конь-

ках на тот же каток, куда ходила и она. У нее пронеслась мысль: «Искалечу его, пускай он не достанется и моей сопернице». И вот, когда он раскатился, она ловко подставляет ему подножку, тот упал назад и сломал себе руку. Но это еще слава Богу: мог бы получить сотрясение мозга и умереть, и было бы смертное убийство. И такие случаи часто забываются на исповеди. Во время этого рассказа я почувствовал, что в мои плечи впились чьи-то пальцы. Я оглянулся и увидел, что ухватилась за меня одна девушка восемнадцати лет, моя родственница, побледневшая как полотно. Я подумал, что ей просто дурно сделалось от духоты, и поддержал ее. А она потом мне говорит: «Да ведь это батюшка меня описал! Это была моя тайна, откуда он мог узнать?!»

А вот один из рассказов шамординской монахини Александры Гурко — тоже духовной дочери старца о. Варсонофия. В миру она была помещицей Смоленской губернии. «Собрал однажды, — рассказывала мать Александра, — батюшка Варсонофий несколько монахинь, своих духовных дочерей, и повел с ними беседу о брани с духами поднебесной. Меня почему-то посадил рядом с собой, даже настоял, чтобы я села поближе к нему. Во время беседы, когда батюшка говорил о том, каким страхованиям бывают подвержены монашествующие, я вдруг увидела реально стоявшего неподалеку беса, столь ужасного видом, что я неис-

тово закричала. Батюшка взял меня за руку и сказал: «Ну, что же? Ты теперь знаешь?». Прочие же сестры ничего не видели и не понимали того, что произошло».

Дар изгнания бесов

Близкие чада старца не раз были свидетелями проявления его духовных дарований. Так однажды чета Нилусов, придя на благословение к старцу Варсонофию, присутствовала при изгнании им беса из приведенного к нему человека. В этот раз потребовалось от старца немало духовных сил. Бесноватый был в неистовой ярости, изрыгал на о. Варсонофия злейшую брань, называя его все время полковником, и готов был наброситься на него. Старец потом объяснил Нилусам, что это был редкий и трудный случай, когда пришлось иметь дело с бесом «полуденным», который является одним из наиболее лютых и трудно изгоняемых. Об этом бесе упоминается в девяностом псалме в славянском тексте: «...и сряща, и беса полуденнаго» (Пс. 90, 6).

Случаи исцеления по молитве старца Варсонофия

Перед отъездом из Оптиной обратно в Петербург Елена Андреевна Воронова пришла попрощаться с о. Варсонофием и принять его благосло-

вение на путь, а батюшка вынес ей в приемную из своей кельи икону Божией Матери и сказал:

— Отвезите эту икону от меня в благословение княжне Марии Михайловне и скажите ей, что я сегодня, как раз перед вашим приходом, пред этой иконой помолился о даровании ей душевного и телесного здравия.

— Да застану ли я ее еще в живых? — возразила Елена Андреевна.

— Бог даст, — ответил о. Варсонофий, — за молитвы Царицы Небесной не только живой, но и здоровой застанете.

Вернулась Елена Андреевна в Петербург и первым делом к княжне. Звонит. Дверь отворяется, и в ней княжна: сама и дверь отворила, веселая, бодрая и как не болевшая.

— Да вы ли это? — глазам своим не веря, восклицала Елена Андреевна. — Кто же это воскресил вас?

— Вы, — говорит, — уехали, мне было совсем плохо, а там все хуже, и вдруг третьего дня, около десяти часов утра, мне, ни с того ни с сего, стало сразу лучше, а сегодня, как видите, и совсем здорова.

— В котором часу, говорите вы, это чудо случилось?

— В десятом часу третьего дня.

Это был день и час, когда о. Варсонофий молился перед иконой Божией Матери, присланной княжне в благословение.

Эта княжна Мария Михайловна Дандукова-Корсакова, в свое время, известная всему Петербургу своей благотворительной деятельностью женщина, посвятившая всю свою жизнь служению страдающим ближним: бедным, больным, заключенным в темницах — имела несчастье заразиться сектантскими идеями, отрицающими веру в святых угодников Божиих и даже Саму Пречистую Богоматерь. После этого события княжна вполне уверовала в святость Пречистой и угодников Божиих. Так она получила исцеление не только телесного, но и душевного своего недуга.

«Пожила Елена Андреевна Воронова дня три-четыре в Оптиной, — пишет С. А.Нилус, — отговелась, причастилась, пособоровалась. Уезжает, прощается с нами и говорит:

— А наш батюшка (о. Варсонофий) благословил мне по пути заехать в Тихонову Пустынь и там искупаться в источнике преподобного Тихона Калужского.

Если бы мы не знали великого дерзновения крепкой веры Елены Андреевны, было бы с чего прийти в ужас, да к тому же и Оптина от своего духа успела нас многому научить, и потому мы без всякого протеста перекрестили друг друга, распрощались, прося помянуть нас у преподобного Тихона.

Вскоре после отъезда Елены Андреевны получаем от нее письмо из Петербурга, где она пишет:

«Дивен Бог наш и велика наша Православная

вера! За молитвы нашего батюшки отца Варсонофия, я купалась в источнике преподобного Тихона при десяти градусах мороза в купальне. Когда надевала белье, оно от мороза стояло колом, как туго накрахмаленное. Двенадцать верст от источника до станции железной дороги извозчик вез меня в той же шубке, в которой вы меня видели. Волосы мои, мокрые от купанья, превратились в ледяные сосульки. Насилу оттаяла я в теплом вокзале и в вагоне, и — даже ни насморка! От плеврита не осталось и следа. Но что воистину чудо великое милости Божией и угодника преп. Тихона — это то, что не только выздоровел мой заболевший глаз, но и другой, давно погибший, и я теперь прекрасно вижу обоими глазами!...».

«Женщина, которая стояла посреди комнаты, бросилась к батюшке со словами: «Батюшка, помолитесь! Измучилась я со своим сыном: истратила на него все состояние, а он все остается глухонемым, и так сделалось с ним с двенадцати лет». Батюшка благословил, посмотрел на него и говорит: «Согрешил он одним великим грехом, и ему покаяться и говеть нужно, и снова он будет слышать и говорить». Мать даже огорчилась тут за сына: «Как! Ведь он примерный мальчик; мог ли он согрешить в двенадцать лет!». Батюшка обратился к юноше и спросил: «Ты помнишь, что ты сделал?». Тот в недоумении качал головой. «Да ведь он, батюшка, не слышит», — говорит мать. «Да,

тебя не слышит, а меня слышит». Тогда батюшка наклонился и шепнул ему что-то на ухо, и у него широко раскрылись глаза — он вспомнил. Через неделю юноша был здоров».

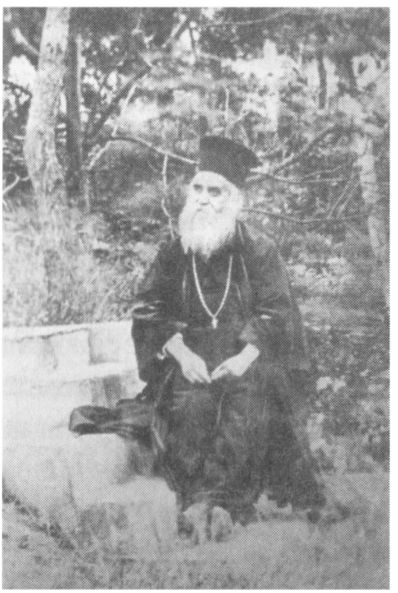
Память преподобного Оптинского старца Варсонофия (Плиханкова) совершается — 1/14 апреля

Тропарь Собору преподобных отцев и старцев, в Оптиной пустыни просиявших,

глас 6

Православныя веры светильницы, монашества непоколебимии столпи, земли Российския утешителие, преподобнии старцы Оптинскии, любовь Христову стяжавшии и души своя за чада полагавшии, молитеся ко Господу, да утвердит земное отечество ваше в православии и благочестии и спасет души наша.

Святитель Нектарий Пентапольский, Эгинский чудотворец (1846—1920 гг.)



В селе Силиврия, в восточной Фракии, у Димоса и Василики Кефалас 1 октября 1846 года родился пятый ребенок. При крещении мальчик получил имя Анастасий. Благочестивые родители воспитывали своих детей в любви к Богу: с ранних лет обучали детей молитвенным песнопениям, читали им духовную литературу. Анастасию больше всего нравился 50-й псалом, он любил многократно повторять слова: «Научу беззаконные путем Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся».

С малых лет Анастасий мечтал идти узкой тропой ко Господу и вести за собой людей. Он внимательно слушал проповеди в храме, дома старатель-

но записывал их, чтобы «сохранить словеса Божие», часами читал жития святых отцов и выписывал их изречения. Анастасий мечтал получить христианское образование, но, закончив начальную школу, вынужден был оставаться в родном селе, так как в семье не было денег, чтобы послать его на учебу в город. Когда Анастасию исполнилось четырнадцать лет, он упросил капитана судна, следовавшего в Константинополь, взять его с собой.

В Константинополе юноше удалось устроиться на работу в табачный магазин. Здесь Анастасий, верный своей мечте — духовно помогать ближнему, начал писать на кисетах и обертках табачных изделий изречения святых отцов. На мизерную зарплату невозможно было полноценно питаться, а о покупке одежды не могло быть и речи. Анастасий, чтобы не впасть в уныние, непрестанно молился. Когда одежда и обувь износились, он решил обратиться с просьбой о помощи к самому Господу. Рассказав в письме о своем бедственном положении, он написал на конверте следующий адрес: «Господу Иисусу Христу на Небеса». По дороге на почту, он встретил хозяина соседнего магазина, который, пожалев босого юношу, предложил отнести его письмо. Анастасий с радостью вручил ему свое послание. Изумленный торговец, увидев необычный адрес на конверте, решил вскрыть письмо, а, прочитав его, сразу же послал на имя Анастасия деньги.

Вскоре Анастасию удалось устроиться на работу смотрителя в школе при подворье храма Гроба Господня. Здесь ему удалось продолжить свое образование.

В 1866 году юноша отправился домой, чтобы провести Рождественские праздники в кругу семьи. Во время путешествия начался шторм. Мачта корабля надломилась, не выдержав натиска ветра. Все были в ужасе, Анастасий же, не растерялся: он снял с себя ремень, привязал к нему свой крест и стянул мачту. Одной рукой он придерживал мачту, другой осенял себя крестным знамением и взывал к Господу: просил о спасении судна. Молитва юноши была услышана: корабль благополучно прибыл в порт.

Вскоре Анастасий получил место учителя в селе Лифи на острове Хиос. Семь лет он не только преподавал, но и проповедовал слово Божие. В 1876 году Анастасий становится насельником монастыря Нео Мони (Нового Монастыря). 7 ноября 1876 года Анастасий был пострижен в монашество с именем Лазарь. 15 января 1877 года митрополит Хиосский Григорий рукоположил Лазаря в сан диакона, с новым именем Нектарий. Молодой дьякон по-прежнему мечтал учиться, в своих ежедневных молитвах он просил Господа предоставить ему эту возможность.

По промыслу Божиему, один благочестивый богатый христианин предложил молодому мона-

ху Нектарию оплатить дорогу и обучение. С 1882 года по 1885 год дьякон Нектарий учится на богословском факультете Афинского университета. После завершения образования, по рекомендации своего благодетеля, он переехал в Александрию.

23 марта 1886 года Патриарх Сафроний IV рукоположил дьякона Нектария во священника. Отец Нектарий получает назначение в Свято-Никольский храм г. Каира. В этом же храме вскоре его возводят в сан архимандрита, а спустя некоторое время Патриарх принимает решение о присвоении ему титула Верховного Архимандрита Александрийской церкви.

15 января 1889 года Верховный Архимандрит Нектарий рукополагается во архиерея и назначается митрополитом Пентапольской митрополии. В те годы Владыка Нектарий писал: «Сан не возвышает своего обладателя, одна лишь добродетель обладает силой возвышения».

Он по-прежнему стремится стяжать любовь и смирение. Добродетельная жизнь Владыки, его необычайная доброта и простота, вызывали не только любовь и уважение верующих. Влиятельные люди патриаршего двора опасались, что всеобщая любовь к святителю приведет его в число претендентов на место Святейшего Патриарха Александрийского. Они оклеветали святителя. По своему глубочайшему смирению праведник даже не попытался оправдаться.

«Добрая совесть — это самое великое из всех благ. Она — цена душевного мира и сердечного покоя», — говорил он в своих проповедях, покидая свою кафедру навсегда. Митрополит Пентапольский был уволен в отставку и должен был покинуть египетскую землю.

Вернувшись в Афины, Владыка Нектарий семь месяцев жил в страшных лишениях. Тщетно он ходил по инстанциям, его нигде не принимали. Мэр города, узнав о бедственном положении, в котором находился Владыка Нектарий, добился для него места проповедника в провинции Эвбея. Слава о необычном проповеднике из провинции скоро дошла до столицы и до греческого королевского двора. Королева Ольга, познакомившись со старцем, вскоре стала его духовной дочерью. Благодаря королеве Владыка был назначен директором Духовной школы имени братьев Ризари в Афинах. С неиссякаемой любовью и терпением относился Нектарий к своим подопечным. Известны случаи, когда за провинность учеников он налагал на себя строгий пост. Однажды служащий школы, занимавшийся уборкой, заболел и очень переживал, что его уволят с работы. Через несколько недель, вернувшись, он обнаружил, что кто-то все это время выполнял его работу. Оказалось, что Владыка сам тайно убирал школу, чтобы никто не заметил отсутствие заболевшего работника.

За свое великое смирение и любовь к людям

Владыка Нектарий удостоился даров Святого Духа: прозорливости и дара исцеления.

В числе многочисленных духовных чад возле Владыки собрались несколько девушек, желающих посвятить себя монашеской жизни. В 1904 году Владыка Нектарий основал женский монастырь на острове Эгина. На собственные средства ему удалось купить небольшой участок земли, на котором находился заброшенный, полуразрушенный монастырь.

Некоторое время старец Нектарий одновременно руководил школой и монастырем, но вскоре он ушел из школы, и переселился на остров Эгина. Двенадцать последних лет своей жизни он проведет на этом острове, который в скором времени станет местом паломничества для многих верующих. А пока предстояло много работы по восстановлению монастыря.

Духовные чада старца рассказывали, что Владыка не гнушался никакой работы: сажал деревья, разбивал цветники, убирал строительный мусор, шил тапочки для монахинь. Он был безгранично милостивым, быстро отзывался на нужды бедных, часто просил монахинь отдать последнюю еду бедным посетителям. По его молитвам на следующий же день в монастырь привозили продукты или денежные пожертвования.

Как-то раз к Владыке за помощью обратилась бедная пожилая женщина. Она рассказала, что на

ее оливковое дерево «напали красные мошки», которые уничтожают листья дерева, просила благословить оливу. Владыка осенил дерево крестом, и к всеобщему удивлению присутствующих, «с дерева поднялось облако мошек и улетело».

Однажды, когда рабочие возили из монастыря известь в деревню, чтобы гасить ее около колодца, вода в колодце кончилась. Сырая известь могла быстро затвердеть, и стала бы не пригодной для работы. Старца известили о случившемся. Владыка сам пришел к колодцу и благословил рабочих закончить работу. Ко всеобщему удивлению, после ухода Владыки колодец быстро наполнился водой. Работа была успешно закончена.

Духовные чада старца рассказывали, что благодаря молитвам старца Нектария не только обстановка на острове изменилась в лучшую сторону (прекратились разбой и грабежи), но и изменился климат. Крестьяне не раз обращались за молитвенной помощью к старцу во время засухи: по молитве Владыки Нектария благодатный дождь сходил на землю.

По свидетельству монахинь, многие верующие почитали Владыку как святого: верующие рассказывали, что видели как во время молитвы он «весь светился». А одна из монахинь однажды удостоилась увидеть, как Владыка Нектарий преобразился во время молитвы. Она рассказывала, что когда он молился с воздетыми руками, то был «на две

пяди поднятым над землей, при этом лицо его совершенно преобразилось — это был лик святого».

Из воспоминаний монахини Евангелины, записанных в 1972 году Манолисом Мелиносом: «Он был как бесплотный... Имел какую-то особую привлекательность. Весь светился. У него было спокойное лицо. А какую чистоту источал его взгляд! Эти голубые глаза. Казалось, что они говорили с тобой и призывали тебя к Господу. Он был полон любви ко всем, был смиренный, милостивый. Он был человек любящий молчание».

Однажды в монастырь приехали паломники из Канады, они попросили, чтобы старец Нектарий помолился об исцелении парализованного родственника. Владыка пообещал помолиться. Спустя некоторое время в одно из воскресений Владыку увидели в том самом канадском храме, куда привезли больного. Очевидцы рассказывали, что Владыка Нектарий, выйдя из Царских ворот, произнес слова: «Со страхом Божиим и верою приступите!» и позвал больного к причастию. К всеобщему удивлению больной тут же встал и подошел к Владыке. После литургии старец исчез. Канадец, получивший таким чудесным образом исцеление, сразу же отправился на остров Эгина благодарить Владыку Нектария. Увидев в монастыре старца, он в слезах бросился к его ногам.

Старца Нектария отличала не только нескончаемая доброта и любовь к людям и всему живому

вокруг него, но и необычайная простота. В монастыре он служил, как простой иерей, а архиерейское облачение всегда висело около иконы Божией Матери. Старец питался очень скромно, основной едой были бобы.

В сентябре 1920 года старца отвезли в больницу в Афины. Владыку определили в палату для бедных неизлечимо больных людей. Два месяца врачи пытались облегчить страдания тяжелобольного старца (у него было обнаружено острое воспаление предстательной железы). Владыка мужественно переносил боль. Сохранились свидетельства медицинских работников о том, что бинты, которыми перевязывали старца, источали необычайные аромат.

8 ноября 1920 года Господь призвал к себе душу Владыки Нектария. Когда тело почившего стали переодевать, его рубашку случайно положили на кровать лежащего рядом парализованного больного. Произошло чудо: больной тут же исцелился.

Из воспоминаний монахини Нектарии: «Когда Владыка умер, и его перевезли на Эгину, поехала и я. Гроб сопровождало множество священников, его ученики Ризарийской школы, и масса народа. Вся Эгина вышла! Флаги были приспущены. Закрыты магазины, дома. Его несли на руках. Те, кто нес гроб, рассказывали, что потом так благоухала их одежда, что они благоговейно повесили ее в шкафы как святыню и уже больше не наде-

вали. Все мы сестры, около десяти человек находились у гроба и держали коробочку с ватой. Мы постоянно протирали лоб Владыки, бороду и руки — между пальцев. В этих местах проступало, как влага сквозь стенки кувшина, миро! Так продолжалось три дня и три ночи. Все люди разбирали ваточки. Миро сильно благоухало».

Духовная дочь старца Мария рассказывала, что, провожая старца в последний путь, положила ему в гроб букет незабудок. А когда через пять месяцев, при перезахоронении, открыли гроб, то все были необычайно удивлены, увидев, что не только тело и одежда праведника не подверглась тлению, но и цветы сохранили свою свежесть.

Много чудесных исцелений произошло у могилы старца Нектария. Следует отметить, что жители греческого острова Эгина, по молитвам праведника, были защищены и во время оккупации. После войны бывший немецкий комендант Афин признался, что военные летчики, вылетавшие бомбить о. Крит, пролетая мимо острова Эгина, не видели его (и это, не смотря на хорошую видимость, и отсутствие облачности).

5 ноября 1961 года Владыка Нектарий был причислен к лику святых Православной Церкви.

День памяти Святителя Нектария Эгинского совершается — 9/22 ноября

Молитва святителю Нектарию, митрополиту Пентапольскому, Эгинскому чудотворцу

О, мироточивая главо, Святителю Нектарие, Архиерею Божий! Во времена великаго отступления, нечестию мир пленившу, благочестием просиял еси и главу прегордаго Денницы, уязвляющаго нас, сокрушил еси. Сего ради дарова ти Христос врачевати язвы неисцельны, за беззакония наша нас поразившия.

Веруем: возлюби тя Бог праведнаго, да тебе ради нас, грешных, помилует, от клятвы разрешит, от недуг избавит, и по всей вселенней страшно и славно будет имя Его, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Преподобный Оптинский старец Анатолий мл. (Потапов) (1855—1922 гг.)

В раннем возрасте у Александра Потапова, будущего Оптинского старца Анатолия, появилось желание стать монахом и уйти в монастырь. Однако мать его этого не хотела, и он, подобно преп. Сергию Радонежскому, поступил в монастырь только после ее смерти. Многие годы о. Анатолий провел в скиту келейником у великого старца Амвросия. После его смерти, будучи еще иеродиаконом, старчествовал в скиту, и вскоре стал общепризнанным старцем Оптиной Пустыни.

Он впитал в себя дух оптинского подвижничества. Уставной ход жизни обители, с ее Богослужением, старцами, насыщенной духовной атмосферой, воспитали в нем великого аскета, делателя

Иисусовой молитвы, проводившего ночи в молитве, искусного борца с врагом рода человеческого, выдающегося общественного деятеля, воспитавшего тысячи людей в духе истинно христианского благочестия.

Усвоив основы монашеского духовничества у великого Амвросия, старец Анатолий мудро руководил монашеской внутренней жизнью. Большое значение старец Анатолий придавал открытию помыслов. По воспоминаниям современников эта сцена производила весьма сильное впечатление. Сосредоточенно, благоговейно подходили монахи один за другим к старцу. Они становились на колени, беря благословение, обменивались с ним несколькими короткими фразами. Некоторые быстро, другие немного задерживались. Чувствовалось, что старец действовал с отеческой любовью и властью. Иногда он употреблял внешние приемы. Например, ударял по лбу, склоненного пред ним монаха, вероятно, отгоняя навязчивые помыслы. Все отходили от батюшки успокоенные, умиротворенные, утешенные. И это совершалось два раза в день, утром и вечером.

К мирянам преподобный обычно выходил в сени и благословлял каждого коротким, быстрым крестным знамением, слегка ударяя вначале несколько раз по лбу пальцами, как бы запечатлевая крестное знамение. Маленького роста, необычайно живой и быстрый в движениях, он, обходя

всех, отвечал на задаваемые вопросы, а затем принимал некоторых отдельно для беседы у себя в келье. Любовь и доброта обращения привлекали всегда к старцу толпы людей. Даже во время своей тяжелой болезни преп. Анатолий, не выходя из кельи, нашел в себе силы подойти к окну, сквозь стекло которого благословлял народ, собравшийся снаружи. Увидев его, вся толпа припала к земле.

У него была грыжа, и часто он принимал сидя на маленькой скамеечке, а люди наклонялись, подходя по очереди. Старец стучал по лбу человека: «цок, цок, цок», после чего благословлял его. Тем временем во двор приходил новый народ, который так же ожидал благословения. Когда келейники просили его: «Батюшка, отпустите людей», старец подходил к окошку своей кельи и благословлял пришедших. После этого люди молча и чинно расходились с миром.

«В1903 году, — вспоминает архимандрит Амвросий Коновалов, — я должен был ехать на призыв в воинское звание из Петербурга на родину, в Белев Тульской области. Поехал я со своим сверстником и товарищем Илюшей Картошкиным. Добрый он был юноша, но не знал духовной жизни, а тем паче монашеской. Говорю ему: «Илюша, хочешь со мною заехать в Оптину Пустынь, посмотреть монастырь, монашество, великих старцев?». Тот отвечает: «Да. Я ничего ни о монашестве, ни о старцах не знаю, я готов».

Прибыв в город Козельск Калужской губернии в пяти верстах от Оптиной, мы пошли пешком через прекрасный, покрытый зеленью, луг. Он раскинулся перед нашим взором, как прекрасный ковер, украшенный разноцветными цветами. А на склоне горы над рекой Жиздрой виднелась Оптина – эта великая Пустынь, «Фиваида» наша, «Заиорданье»...

Подошли к Жиздре. Там паром нас ждал, готовый переправить нас через реку. Его обслуживали смиренные иноки Оптиной. И вот вступаем на почву святой обители, где все овеяно трудами, подвигами оптинских пустынножителей, их слезами и непрестанной молитвой. Сойдя с парома, идем по шоссе к гостиницам, их было шесть. Все было занято, но так как у нас было рекомендательное письмо от баронессы О. П. Менгден, почитательницы старцев, то отвели нам скромный номер, на всякий случай оставленный. Спрашиваем, — как пройти в скит к старцу Анатолию. Тогда он был еще иеродиаконом, но к нему уже ходили за советами и указаниями. Идем к старцу чрез монастырский фруктовый сад, минуем ограду монастырскую, попадаем в монастырский лес — сосновый, величественный, деревья в два-три обхвата. Идем дорожкой, ведущей прямо в скит.

Вот, наконец, подходим. Видим колокольню скита. Направо — хибарка. Это — дом, где жили великие старцы Оптинские, еще направо — домик

скитоначальника. Подходим к воротам. Стучим. Выходит согбенный монах: «Что вам надо?». Мы отвечаем, что пришли передать письмо от О. П. Менгден старцу Анатолию.

Последний принял нас с любовью. В беседе с ним открылся нам дар его прозорливости... На всю жизнь осталась память об этой беседе...

После сего я каждый год посещал Оптину и старцев Пустыни, и память об этих посещениях до сего времени укрепляет и утверждает меня, грешного, в вере и благочестии».

Это радостное впечатление будущего канадского миссионера архимандрита Амвросия (Коновалова), от встречи со старцем, хорошо иллюстрирует отношение народа к батюшке Анатолию. Таков духовный облик великого оптинского подвижника старца Анатолия, по прозванию «младшего», в отличие от скитоначальника Анатолия «старшего» Зерцалова.

Прот. Сергей Четвериков в своей книге об Оптиной Пустыни, пишет о старце Анатолии: «Мне пришлось быть у него в 1905 году в его маленькой, тесной кельи в глубине скита. Рядом с ним, в другой келье, помещался о. Нектарий. Мы сидели втроем, за самоваром, у о. Анатолия. Небольшого роста, немного сгорбленный, с чрезвычайно быстрой речью, увлекающийся, любвеобильный, о. Анатолий уже тогда оставил во мне неизгладимое впечатление.

Шесть лет спустя я снова увидел о. Анатолия уже в сане иеромонаха. Он жил уже не в скиту, а в монастыре, при церкви «Владимирской» иконы Божией Матери, и пользовался уже большой известностью, как общепризнанный старец. Около него создалась та особенная духовная атмосфера любви и почитания, которая окружает истинных старцев и в которой нет ни ханжества, ни истеричности. О. Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному, радостнолюбовному и смиренному обращению с людьми, напоминал преп. Серафима Саровского. Обращала на себя внимание его особенная, благоговейная манера благословлять, с удержанием некоторое время благословляющей руки около чела благословляемого. В нем ясно чувствовались дух и сила первых оптинских старцев. С каждым годом возрастала его слава и умножалось число посетителей».

«Возле кельи о. Анатолия толпился народ, — описывает свои воспоминания князь Н. Д. Жевахов, посетивший Оптину Пустынь почти накануне революции в связи со своим назначением товарищем обер-прокурора Св. Синода, — там были преимущественно крестьяне, прибывшие из окрестных сел и соседних губерний. Они привели с собой своих больных и искалеченных детей и жаловались, что потратили без пользы много денег на

лечение. Одна надежда на батюшку Анатолия, что вымолит у Господа здравие.

С болью в сердце смотрел я на этих действительно неповинных, несчастных детей, с запущенными болезнями, горбатых, искалеченных, слепых. Все они были жертвами недосмотра родительского, все они росли без присмотра со стороны старших, являлись живым укором темноте, косности и невежеству деревни. В некотором отдалении от них стояла другая группа крестьян, человек восемнадцать, с зажженными свечами в руках. Они ждали «собороваться» и были одеты по-праздничному. Я был несколько удивлен, видя перед собой молодых и здоровых людей, и искал среди них больного. Но больных не было: все оказались здоровыми. Только позднее я узнал, что в Оптину ходили собороваться совершенно здоровые физически, но больные духом люди, придавленные горем, житейскими невзгодами, страдающие запоем. Глядя на эту массу верующего народа, я видел в ней одновременно сочетание грубого невежества и темноты с глубочайшей мудростью. Эти темные люди знали, где истинный врач душ и телес: они тянулись в монастырь, как в духовную лечебницу и никогда их вера не посрамляла их: всегда они возвращались возрожденными, обновленными, закаленными молитвой и беседами со старцами.

Вдруг толпа заволновалась; все бросились к дверям кельи. У порога показался о. Анатолий.

Маленький, сгорбленный старичок, с удивительно юным лицом, чистыми, ясными, детскими глазами, о. Анатолий чрезвычайно располагал к себе. Я давно уже знал батюшку и любил его. Он был воплощением любви, отличался удивительным смирением и кротостью, и беседы с ним буквально возрождали человека. Казалось, не было вопроса, который бы о. Анатолий не разрешил; не было положения, из которого этот старец Божий не вывел своею опытною рукою заблудившихся в дебрях жизни, запутавшихся в сетях сатанинских... Это был воистину старец — великий учитель жизни. При виде о. Анатолия толпа бросилась к нему за благословением, и старец медленно, протискиваясь сквозь толпу народа, направился к крестьянам, ожидавшим соборования, и приступил к Таинству елеосвящения».

Последние годы старец жил недалеко от церкви, почти напротив, в монастырской ограде. Много народу ходило к нему. Преп. Нектарий, живший в скиту, при виде шедших людей спрашивал у них: «Вы к кому?», а сам вел к старцу Анатолию.

Смятение в народе, вызванное революцией, приводило верующих к старцам за духовной поддержкой, что крайне не нравилось безбожным властям. Начались репрессии.

Не обошли они и старца Анатолия. Красноармейцы обрили его, и всячески издевались над ним.

Старец переносил много страданий, но когда появлялась возможность, принимал своих чад.

Вечером 29 июля 1922 года приехала комиссия, которая долго допрашивала батюшку и собиралась его арестовать. О. Анатолий попросил себе отсрочку на сутки, чтобы приготовиться к аресту. Келейника, горбатенького о. Варнаву, комиссия строго предупредила, чтобы готовил старца к отъезду, т.к. завтра увезут, после чего уехали. Наступила тишина, и преподобный начал готовиться в путь. На другой день утром вновь появились члены комиссии. Выходя из машины, они спросили келейника о. Варнаву: «Старец готов?» — «Да, — ответил келейник, — готов», и, отворив дверь, провел их в покои преподобного. Каково же было удивление прибывших, когда им предстала такая картина: посреди кельи в гробу лежал «приготовившийся» мертвый старец! Не попустил Господь надругаться над Своим верным рабом и в ту же ночь принял Своего готового угодника, это было 30 июля 1922 года, в день памяти перенесения мощей преп. Германа, Чудотворца Соловецкого.

Духовная дочь преп. Анатолия Г. Р. свидетельствует: «В 1922 году, перед Успенским постом, получаю от батюшки Анатолия письмо, которое оканчивается так: «Хорошо было бы тебе приехать отдохнуть в нашей обители». Сразу не собралась, не поняла, почему батюшка зовет приехать, а ког-

Да приехала в Оптину, то было уже поздно: на другой день был девятый день со дня смерти дорогого батюшки. Грустно было: чувствовалась потеря близкого человека, которого никто заменить не может. К девятому дню съехались различные лица, в разговоре с которыми я узнала, что не я одна опоздала: были и другие опоздавшие, которых батюшка вызывал или письмом, или явившись во сне. Но были и такие, кто застали еще батюшку живым».

О погребении старца Анатолия сведений практически нет, однако известно, что его положили рядом с могилой старца Макария.

В заключение приведем несколько строчек другой духовной дочери старца Анатолия, монахини Марии, писавшей в Бар-град монахине Матроне, тоже духовной дочери преподобного: «Как хочется вернуть хоть на месяц то блаженное времечко дорогой и незабвенной духовной моей родины — Оптиной. Когда, будучи уже взрослой, гостила там месяца по два с половиной, чувствовала себя безмятежно счастливой, как ребенок под нежно любящей опекой старца-отца, заменяющего одновременно и мать, и брата, и друга, и няню, с тою лишь разницей, что в нем, в этом старце-отце, все скреплено и покрыто неземной любовью.

Вспомните, родная, вспомните Владимирскую церковь, а в ней толпу богомольцев 70-80 человек. Кто не был утешен его словом, отеческой улыбкой,

взглядом, истовым преподанием св. благословения, его смиренным видом. Кто? Только вышел батюшка, у всех уже лица просияли, несмотря на гнетущее настроение — с радостью редко кто приезжал туда. Крестясь, с сердечным, успокоенным вздохом, с благодарностью к Богу, уходят богомольцы в путь часто далекий, приходя к нему иногда только лишь за тем, чтобы принять благословение и получить в наставление что-нибудь, сказанное на ходу. Шестнадцать лет жила под руководством незабвенного батюшки Анатолия. Шестнадцать лет сплошной духовной радости. Слава Богу, давшему испытать мир, неземную радость здесь еще, на земле, видеть небесного ангела. В этой тяжелой скорбной жизни часто живые воспоминания, хоть на минуту, дают успокоение, и за то благодарение Создателю».

Чудеса по молитвам старца

Через три недели войдешь в свой дом

Один ямщик рассказывал:

— Всегда обращаюсь к этому дорогому батюшке. Он мне в трудные минуты все равно, что Ангел Хранитель: как скажет, так уж точно отрежет. Все правильно, по его так и бывает. Я никогда не забуду такой случай. Отделился я от отца, вышел из дому. Всего в кармане денег пятьдесят рублей. Жена, ребятишки, а сам не знаю, куда и голову приклонить. Пошел к эконому здешнего монасты-

ря, леску на срок попросить; обитель-то здешняя, дай им Бог доброго здоровья, все-таки поддерживает нас. Возьму, думаю, у него, это, леску, да кое-как и построюсь. Пришел к эконому, но, оказывается, не тут-то было. Что ему попритчилось, Господь его знает. Не могу — да и только. Я, было, и так, и сяк, ничего не выходит. Ну, знамо дело, пришел домой, говорю жене: «Одно нам теперь бесплатное удовольствие предоставлено — ложись и умирай». Сильно я закручинился, и первым, это, делом, по нашему, по-деревенскому, рассчитал пропить все эти деньги, оставив бабу с ребятами в деревне, а самому в Москву в работники. Но недаром говорят — утро вечера мудренее. Наутро встал, и первая мысль в голову: «сходи к старцу Анатолию, да и только». Делать нечего; встал, оделся, иду. Прихожу вот так, как сейчас, только народу видимо и невидимо. Где, думаю, тут добраться, да побеседовать; хоть бы под благословение-то подойти. Только это я подумал, ан, глядь, отворяется дверь из кельи, и выходит старец Анатолий. Все двинулись к нему под благословение. Протискиваюсь и я. А у него, у старца-то, такой уже обычай: когда осеняет святым благословением, то он в лобик-то, так, как будто, два раза ударяет и кладет благословение медленно, чинно, так что иногда за это время несколько словечек ему сказать можно. Так я решил сделать и здесь. Он благословляет, а я говорю в это время: «Погибаю я, батюш-

ка, совсем хоть умирай». — «Что так?» — «Да вот так и так», — говорю насчет дома. Покаялся ему, что и деньги пропить решил. Ведь сами знаете, если хочешь правильный ответ от старца получить, должен все ему сказать по порядку. Остановился, это, старец, как будто задумался, а потом и говорит: «Не падай духом; через три недели в свой дом войдешь». Еще раз благословил меня, и, верите ли, вышел я от него, как встрепанный. Совсем другим человеком стал. Ожил. Откуда и как это может случиться, что я через три недели в свой дом войду? Я и не раздумывал, а знал, что это непременно будет, потому что старец Анатолий так сказал. Так что же бы вы думали: вечером этого дня нанимает меня седок в Шамордино. еду через деревню, и вдруг меня окликает чей-то голос: «Слушай, скажи там своим в деревне, не хочет ли кто сруб у меня купить... Хороший сруб, отдам за четвертую и деньги в рассрочку».

Понимаете, чудо-то какое?

Конечно, сруб я оставил за собой, а на другой день опять к отцу эконому; тот на этот раз был помягче, согласился. И через три недели (на четвертую-то), мы с женой ходили уже благодарить старца Анатолия из своего собственного дома... Вот он какой, старец Анатолий-то!..».

Духовное окормление

Старец подарил мне, — вспоминает один из его посетителей, — деревянную чашу работы оптинс-

ких монахов с весьма знаменательной надписью на ней: «Бог Господь простирает тебе Свою руку, дай ему свою». Затем дал мне книжек: «Некоторые черты из жизни приснопамятного основателя Алтайской Духовной Миссии архимандрита Макария Глухарева», «Учение о благих делах, необходимых для вечного спасения», «Не осуждать, а молчать — труда мало, а пользы много», «Как живет и работает Государь Император Николай Александрович», «Молитвы ко Пресвятой Богородице преп. Нила Сорского».

И все эти книги, когда я их потом просмотрел, действительно оказались чрезвычайно полезными и, безусловно, необходимыми именно мне. Для примера, укажу на следующее. Имея страшную массу работы по переписке, по подготовке к лекциям, к беседам частного характера, благодаря почти беспрерывным посещениям людей, интересующихся совершившимся во мне переворотом, равно как и другими вопросами, — я всегда затруднялся, как распределять свое рабочее время и свою работу, и нигде не мог найти на этот предмет прямого указания. Каково же было мое удовольствие, когда в книжке «Как живет и работает Государь Император», я увидел способ равномерного распределения работ в виде записи в начале дня их распорядка. Это сразу устроило меня и избавило от чрезвычайно неприятных затруднений».

Прозорливость старца Анатолия

Мать Матрона (Зайцева), постриженная в мантию с именем Николая, сообщала следующее:

«Восьми лет я осиротела, четырнадцати я ушла в монастырь по благословению одного прозорливого старца о. Афанасия. Монастырь был бедный, а я еще беднее. Там прожила я пять лет. Поехала в Оптину Пустынь за благословением переменить обитель. В то время был еще жив о. Иосиф. Я спросила его, как и куда лучше, а батюшка Иосиф сидел на диване в белом подряснике, как ангел, и смотрел на крест своих четок, и говорит, что нет благословения менять обитель, а надо продолжать жить на месте. И я успокоилась, получив благословение и у о. Анатолия.

Потом приехала в Оптину в 1909 году и от радости сказала о. Анатолию: «Видите, батюшка, я опять приехала». А батюшка мой ответил: «Это что, что приехала к нам, вот через четыре года поедешь в Италию». Вот тут я ничего не ответила, решив хранить это, как тайну, спросить же не смела, а думать еще больше. Вот прошло два года. Поехала опять. Заехала в Калугу, там встретила блаженного Никитушку, который мне сказал, что я два года как-нибудь проживу, и велел сказать батюшке Анатолию, что я его встретила. Батюшка удивился и сказал, что он великий человек. А я говорю: «Вот, блаженный Никитушка мне сказал, что я проживу два года, видимо, я умру». А

батюшка Анатолий отвечает: «Нет, это не к смерти, а к перемене: через два года будет перемена. Вот наш архимандрит Варсонофий прожил здесь одиннадцать лет, и его перевели в Голутвин. Так и тебе будет перемена». Но и тут я не смела спросить, так ведь я помнила о четырех годах, как было ранее сказано, терпела и ждала.

Вот в 1913 году комитет решил приступить к постройке подворья в Бари. Решили взять меня туда. В это время одна семья поехала в Оптину Пустынь, с нею батюшка о. Анатолий прислал мне иконку и сказал: «Скажите ей: ведь не верила, а вот, Бог благословит, пусть едет». Батюшка показал мне адрес, где я буду жить, но я, конечно, не помню.

Прожила год с большим трудом, пишу: «Батюшка, благословите приехать. Здесь очень трудно, ведь я привыкла быть в монастыре». Батюшка мне ответил: «Бог благословит, приезжай». Я так обрадовалась и даже не стала ждать разрешения от Палестинского Общества, так, думаю, зачем? Ведь я больше не вернусь в Бари. В то время там были наши Тульские паломники, я с ними уехала в Иерусалим, а потом домой.

Через три дня была уже в Оптиной Пустыни. Прихожу к батюшке Анатолию. Первое его слово было: «Ну, что, побывала в Иерусалиме?» — «Да, батюшка. Вашими святыми молитвами». — «Ну, вот, побудешь у нас, а потом обратно». — «Обрат-

но? Нет, батюшка, я больше не поеду в Бари. Я уже сдала свой паспорт, да я теперь больше не состою на службе. Ведь я уехала, не получив разрешения». Батюшка ответил: «Это ничего, все будет хорошо». Прожила я в Оптиной почти две недели, и все время батюшка говорил: «Ведь твой дом в Бари». А я все говорю: «Нет, нет! Я не поеду в Бари!» Наконец, решилась сказать: «Батюшка, ведь вы меня благословили приехать, а теперь вот надо обратно ехать». Батюшка ответил: «Да, очень хорошо, что приехала — нас повидаешь и своих родных. Ведь ничего не знаешь, что будет». И батюшка сказал, подойдя к образу Божией Матери: «Матерь Божия! Тебе ее поручаю. Управь Ты Сама». После этих слов я не смела ничего говорить, а только слушала, и я стала просить благословения уехать. Батюшка спрашивает: «Куда?». Я отвечаю: «В Тулу». — «Не в Тулу, а в Бари. Но теперь вот я скажу день, когда надо ехать в Москву к моим духовным детям, войти в три дома, но только не заезжая в Тулу». Я, конечно, по неопытности заехала на один день в Тулу, а когда приехала в Москву, мне говорят: «А как жалко, что не приехали вчера, так как был ваш председатель тут». Стали спрашивать, как и что. Я сказал, что не хотела возвращаться в Бари. Тут, конечно, детки батюшки стали уговаривать, что они все устроят, по-старому все будет. Хорошо. Пришлось взять обратно паспорт и ехать. Батюшка говорил, что

там князь поможет во всем. «Где, батюшка, князь? Ведь князь в Петербурге, а я еду в Бари!» И мы приехали с князем в один день, как будто сговорились».

Почему мать не слушаешься?

Одна молодая девица, дав слово своему жениху тайно от родных, рвалась на курсы сестер милосердия, чтобы попасть на войну. Мать решила поехать к старцам, дабы поступить так, как они посоветуют. Осенью 1915 года они приехали в Оптину. «Отдохнув с дороги, — говорит О. Н. Т., — я подошла к келье батюшки, взошла и села в приемной, а в душе думаю: как хорошо, что я одна попаду к старцу без мамы. Старец, конечно, меня благословит идти на войну, когда я попрошу его, а мама, поневоле, отпустит меня. Вижу, дверь из кельи в приемную открывается и входит маленький старичок-монах в подряснике и кожаном широком поясе, и прямо направляется ко мне со словами: «А ну-ка, иди ко мне». У меня, что называется, «душа в пятки ушла» при этих словах батюшки. Но я вижу, у него необычайно ласковая улыбка, описать которую нельзя! Надо видеть! Я пошла за ним в келью. Он закрыл за нами дверь, посмотрел на меня, и я вмиг поняла, что скрыть что-либо я не могу: он видит меня насквозь. Я почувствовала себя какой-то прозрачной; смотрю на него и молчу. А он все так же ласково улыбается и гово-

рит: «А ты почему мать не слушаешься?». Я продолжаю молчать. «Вот что я тебе скажу: мать твоя тебя лучше знает, тебе на войне не место, там не одни солдаты, там и офицеры; это тебе не по характеру. Когда я был молод, я хотел быть монахом, а мать не пустила, не хотела, и я ушел в монастырь тогда, когда она умерла. Теперь ты вот что мне скажи: замуж хочешь?». Молчу. «Ты сейчас любишь его за его красоту! Выходи за него замуж тогда, когда почувствуешь, что жить без него не сможешь. Я знаю случай такой: муж был на войне, его убили. Жена в этот же час умирает дома. Вот тогда только и выходи». С этими словами старец взял стул, влез на него и достал с верхней полки деревянную иконку — так, с четверть аршина в квадрате, «Казанской» Божией Матери; поставил меня на колени и благословил. Потом сказал: «Когда приедешь в Петроград, не думай, что тебе нечего будет делать — будешь занята». Слова батюшки точно оправдались. В первый день по приезде ей предложили работать в госпитале для солдат, и вышла замуж она за адьютанта штаба дивизии.

Рассказ О. Н. Т. из Австралии

Вам письмо от Ванечки

«В 1922 году, когда мы с мамочкой в первый раз были в Оптиной, — рассказывал О., — жив был еще старец о. Анатолий. О тебе мы еще не имели никаких сведений, и мамочка спросила у о. Ана-

толия, как о тебе молиться: о здравии, или о упокоении? О. Анатолий спросил маму, не снился ли ты ей как-нибудь? Мама ответила, что видела во сне сыновей, едущими на конях: сначала покойного Володю, а потом тебя, но кони были разных мастей. О. Анатолий сказал: «Ну, что ж! Бог милостив, молись о здравии, Бог милостив!» Мама подумала, что о. Анатолий только ее утешает.

После посещения о. Анатолия мы были у батюшки о. Нектария. Мамочка задает старцу ряд вопросов о дочерях, о себе, обо мне, а о тебе ничего не говорит, так как знает, что нельзя по одному и тому же вопросу обращаться к двум старцам. Я этого не знал и, полагая, что мамочка забыла о тебе спросить, все время тереблю мамочку и говорю ей: «А Ваня? А Ваня?». Мамочка продолжает не спрашивать. Тогда батюшка ей и говорит после одного из моих: «А Ваня?» — «Он жив. Молись о здравии. Скоро получишь о нем известие. Тебе было неполезно о нем знать». Приезжаем домой, и мамочка спешит к о. Николаю Загоровскому сообщить, что Ваня жив. Матушка же Екатерина Ивановна, увидев мамочку в окно, выходит к ней навстречу со словами: «Вам письмо от Ванечки».

Из частных писем И. М. Концевича

Указание на место служения

Перед своим рукоположением во священники в 1921 году, о. Адриан тоже побывал в Оптиной.

О. Анатолий сказал ему: «Тебе надо будет поступить на курсы». И действительно, ему архиепископ Парфений (Полтавский) сказал: «У вас хотя и высшее образование, но светское, и потому надо держать экзамен». О. Адриан жил в Полтаве один месяц, готовясь к экзамену и занимаясь у профессоров.

О. Адриан спрашивал у батюшки благословения на приход в одно село Евлоши под Ромнами, где была чудотворная икона Божией Матери «Казанской».

Батюшка же дал ему яичко для меня; на нем с одной стороны был нарисован храм, а с другой — икона Божией Матери. Батюшка спросил: «Какая это иконка?». О. Адриан сказал: «Смоленская», кажется», а батюшка ответил: «Нет, «Иверская».

Первый приход о. Адриана был в Ромнах, в храме, в котором был очень чтимый всеми, в большой дорогой ризе, под балдахином, образ «Иверской» Божией Матери.

Из воспоминаний матушки Евгении Григорьевны Рымаренко.

Поучения преподобного Анатолия младшего

«Гордость бывает разная: есть гордость мирская — это мудрование, а есть гордость духовная — это самолюбие. Оно и точно: люди воистину с ума сходят, если на свой ум полагаются, да от него

всего ожидают. А куда же нашему уму, ничтожному и зараженному, браться не за свое дело.

Бери от него то, что он может дать, а большего не требуй... Наш учитель — смирение. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, а благодать Божия это все... Там тебе и величайшая мудрость. Вот ты смирись и скажи себе: «Хотя я и песчинка земная, но и обо мне печется Господь, и да свершается надо мной воля Божия». Вот если ты скажешь это не умом только, но и сердцем, и действительно смело, как подобает истинному христианину, положишься на Господа, с твердым намерением безропотно подчиняться воле Божией, какова бы она не была, тогда рассеются пред тобою тучи и выглянет солнышко, и осветит тебя и согреет, и познаешь ты истинную радость от Господа и все покажется тебе ясным и прозрачным, и перестанешь ты мучиться, и легко станет тебе на душе».

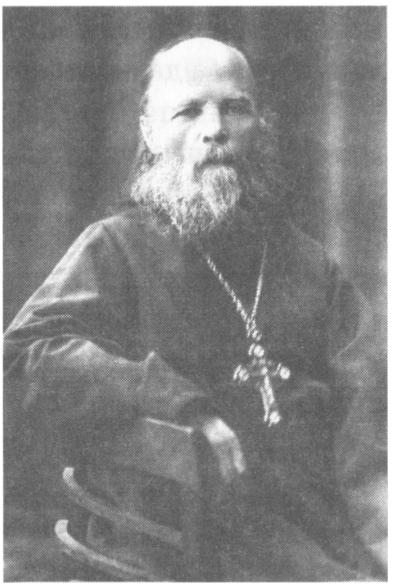
«Трудно было бы жить на земле, если бы и точно никого не было, кто бы помог нам разбираться в жизни... А ведь над нами Сам Господь Вседержитель, Сама Любовь... Чего же нам бояться, да сокрушаться, зачем разбираться в трудностях жизни, загадывать, да разгадывать... Чем сложнее и труднее жить, тем меньше нужно это делать... Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя. Положись не словами, а делами... Оттого и трудной стала жизнь, что люди запутали ее своим

мудрованием, что, вместо того, чтобы обращаться за помощью к Богу, стали обращаться к своему разуму, да на него полагаться... Не бойся ни горя, ни страданий, ни всяких испытаний: все это — посещения Божии, тебе же на пользу... Пред кончиной своей будешь благодарить Бога не за радости и счастье, а за горе и страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет возноситься душа твоя к Богу».

Память преподобного Оптинского старца Анатолия мл. (Потапова) совершается — 30 июля/12 августа

Читается тропарь Собору преподобных отцев и старцев, в Оптиной пустыни просиявших

Святой праведный Алексий Мечёв (1859-1923 гг.)



Старец Алексий Мечёв родился 17 марта 1859 года в Москве.

О своем рождении старец Алексий рассказывал так: «Когда наступили роды, покойная матушка чувствовала себя очень плохо. Роды были трудные и так затянулись, что она была близка к смерти. В горе и тоске отец поехал в Алексеевский монастырь к обедне, которую по случаю праздника служил сам митрополит Филарет...»

Митрополит Московский и Коломенский Филарет горячо молился об умирающей от тяжелых родов жене регента кафедрального Чудова монастыря Александре. После молитвы митрополит подал Алексею Ивановичу Мечёву просфору и ска-

зал: «Бог милостив, все будет хорошо. Родится мальчик, назови его Алексеем в честь празднуемого нами сегодня св. Алексия, человека Божия».

Когда Алексей Иванович вернулся домой, его встретили с радостным известием: родился мальчик.

Старец Алексий часто вспоминал с благодарностью заботу и ласку митрополита Филарета к их семье, рассказывал как Владыка однажды спас от неминуемой смерти отца. Зимой по распоряжению митрополита были привезены музыкально одаренные мальчики, чтобы ими пополнить митрополичий хор. Детей выгрузили из саней, привели в теплое помещение. Вдруг Владыка быстро оделся, вышел во двор и сам начал обыскивать сани. При свете фонаря в одних санях он нашел спящего мальчика. Это был сын священника Коломенского уезда — Алексей. Позже, когда Алексей Иванович окончил Семинарию, митрополит предложил ему стать регентом митрополичьего хора.

Сын Алексея Ивановича, Алексий, сначала учился в Заиконоспасском Училище, затем — в Московской Духовной Семинарии, а после окончания Семинарии поступил в псаломщики в церковь Знамения на Знаменку.

В 1884 году Алексий женился на Анне Петровне Молчановой.

18 ноября 1884 года был рукоположен во диа-

кона в Никитском монастыре преосвященным Мисаилом, епископом Можайским. 19 марта 1893 года был рукоположен во священника преосвященным Нестором. Молодому священнику достался бедный приход маленькой церкви Св. Николая на Маросейке. Нужна была большая вера, чтобы, не смотря на трудности, не упасть духом. Старец Алексий с грустью рассказывал духовным детям:

— Восемь лет я служил каждый день Литургию при пустом храме, один протоиерей говорил мне: «Как ни пройду мимо твоего храма, все у тебя звонят. Заходил я к тебе — пусто. Ничего не выйдет у тебя, понапрасну звонишь».

К несчастью тяжело заболела жена отца Алексия, ему одному приходилось заботиться о детях, ухаживать за прикованной к постели супругой. В августе 1902 году его жена умерла.

В те дни по делам благотворительности на Маросейку приехал о. Иоанн Кронштадтский. Великий пастырь сказал о. Алексию: «Ты жалуешься на скорби и думаешь — нет на свете горя больше твоего, так оно тебе тяжело. А ты будь с народом, войди в чужое горе, возьми его горе на себя и тогда увидишь, что твое несчастие мало, незначительно в сравнении с общим горем; и легче тебе станет».

Довелось о. Алексию и сослужить о. Иоанну Кронштадтскому в одной из московских церквей. После этой знаменательной встречи о. Алексий полностью посвятил себя жизни своей паствы.

Отец Алексий никогда не оставался один. Для людей он стал не только пастырем, а родным отцом и заботливой матерью. Вскоре о старце заговорила вся Москва. Церковь уже не могла вместить всех желающих, с раннего утра до поздней ночи здесь находилось множество народа: рабочие, профессора, врачи, учителя, писатели, инженеры, художники, артисты».

Старец Алексий говорил, что, Бог, дал ему детскую веру. Очевидцы рассказывали, что за богослужением он преображался. Его детская вера часто обнаруживалась в слезах, особенно за Божественной литургией. Часто он затруднялся произносить возгласы: «Придите, ядите...» или «Твоя от Твоих». При этих словах по его изменившемуся голосу всякий в храме понимал, что он плачет. Его лицо было полно умиления, и плач его захватывал и служивших вместе с ним.

— И я плакал, пригнувшись к престолу, — говорил служивший ему диакон.

Этот дар слез, которым обладал батюшка за свое смирение, особенно проявлялся в нем при чтении Великого канона св. Андрея Критского. Он его не читал, он произносил эти тропари как свои слова из глубины сокрушенного сердца, обливаясь слезами. Вся церковь сливалась с ним в умилении.

Из воспоминаний духовного сына старца Алексия: «Слишком запечатлелся перед нами образ о. Алексия. Нельзя забыть ни его светящихся при-

Цветом, небольших, но глядевших проникновенно голубых глаз, ни его чисто русского, родного благостно улыбающегося лица, на котором было написано столько доброты и душевной теплоты, что казалось их с избытком хватило бы на всех, кто имел счастье видеться и встречаться с ним. После большого семейного горя — потери близкого человека — я поспешил на Маросейку. Своим чутким сердцем о. Алексий понял всю глубину моей скорби и утешил без всяких слов одним лишь благостным видом. По окончании панихиды, у меня в порыве благодарности, невольно вырвалось: «Добрый Батюшка!».

У одной женщины, проживавшей в Туле, без вести пропал сын, ей посоветовали съездить в церковь «Николы в Кленниках» к старцу. Женщина приехала в Москву, пришла в церковь, и очень удивилась, когда после литургии услышала слова старца, протягивающего ей крест через головы шедших впереди нее людей:

— Молись как за живого.

Удивлению женщины не было предела, ведь священник впервые видел ее, и не мог знать о ее горе. А позже, при личной встрече, старец Алексий сказал:

— Вот тут на днях была у меня мать: все о сыне беспокоится, а он преспокойно служит в Софии на табачной фабрике.

Затем благословил женщину и подарил бумажную иконку со словами:

— Ну, Бог благословит.

Позже стало известно, что вскоре женщина получила от сына из Болгарии письмо, в котором он сообщил, что работает в Софии на табачной фабрике.

Очевидцы вспоминали, как однажды в храм вошел пьяный, оборванный, весь трясущийся человек и обратился к старцу Алексию:

— Я совсем погиб, спился. Погибла душа моя... спаси... помоги мне...

Старец подошел к несчастному совсем близко, с любовью взглянул в его глаза, положил руку на плечо и сказал:

— Голубчик, пора нам с тобой перестать винцо-то пить.

— Помогите, батюшка, помолитесь!

Старец Алексий взял страждущего за правую руку и повел к алтарю, торжественно раскрыл царские ворота и, поставив его рядом с собой на амвоне, начал молебен. После молебна старец Алексий трижды осенил несчастного, дал ему просфору и трижды поцеловал его. Спустя некоторое время в храм к свечному ящику подошел прилично одетый мужчина и выразил желание отслужить благодарственный молебен. Увидев старца, мужчина бросился с рыданием к его ногам. Старец узнал в нем того несчастного и воскликнул:

– Василий, да ты ли это?

Василий рассказал, как по молитве старца бросил пить, был принят на «хорошее место».

Из воспоминаний духовной дочери старца:

— Никогда батюшка не требовал к себе внимания, каких-либо знаков почтения и не только не требовал, но и сторонился их... В 1920 году чудовские сестры подняли вопрос о награде о. Алексию. В марте 1923 года исполнилось 30 лет служения его в сане священника... Настал день, когда Батюшка был вызван на патриаршую службу и награжден крестом... Вечером все собрались на вечернее богослужение и с волнением ждали, когда придет батюшка... После краткого молебна он обратился к народу... Закрывая лицо руками, он говорил о своем недостоинстве. Его слово было всенародным потрясающим исповеданием своего ничтожества, своей полной во всем недостаточности, негодности и слабости. Казалось, что этот крест с камушками совсем задавил его. К слезной, потрясающей всех исповеди батюшка с глубоким смирением поклонился до земли, прося у всех прощения.

Из воспоминаний монахини Иулиании:

— Батюшка, особенно за богослужением, как бы светился каким-то особым, ни с чем не сравнимым внутренним светом. Некоторые прихожане видели как во время службы батюшка поднимался на воздух и из его глаз как бы сыпались искры. Когда одна из верующих простодушно рассказала ему, каким она его видела, он ответил: «Никому не говори об этом до самой моей смерти. Тебе надо было видеть меня грешного, по Божиему милосер-

дию, в духе. Помни: это — только любовь и милосердие Божие ко мне, грешному».

Старец отмечал: «Много нужно понести скорбей, чтобы научиться молиться. Сердце пастыря должно расшириться настолько, чтобы оно могло вместить в себя всех нуждающихся в нем».

Епископ Арсений говорил: «Но если молитва бодрит и освежает человека, то принятие на себя страданий ближних сокрушает сердце пастыря, делает его физически больным». Батюшка о. Алексий стал страдать той болезнью сердца, от которой впоследствии скончался... Наступил 1923 год. Батюшке становилось все хуже. Жалко было смотреть, как он задыхается от мучительной одышки... Все, кто видели батюшку в эту зиму, замечали, что он был каким-то особенно светлым, светился каким-то особым, неземным, светом, в котором сочеталась такая же неземная, тихая радость.

Одна из его духовных чад в разговоре с о.Алексием сказала:

— Батюшка, как тяжело думать, что вас не будет.

— Глупыш, я всегда с Вами буду.

Другой своей духовной дочери он незадолго до смерти сказал:

— Молись за меня, а я — за тебя, любовь по смерти не умирает. И если я обрету дерзновение перед Богом, за всех буду молить Бога, чтобы вы все там были со мной.

Из воспоминаний духовной дочери старца: «Подле него была Нина. Она со скорбью и беспокойством наклонилась к нему. Батюшка взял ее голову обеими руками и прижал к груди... В эту минуту она услышала в его груди сильный звук как бы лопнувшей пружины. Батюшкины руки ослабели и упали. Глаза закрылись навсегда. Это была пятница 9/22 июня 1923 года».

В августе 2000 года Юбилейный Архиерейский Собор определил: Пресвитера Московского Алексия Мечева — причислить к лику святых.

Память св. прав. Алексия, пресвитера Московского совершается — 9/22 июня.

Святитель Иона, Ханькоуский чудотворец (1874—1925 гг.)

Родился будущий епископ Иона в Калуге в 1874 году. Рано осиротев и натерпевшись много горя, он был усыновлен сельским диаконом Калужской губернии. После усыновления ребенка умерших прихожан диакон дал Владимиру (имя владыки Ионы в миру), свою фамилию — Покровский. Позаботился об устройстве подросшего пасынка в духовное училище, а затем в Калужскую семинарию. Способному ученику открыла двери Казанская духовная академия. Студент Покровский блестяще закончил ее в 26 лет.

В годы обучения в Академии, приняв иноческий чин на третьем курсе, о. Иона монашескую

школу прошел под руководством опытных старцев Оптиной Пустыни. Духовно он окормлялся у великого старца Гавриила. По окончании Академии о. Ионе предложили место преподавателя Нового Завета, но он отказался от этой должности, считая, что это для него непосильно. Об этом он рассказал своему старцу, но последний, увидев в предложении преподавать в Академии волю Божию, приказал о. Ионе принять эту должность, а за поспешность с отказом, положить 300 земных поклонов с Иисусовой молитвой.

Но через несколько месяцев по патриотическому побуждению о. Иона ушел в действующую армию военным священником. Участвовал в крупной боевой операции, известной как Брусиловский прорыв.

В 1917 году Керенский допустил развал русской армии. Отец Иона вернулся под крышу родной Академии в сане иеромонаха. Но через полгода из-за травли религиозных деятелей уехал в Пермь. Там он был избит и арестован неистовыми богоборцами, и якобы для суда, в вагоне для перевозки скота, отправлен в Тюмень. В пути его освободили воины противобольшевистского отряда. Вынужденные обстоятельства забросили его в Омск, затем в Семипалатинск и в Семиречье. Здесь в полном разгаре шла гражданская война между казачьими партизанами и больше-

вистскими формированиями. В 1920 году о.Иона попал в Кульджу.

Русское население Семиречья, убегая от большевистских мобилизаций, арестов и групповых расстрелов, находило у о. Ионы слова утешения, умиротворяющие пастырские наставления и житейские советы о путях и способах выживания в чужой, иноязычной стране. Наступила весна 1921 года. Разбиты отряды Анненкова и Щербакова, нет армии Колчака. Убит атаман А. И. Дутов террористом Чанышевым по плану, разработанному чекистом Я. Х. Петерсом. Небольшая армия Дутова распалась. Распространился слух, что всех русских, попавших в Кульджинский край, местные китайские власти готовятся сдать карательным органам большевистских властей Семиречья. Слухи имели реальную основу, они нередко оправдывались кровавыми фактами. Несомненно, тогда зрела реальная угроза. Отец Иона с конным отрядом оренбургских и семиреченских казаков ушел из Кульджи. Пройдя Западный Китай и северную окраину пустыни Гоби, он добрался до Шанхая.

В Китае начинался новый этап жизни о. Ионы. В сентябре 1922 года, он был возведен в сан епископа Тяньцзинского, а в 1923 году переименован в епископа Ханькоуского и назначен викарием Пекинской Духовной Миссии.

Здесь проявились особые дары молодого епископа: неустанная проповедь, пастырское попечение, дар учительства детям. Им был организован приют для детей. Для приюта имеющихся средств было мало, и владыка ходил по коммерсантам. Пушник Мордохович рассказывал: «Приходит утром ко мне епископ Иона и на мой вопрос, по какому делу он пришел, Владыка ответил, что пришел он к известному промышленнику, чтобы просить помощи на содержание приюта детей в 40 человек. «Но я другой веры, я еврей», — сказал Мордохович.

— Владыка ответил: «Когда я вижу на улице сироту, грязного, голодного, в лохмотьях, я не спрашиваю его, кто он — еврей, русский, китаец — передо мной несчастный голодный ребенок, которого нужно накормить, одеть и обласкать — он человек и человеческой национальности». «Что я мог возразить? — сказал старый еврей, — передо мной стоял человек невысокого роста, в старенькой, заплатанной рясе, но это был исполин духа — ему нельзя было отказать, мне стало стыдно за мое духовное ничтожество и я стал с этого момента помогать его приюту». Мордохович впоследствии присутствовал на погребении владыки Ионы и горько плакал. Таких случаев было много, авторитет владыки был огромен.

Владыка основал училище, где училось до 200 детей и амбулаторию, которая оказывала необходимую медицинскую помощь и отпускала лекарства нуждающимся, разумеется, бесплатно, читал лекции, устанавливал уставное богослужение, а в Харбине основал богословско-философские курсы. Развернулась его пастырская деятельность и среди русских беженцев и православных китайцев. Его миссионерские усилия приносили хорошие результаты: китайцы принимали Православие. На территории Маньчжурии тогда находилось не менее ста тысяч русского населения. Большая часть из них являлась беженцами из большевистской России, меньшая — это рабочие и служащие КВЖД.

Отец Иона был определен настоятелем Иннокентьевского миссионерского собора, в котором быстро собрал прекрасную певческую группу. Церковная служба владыки Ионы отличалась особенной торжественностью. Собор всегда был полон молящимися. Мощно и проникновенно звучал соборный хор под управлением регента-композитора прот. о.Павла Шиляева. Владыка Иона во время совершения литургии имел обыкновение всегда обращаться к молящимся с назидательным словом – проповедью. Он обладал ораторским талантом, с амвона прямо, не взирая на лица, обличал пороки и грехи людей, которым

становилось весьма неловко. Особенно доставалось коммерсантам - посетителям игорных домов на Пушкинской улице и других злачных мест.

Святой Иона любил свой соборный храм во имя свят. Иннокентия Иркутского Чудотворца, но особенно благоговейно-торжественное отношение было у него к обновленным иконам. При известии о чуде обновления владыка немедленно отправлялся в этот дом, обследовал образ, свидетельствовал факт обновления и служил молебен.

Самым любимым и почитаемым был образ святителя Николая Чудотворца, обновившийся в глиняной землянке у беженца-казака из Забайкалья, здесь жившего в Зареченском поселке Маньчжурия. Был заказан переносный киот в бытность владыки, весной 9/22 мая, после литургии с крестным ходом образ выносился к месту обновления, где служился молебен, и потом крестный ход шел через всю правую часть города, останавливаясь по просьбе жителей для короткого молебна и возвращался в собор. За крестным ходом шло две телеги, куда жители города клали вещи для приютских детей.

В организованной по его инициативе местной семинарии он преподавал Закон Божий. Среди семинаристов было много китайских юношей.

Разносторонняя полезная деятельность сде-

лала о. Иону необычайно популярным и глубоко почитаемым в среде русского и китайского населения Маньчжурии, Северо-Восточного Китая, особенно в среде православных беженцев, нашедших временный приют в городах и рабочих поселках при железнодорожных станциях.

Личная жизнь его была суровой, в постоянных заботах и трудах. Отдыха он не знал, на своем столе не допускал сытных, дорогих блюд. Вареная картошка и рыба — его постоянная пища. Носил одежду до бедности непритязательную.

Заботясь о других, Владыка совершенно забывал о себе. Отличаясь веселым, простым и общительным характером, Владыка в личной жизни был скромен до предела. Заболев ангиной в 1925 году, он продолжал ревностно совершать богослужения. При повышенной температуре он служил на Воздвижение и Покров и при больном горле, почти шепотом, поучал свою паству евангельским истинам. От споласкивания горла керосином у Владыки произошло заражение крови. 19 октября к Владыке пришел врач и, осмотрев его, сообщил, что надо поскорее поисповедоваться и причаститься. У Владыки собрались его духовные чада и дети. Владыка исповедовался у своего духовника о. Алексия, облачился в новый подрясник и епитрахиль, положил земной поклон Св. Дарам и приобщился. После причаще-

ния святитель спокойно сел за стол и напечатал на пишущей машинке завещание, в котором он призвал своих чад любить друг друга и просил не оставлять детишек. Затем Владыка побеседовал с каждым присутствующим, и для каждого нашел приветливое слово, попросил у всех прощение. В половине первого ночи Владыка встал, одел епитрахиль и поручи оптинского старца Амвросия и, делая земные поклоны, громко прочитал себе отходную. Сказал окружающим во что его одеть, и просил его отпеть по монашескому чину, а вместо памятника поставить простой дубовый крест. У всех на глазах были слезы, и все молились: «Боженька, оставь нам Владыку!» При виде слез на лицах Владыка попросил не плакать, т. к. «на все воля Божия и он повинуется ей и ему умирать не страшно». В половине второго ночи Владыка вдруг быстро поднялся с кровати и еле стоя на ногах произнес: «Иду умирать в церковь!» Его уговаривали не идти. Владыка снова лег и, держа в правой руке крест и икону, а в левой зажженную свечу, через три минуты умер.

Усопшего перенесли в церковь. Всю ночь народ оставался в храме, будучи не в силах расстаться с телом боготворимого пастыря и смириться с его утратой. Утром была совершена заупокойная обедня и панихида. Надгробное сло-

во произнес проповедник протоиерей Демидов, в котором, указывая, кого потеряла Маньчжурия, в конце концов сказал, что церковь потеряла святителя..., исступленный гул массы народа сопровождал эту речь и один из почитателей, некто Гантимуров, будучи не в силах перенести утраты, упал и умер от разрыва сердца. Целый день и ночь народ толпами приходил поклониться праху усопшего. Во время похорон все население Маньчжурии, без различия вероисповедания, заполнило церковь и церковную ограду, всего до 6000 человек.

Так свято завершилось краткое трехлетнее епископство этого угодника Божия, всего лишь на тридцать седьмом году его жизни.

В день своего погребения Владыка явился 10-летнему мальчику, у которого были больные ноги и который не мог ни стоять, ни ходить, со словами: «На, возьми мои ноги, они мне больше не нужны, а свои отдай мне». Мальчик проснулся, встал на ноги и пошел к двери на кухню крича: «Мама! Мама! Открой двери». Он описал Владыку — это был святитель Иона.

Погребение епископа Ионы было совершено за алтарем Иннокентьевского собора. В 1949 году Китай стал коммунистическим. И здесь коммунисты явили миру идеологическую солидарность. Начались гонения инакомыслящих и

преследование «религий с националистической подоплекой». Началось массовое переселение русских людей в Австралию. Впоследствии многие русские жители Китая переехали в США, в Сан-Франциско. В Китае закрылся Русский университет, школы, церкви, кладбища. Иннокентьевский собор был взорван, погребения вокруг его стен порушены. Так уничтожалась память о присутствии русских в Китае.

С 1994 по 1996 почитатели Владыки Ионы, эмигранты из Маньчжурии проживающие в Сан-Франциско, пытались найти в Китае и привести в США его останки. Этого не удалось осуществить, но память о житии, подвиге и кончине Владыки Ионы не угасла и теперь уже более 60 лет церковное сознание почитает святителя Иону как угодника Божия, стяжавшего благодать молиться за призывающих имя его.

Святитель Иона был прославлен Русской Православной Церковью Заграницей 7/20 октября 1996 года.

Память Святителя Ионы Ханькоуского совершается — 7/20 октября

Тропарь, *глас 4*

Правило веры и образ кротости, воздержания учителя, яви тя стаду твоему, яже вещей Ис-

тина: сего ради стяжал еси смирением высокая, нищетою богатая, отче *(имя)* моли Христа Бога спастися душам нашим.

Тропарь, *глас 4*

Боже отец наших, творя присно с нами по твоей кротости, не остави милость твою, от нас, но молитвами их в мире управи живот наш.

Алексий (Соловьев), старец Смоленской Зосимовой пустыни (1846—1928 гг.)

17 января 1846 года в многодетной семье протоиерея Алексея Петровича Соловьева родился мальчик. Младенца при крещении нарекли Федором, в честь великомученика Феодора Тирона. Федор рано лишился матери, Мария Федоровна умерла в 1854 году во время эпидемии холеры.

Уже в юном возрасте Федор отличался серьезностью, строго соблюдал посты, старался избегать шумных компаний, стремился к уединению. Мальчик очень любил музыку. Научившись играть на рояле, он исполнял церковные песнопения, пел в церковном хоре. Примечательно, что грамоте Федора обучал диакон соседней церкви — отец Павел Смирнов, ставший впоследствии тестем Федора.

Юноша, унаследовавший от отца христианскую любовь к Богу и людям, рано решил посвятить себя служению Господу.

После окончания обучения в Андрониевском духовном училище Федор поступил в Московскую семинарию. В 1866 году он успешно закончил Семинарию. Прежде чем получить сан диакона, юноше нужно было жениться, выбор пал на дочь отца Павла, Анну. Венчание состоялось 12 февраля 1867 года, а 19 февраля в Чудовом монастыре Федор был рукоположен во дьякона.

Митрополит Московский Филарет назначил место служения — церковь Святителя Николая в Толмачах. Настоятелю и прихожанам молодой дьякон пришелся по душе. 23 июля 1868 года у Федора и Анны родился сын Михаил. Однако в 1872 году после скоротечной горячки Анна скончалась. Первое время «безысходная тоска одолевала» молодого дьякона. Настоятель церкви протоиерей Василий решил привлечь его к работе в редакции «Душеполезное чтение», чтобы он «нашел облегчение — в труде».

Редакционные заботы пробудили у дьякона Федора интерес к литературной деятельности, ему приходилось читать много духовной литературы, писать статьи для журнала, некоторые из них позже были изданы отдельными брошюрами. Одновременно он безвозмездно преподавал Закон Божий в сиротском приюте, старался никогда не отказы-

вать в помощи нуждающимся, не только ежедневно раздавал деньги нищим, но и помогал бедным, чем мог: приглашал в дом, кормил, одевал нуждающихся. Однажды на улице дьякон снял с себя верхнюю рясу и отдал дрожащему от холода нищему.

В мае 1895 года Федор Алексеевич покинул Николо-Толмачевский приход, он получил приглашение от Митрополита Московского Сергия перейти пресвитером в Успенский собор Московского Кремля. (Московский Митрополит решил восстановить в Успенском соборе древнее, так называемое «столповое» пение, при котором вместо псаломщиков на клиросе поют пресвитеры и диаконы в унисон, для этого «голосистых» диаконов искали по всем приходам Москвы).

4 июня 1895 года диакон Федор был рукоположен во пресвитера и определен в штат главного собора России, а через два года по принятию им священного сана был единогласно избран духовником соборного причта.

Из всех святынь собора о. Федор больше всего почитал Владимирскую икону Божией Матери, на которой лик Царицы Небесной исполнен необычайной духовной чистоты. Спустя много лет старец поделится своими воспоминаниями о том времени:

— Войдешь, бывало, в собор в три часа ночи для служения утрени, и благоговейный трепет охватывает тебя... В таинственном полумраке хра-

ма перед тобой встает вся история России... Чудится покров Божией Матери от Владимирской иконы в годину бедствий... И хотелось мне тогда молиться за Русь и всех верных чад ее, хотелось всего себя посвятить Богу и уже не возвращаться в суетный мир.

В 1898 году сбылась мечта о. Федора, по промыслу Божиему, он принял монашество в Зосимовой пустыни. 30 ноября 1898 года он был пострижен во иеромонахи с именем Алексий игуменом монастыря отцом Германом.

Первые годы пребывания в монастыре были связаны с большими трудностями. Быстро росло число исповедников о. Алексея: если сначала к нему приходили на исповедь лишь старушки-богомолки, то вскоре его духовными детьми стали многие молодые монахи, а через несколько лет его духовным сыном стал и игумен Герман. Господь одарил старца Алексия многими дарами, среди которых выделяются дары старческой мудрости, смирения, любви и прозорливости.

В 1906 году, после смерти старца Варнавы из Гефсиманского скита, многие из его духовных чад обратились за помощью и поддержкой к старцу Алексию. Приезжали преподаватели и студенты Московской Академии, государственные деятели, священники, военные, врачи, чиновники, учителя. Обращались за помощью в тяжелых жизненных обстоятельствах рабочие и крестьяне.

Старцу приходилось исповедовать ежедневно сотни людей, его любящее сердце вмещало в себя боль и страдания всех страждущих, за каждого он молился отдельно. Из воспоминаний духовной дочери старца Алексия, Елены Мажоровой:

«Часто задумывалась я над тем, как старец преклонного возраста, немощный, отдающий себя по целым дням служению народу, мог быть всегда со всеми ровным, терпеливым, неустанно горящим духом... Кажется, другой бы на его месте просто по немощи не мог бы отнестись к нам последним, так, как он относился к первым. Но у батюшки не было разницы: к нему можно было идти в любое время безбоязненно, с уверенностью, что его любовь и духовные силы ни для кого не иссякнут...»

Старец был очень снисходительным к истинно желавшим спасения. Не было греха, которого бы отец Алексий не прощал мгновенно, за исключением греха духовной гордости. «Смирихся, и спасе мя Господь», — повторял он.

— Нет ничего удивительного, что ты страдаешь, — нередко говорил батюшка, — это нужно, чтобы понять страдания других. Терпи, Христос, будучи безгрешным, терпел поношения от твари, а ты кто такая, чтобы не страдать? Знаешь ли ты, что душа очищается страданием; знаешь ли, что Христос помнит тебя, если Он посещает тебя скорбями. Избрать путь жизни самой труднее всего. При вступлении в жизнь нужно молить Господа,

чтобы Он управил твой путь. Он, Всевышний, всякому дает крест сообразно со склонностями человеческого сердца.

По дару прозорливости, часто бывало, на исповеди старец напоминал кающемуся какой-нибудь его грех... Велика была прозорливость старца: часто он совершенно точно рассказывал, как все происходило, при каких обстоятельствах.

Из воспоминаний отца Симона об отце Алексии:

«Мы, живя в Зосимовой пустыни, когда теряли душевный мир, приходили к старцу отцу Алексию и открывали ему свою душу. Старец говорил нам, что душевный мир нарушается больше всего от осуждения ближних и от недовольства своей жизнью. Когда мы начинали о ком-нибудь говорить с осуждением, старец нас останавливал: «Нам до других дела нет, говори только свое. Правила святых отцов предписывают останавливать исповедующихся, когда они говорят о других». И мы, придерживаясь этого правила, строго следили за собой, чтобы не сказать какое-либо слово о других. Старец еще учил нас: «Когда душа обвинит себя во всем, тогда возлюбит ее Бог, а когда возлюбил ее Бог, тогда — что еще нам нужно?» После исповеди и прочтения над нами разрешительной молитвы к нам опять возвращалась жажда духовной жизни, и в душе водворялся мир».

Стремление к безмолвию, потребность уединиться, чтобы сосредоточиться на внутренней молитве, телесная немощь вынудили старца Алексия просить разрешения уйти в затвор. Его просьба была частично удовлетворена в феврале 1916 года, он ушел в «полу-затвор»: исповедников он принимал в церкви только по субботам и воскресениям, но для мирян он был уже недоступен. В июне 1916 года семидесятилетний старец получил разрешение уйти в полный затвор.

Летом 1917 года старцу пришлось выйти из затвора, чтобы участвовать во Всероссийском Поместном Соборе, на котором было решено восстановить на Руси патриаршество. 5 ноября 1917 года ему было доверено в храме Христа Спасителя вытащить жребий с именем нового Патриарха.

«Перед началом богослужения митрополит Киевский Владимир в алтаре написал на пергаментах имена кандидатов на патриаршество и положил в специальный ковчежец. Во время литургии из Успенского собора была принесена чудотворная Владимирская икона Божией Матери... По окончании Божественной литургии из алтаря вышел молившийся там старец Алексий. Встав перед чудотворной иконой, он стал усердно молиться, и изредка клал земные поклоны... Начался торжественный молебен... По окончании молебна митрополит Владимир подошел к аналою, взял ларец, благословил им народ, разорвал шнур, которым ларец был перевязан... Старец Алексий трижды

перекрестился и, не глядя, вынул из ларца записку... Митрополит Владимир прочел: «Тихон, митрополит Московский».

Митрополит Московский Тихон, стал Патриархом Московским и Всея Руси.

Хотя и наступили годы жестокого гонения на Православную Церковь, жизнь в Зосимовой пустыни некоторое время протекала по-прежнему, старец Алексий вновь ежедневно принимал духовных детей.

28 февраля 1919 года иеромонах Алексий был пострижен в схиму. В конце 1920 года Зосимова пустынь была превращена в сельскохозяйственную артель, монахи выполняли уже не послушания, а ходили на работу. 6 мая 1923 года уездные власти закрыли пустынь, а всех насельников выгнали.

Старец Алексий и его келейник отец Макарий поселились в маленьком домике духовной дочери старца в Сергиевом Посаде. Духовные дети старца оказывали им посильную материальную помощь. Старец Алексий, когда ему что-то привозили, всегда смиренно кланялся и благодарил, говоря: «Я ведь теперь нищий, живу подаянием». Смирение и чувство благодарности у старца были велики. Он постоянно благодарил и келейника за самые незначительные услуги, ежедневно просил у него прощения.

Из воспоминаний бывшего иеромонаха Зосимовой Пустыни игумена Владимира: «Отец Алексий еще за год до своей кончины, когда почувствовал ухудшение здоровья, стал ежедневно причащаться святых Таин, боясь умереть без святого причастия... 19 сентября 1928 года в 8 часов утра старец, по обыкновению причастился. Несмотря на сильную слабость, он сам читал молитву перед святым причастием... После этого ему стало легче и он тихо скончался...

Мы хотели похоронить о. Алексия на третий день — 21 сентября, но духовное руководство отложило погребение до четвертого дня. Народ так любил о. Алексия, что люди день и ночь стояли у гроба... Никому не хотелось расставаться со старцем...

Перед смертью он многим говорил: «Когда вам будет тяжело, приходите ко мне на могилку», — показывая, таким образом, что и после смерти любовь имеет большую силу». Погребение состоялось 22 сентября 1928 года на Кокуевском кладбище в Сергиевом Посаде.

Старец Алексий Зосимовский был причислен к лику святых угодников Божиих для всероссийского церковного почитания на Архиерейском Юбилейном Соборе, проходившем в Москве с 13—16 августа 2000 года.

Поучения старца Алексия

— Если нет духа исповедничества, трудно будет умирать. Тяжело будет отвечать перед Богом, которого не исповедовала открыто, а только тайно, боясь насмешек... Всегда, при любых обстоятельствах, можно говорить о Боге...

— Люди от того только и страдают, что не понимают истинного самоотречения во имя Распятого нас ради... Много слез сокрушенного сердца проливает человек, чтобы сделаться способным утешать других о Господе. Нужно идти туда, где тяга душевная так мучает человека, что он склоняется на самоубийство. Это нелегкий подвиг, граничащий с истинным распятием собственной греховности, ибо только тот может уврачевать отчаявшегося, кто сам, силой своего духа, сможет взять на себя его душевное страдание.

— Нужно помогать нуждающимся, развивать в себе жалость и любовь.

О молитве

— Нужно стараться согревать в себе чувство раскаяния, сердечного покаяния перед Богом. Не нужно прибегать ни к каким искусственным приемам, например вдыханию или выдыханию (как некоторые учат), а просто развивать в себе чувство глубокого искреннего покаяния. Мало-помалу преуспеешь и тогда почувствуешь великую сладость от молитвы... Читай утром и вечером молитвы по

Молитвослову, затем, по усердию, можно и каноны: Спасителю, Божией Матери, Ангелу-хранителю, а потом акафисты, какие захочется. Нужно непременно ежедневно, в течение 10 минут (это пока), без счета, чтобы не было машинально, читать Иисусову молитву, не галопом, а с размышлением... Надо непременно читать авву Дорофея и святого Иоанна Лествичника...

–Небесные звезды бывают видны только вечером, днем же их не видно. Если ты спустишься на глубину (например, в колодец), то оттуда увидишь много звезд, которых раньше не видел. Так точно и человек: если более обучает себя молитве Иисусовой, то эта молитва делается ограждением его ума, не дает ему отвлекаться на постороннее... – Молитву Иисусову лучше ограничивать временем (например, 15—20 минут), нежели количеством. В этом случае произносишь молитву неторопливо и более внимательно... Помолись Господу, чтобы Он помог творить Иисусову молитву.

— Когда молишься, представляй, что Бог там, вверху, и видит тебя, а ты внизу, на земле. При молитве заключай ум в слова молитвы, то есть молись со вниманием. Если ум рассеивается, отбегает от слов молитвы, снова вводи его в эти священные слова, итак все время, постоянно.

— Молитве помогут уединение и безмолвие. Как в огражденной стенами комнате ясно слышится входящий в нее звук, так и молитва, особенно

же молитва Иисусова, ограждаемая уединением и безмолвием, совершается с большей полезностью для души.

— За новопреставленного полагается утром и вечером делать по 12 поклонов.

— Молись всегда об избавлении от скорбей и от грехов, но под конец молитвы всегда добавляй, говори Господу: «Обаче, Господи, да будет воля Твоя».

— Когда кто страдает бессонницей, нужно молиться седмочисленной мученикам, а чтобы сон не одолевал во время молитвы, нужно молиться Спасителю, Божией Матери и святому Пантелеимону.

— Когда во время Херувимской или в другие важные минуты приходят в голову разные житейские мысли, нужно тотчас прибегать к Иисусовой молитве. Твори крестное знамение и произноси молитву Иисусову тихонько вслух, это поможет не блуждать мыслями. Нужно собрать мысли и молиться с умилением, с сердечным сокрушением и детским доверием. Господь за такое доверие пошлет умиление, тогда и ощутишь великий плод от такой молитвы. Понуждай себя. Итак, если не будешь себя понуждать к молитве, то заглохнет в тебе молитвенный порыв. Сначала трудно, а затем как бы потечет внутренняя молитва, но принуждать себя надо непременно.

Изречения, наставления

— Скорби — это ладья, на которой мы плывем в Небесное наше Отечество.

— Сознание, что духовно не продвигаешься вперед, послужит для самоукорения. Смирять себя надо. Одно крыло смирение, другое самоукорение. Нужно наедине громко молиться Иисусовой молитвой.

— Что бы ни случилось с тобой, никогда никого не вини, кроме себя самого. За все неприятности и невзгоды благодари Бога. Если будешь верить в промысел Божий, поручишься Ему, то обретешь великий мир.

— Унывать не нужно, а как увидишь, что согрешил, тотчас же, где бы ты ни был, кайся в душе перед Господом, а вечером особо... Нельзя отчаиваться: пал — восстани, постарайся исправиться. Крепко надейся на Божие милосердие и Его искупительную жертву.

— Плоды святого причастия — здоровье души и тела, мир душевный, какая-то радость духовная, легкое отношение к внешним скорбям и болезням... Эти плоды действуют, если мы не оскорбляем святыню... А оскорбляем мы святыню чем?

Зрением, слухом и другими чувствами, многословием и осуждением. Потому в день причастия надо преимущественно хранить зрение и больше молчать, держать язык за зубами.

— Гордиться нам нечем, ведь если и есть что хорошее в нас, то не наше, а Божие...

Когда тебе в голову придет гордый и тщеславный помысел о себе, так ты гони его сию же минуту и говори прямо вслух: «Знаю я, какой хороший. А это кто сделал?»

И начни перебирать свои грехи — помысел и отойдет.

— Не ленись читать слово Божие и духовные книги. Святое Евангелие нужно непременно читать ежедневно. Слово Божие поддержит и укрепит в истине.

— Мирянину, желающему познакомиться с духовной жизнью, лучше всего сначала прочитать книгу епископа Феофана «Что есть духовная жизнь». Эта книга представляет собой как бы ворота в духовную жизнь... Читать также наставления аввы Дорофея, Иоанна Лествичника и Иоанна Кронштадтского. Духовные книги нужно читать каждый день, чтобы питать душу. Есть и стихотворения, которые возвышают душу.

— Святые отцы говорят: «Рассуждение выше всего, смирение дороже всего, молчание лучше всего, а послушание — это такая добродетель, без которой невозможно спастись».

— Никогда не давай никаких обещаний. Как дашь, то тотчас враг и начнет мешать. Например, относительно употребления мяса. Не давай обета, а так — хоть всю жизнь не ешь.

— Кто любит говорить про других, про того и люди много говорят.

— Милостыню можно подавать не только за упокой, но и за здравие, ибо это приносит великую пользу душе.

Наставления священнослужителям, монахам и монахиням

— Монах должен знать два слова — «простите» и «благословите». Ему надо заучить наизусть стихиру 7 гласа: «Виждь твоя пребеззаконая дела, о душе моя...»

— При богослужении сослужащие должны сообразовываться с настоятелем в земных и поясных поклонах.

— За нравственно погибающих надо служить молебен перед иконой Божией Матери «Взыскание погибших».

— На проскомидии и на «Достойно есть» после пресуществления святых даров не надо поминать ангелов (например, архангела Михаила), так как за них не принесена бескровная жертва.

— При ежедневном чтении Евангелия и Апостола лучше читать из того и из другого по одной главе в день. В пасху и двунадесятые праздники, Псалтырь оставляется, и читаются только Евангелие и Апостол.

— Псалтырь в келии лучше читать стоя... Келейное чтение Псалтыри есть молитвенный труд...

— Евангелие непременно надо читать стоя. Апостол можно читать и сидя и стоя, но лучше стоя.

— Писание оптинских старцев близко к сердцу вследствие их долгого постоянного общения с окормляемыми. Вообще живая сердечная вера скорее и глубже схватывает предмет, чем рассудочное изучение его или оперирование над ним с докторским ланцетом.

— Из оптинских старцев более серьезен и полезен для монахов отец Макарий Оптинский. У него все сводится к смирению и самоукорению.

— «В нас еще не истреблены страсти, а лежат сокрытыми, и бывающия в столкновении с ближними наносимые ими нам неприятности, попущением Божием, показывают нам еще немощное наше устроение, и что еще не достигли меры исполнения заповедей Божиих. И потому надобно иметь борьбу со своими страстями, а, познавая свою немощь, зазирая себя и укоряя — смиряться, но не смущаться за то, что не достигли желаемого, и отнюдь не укорять других, показующих нам наше устроение. Смирение привлекает к нам милость Божию и помощь в делах наших». (преп. Макарий Оптинский)

— Оптинские старцы оттеняют в таинстве елеосвящения то, что оно облегчает хождение по мытарствам.

— При исповеди, особенно женщин и молодых девушек, не следует смотреть исповедующимся в лицо, а лучше смотреть в профиль или на икону, ибо зрение, по словам святых отцов, есть сильный проводник блудной страсти.

— Надо молиться против нервности святым благоверным князьям Борису и Глебу, против порока пьянства святому мученику Вонифатию, против блудной страсти, прежде всего Господу Богу, Божией Матери, ангелу хранителю, своему святому, затем преподобным Иоанну Многострадальному, Моисею Угрину, Мартиниану, преподобной Марии Египетской, святой мученице Фомаиде, апостолу Богослову (девственнику) и всем святым.

— Не только монашествующие, но и живущие в миру должны считать себя хуже всех. Монах же вдвойне должен быть смиренным и ни на секунду не забывать, что он хуже всех.

— Если хочешь поступить в монастырь, то помни, что для этого требуются смирение, послушание, соблюдение постов, точное исполнение возложенных работ, а главное — нужно не забывать, что ты хуже всех, подлее и мерзостнее.

Молитвы, составленные старцем Алексием

Молитвенная просьба

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Пресвятая моя Богородице и святый мучениче Трифоне,

пошлите мне благой и честный труд во славу Божию и на пользу ближних моих. Аминь.

Молитва человека, ищущего покоя в Боге

Господи, Боже наш! Прости нам вся прегрешения наша, вольная и невольная!

Во всем да будет Твоя святая воля над нами, грешными. Нас же сподоби во всем неуклонно, в мире душевном покоряться всеблагой и премудрой воле Твоей и исполнять ю; и имиже веси судьбами, спаси нас, недостойных раб Твоих; тогожде сподоби и присных наших, и всех людей Твоих, яко вся ведый, яко к истинному благу нашему, всемилостивый и Благословенный во веки. Аминь.

Молитва в предчувствии кончины

Господи мой, Господи! Прими смиренное сие моление мое. Избави мя от внезапной смерти, но пред наступлением кончины моея ради очищения множества грехов моих, ради принесения истинного покаяния и напутствия святыми таинствами, ради христианскаго перехода в жизнь вечную, блаженную, в мире душевном сподоби мя, Преблагий Господи, потерпеть болезнь предсмертную без непосильных страданий, без ропота, с благодарностью. Сподоби и окружающих мя разумно и во благодушии послужити мне при одре моей болезни во

имя Твое и через сие святое дело обрести себе благоволение Твое и вечное спасение. Ты бы еси хотяй всем спастися, Всемилостивый и Благословенный во веки. Аминь.

Память старца Алексия (Соловьева) совершается — 2 октября (19 сентября).

Преподобный Оптинский старец иеросхимонах Нектарий (Тихонов) (1857—1928 гг.)

В г. Ельце в 1857 году у бедных родителей Василия и Елены Тихоновых родился сын. Крестили его в Елецкой церкви преподобного Сергия и при крещении младенца назвали Николаем. Крестных его звали Николай и Матрона. О них и о родителях своих он всегда молился. Отец был рабочим на мельнице и скончался когда сыну исполнилось семь лет. Мальчик был умным и любознательным, но учиться ему пришлось только в сельской школе: помешала нужда.

Из раннего детства Николая известен следующий случай. Однажды он играл около матери, а рядом сидела кошка, и глаза у нее ярко светились.

Мальчик схватил иголку и вздумал проколоть глаз животного, чтобы посмотреть, что там светится, но мать ударила его по руке: «Ах, ты! Вот как выколешь глаз кошке, сам потом без глаза останешься!»

Через много лет, уже монахом, старец вспомнил этот случай. Он пошел к скитскому колодцу, где был подвешен ковш с заостренной рукояткой. Другой монах, не заметив батюшки, поднял ковш так, что острие пришлось прямо против батюшкиного глаза, и лишь в последнее мгновение старцу удалось оттолкнуть острие. «Если бы я тогда кошке выколол глаз, и я был бы сейчас без глаза, — говорил он, — видно, всему этому надо было быть, чтобы напомнить моему недостоинству, как все в жизни от колыбели до могилы находится у Бога на самом строгом учете».

Мать Николая была строга с ним, но больше действовала кротостью и умела тронуть его сердце. Одиннадцати лет Николая определили в лавку купца Хамова и там к семнадцати годам он дослужился до младшего приказчика. Юноша рос тихим, богомольным, любящим чтение. Он был очень красив, с нежным румянцем, как у девушки, с русыми кудрями, — так рассказывали старейшие оптинцы, помнившие его в молодости. О дальнейшей жизни своей он тогда не загадывал. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, старший приказчик Хамова задумал женить его на своей дочери,

и хозяин приветствовал это решение. Девушка была очень хороша, и Николаю она нравилась. Даже через десять лет, вспоминая свою нареченную невесту, батюшка растроганно улыбался, а одной монашке, которую он очень ласково принимал, говорил: «Ты мне мою давнишнюю невесту напоминаешь».

В то время в Ельце была благочестивая старица, тогда уже почти столетняя — схимница Феоктиста, духовная дочь Святителя Тихона Задонского. К ней елецкие горожане ходили на совет. И хозяин посоветовал Николаю пойти к ней благословиться на брак. Схимница, когда он пришел, сказала ему: «Юноша, пойди в Оптину к Илариону, он тебе скажет, что делать». Перекрестила его и дала ему на дорогу чаю. Тот поцеловал ей руку и пошел к хозяину, — так и так, посылает меня матушка Феоктиста в Оптину. Хозяин — воспринял это известие спокойно, даже денег ему дал на дорогу. Простился Николай с невестой и ушел, и больше никогда в жизни им не пришлось увидеться.

Когда подошел к Оптиной, было лето, а летом окрестности Оптиной очень живописны. Все луга в цветах, среди лугов серебряная Жиздра, над ней ивы и дубы, а дальше, на противоположном берегу, были монастырские сады и огромный Оптинский мачтовый лес. Монастырь был окружен белой стеной, по углам башни, а на каждой башне флюгер — ангел с трубой.

Николай вошел в скит — народу было множество — все к великому старцу Амвросию, и думает: «Какая красота здесь, Господи! Солнышко ведь тут с самой зари, и какие цветы! Словно в раю!», — так вспоминал старец о своем первом впечатлении от Оптиной.

А как найти Илариона, не знает, и не знает даже, кто такой Иларион. Спросил он одного монаха, а тот улыбнулся на простоту его и говорит: «Хорошо, покажу тебе Илариона, только уж не знаю, тот ли это, что нужен тебе». И привел его к скитоначальнику преподобному Илариону. Рассказал ему Николай о матушке Феоктисте, просил решения своей судьбы, а тот говорит: «Сам я ничего не могу сказать тебе, а пойди ты к батюшке Амвросию, и что он тебе скажет, так ты и сделай».

В то время народу к старцу Амвросию шло столько, что приема у него ждали неделями, но Николая старец принял сразу же и говорил с ним два часа. О чем была эта беседа старец о. Нектарий никому не открывал, но после нее Николай навсегда остался в скиту, и домой уже не возвращался ни на один день.

Первое послушание, данное ему в Оптиной, было ухаживать за цветами, которые так ему полюбились, а потом ему было назначено пономарить. На это послушание он часто опаздывал в церковь и ходил с красными опухшими, словно заспанными, глазами. Братия жаловались на него

старцу Амвросию, а тот отвечал, как было у него в обычае, в рифму: «Подождите, Николка проспится, всем пригодится».

Николай стал духовным сыном преподобного Анатолия (Зерцалова), впоследствии скитоначальника, а на совет ходил к преподобному Амвросию. В «Жизнеописании в Бозе почившего старца иеросхимонаха Амвросия», составленном архимандритом Агапитом, приводятся воспоминания о. Нектария: «В скит я поступил в 1876 году. Через год после сего батюшка о. Амвросий благословил меня обращаться как к духовному отцу к начальнику скита, иеромонаху Анатолию, что и продолжалось до самой кончины последнего в 1894 году. К старцу же Амвросию я обращался лишь в редких и исключительных случаях. При всем этом я питал к нему великую любовь и веру. Бывало, придешь к нему, и он после нескольких слов моих обнаружит всю мою сердечную глубину, разрешит все недоумения, умиротворит и утешит. Попечительность и любовь ко мне, недостойному, со стороны старца нередко изумляли меня, ибо я сознавал, что их недостоин. На вопрос мой об этом духовный отец мой, иеромонах Анатолий, отвечал, что причиной сему — моя вера и любовь к старцу, и что, если он относится к другим не с такой любовью, как ко мне, то это происходит от недостатка в них веры и любви к старцу: как человек относится к старцу, так точно и старец относится к нему».

Дальше батюшка Нектарий вспоминает: «К сожалению, были среди братства некоторые, порицавшие старца. Приходилось мне иногда выслушивать дерзкие и бессмысленные речи таких людей, хотя я всегда старался защищать старца. Помню, что после одного из подобных разговоров, явился мне во сне духовный мой отец иеромонах Анатолий и грозно сказал: «Никто не имеет права обсуждать поступки старца, руководясь своим недомыслием и дерзостью. Старец за свои действия даст отчет Богу. Значения их мы не постигаем». Так о. Нектарию объясняли духовные отцы и учителя высокое значение и духовные законы старчества.

Поступив в скит в 1876 году, преп. Нектарий получил мантию в 1887 году. Было это для него большой радостью. Он вспоминал в старости: «Целый год после этого я словно крылышки за плечами чувствовал». О постриге он говорил одной монастырской послушнице: «Когда ты поступила в монастырь, ты давала обещание Господу, и Господь все принял и записал все твои обещания. И ты получила монашество. А это только обряд монастырский. И когда ты будешь жить по-монашески, то все получишь в будущей жизни, а когда ты получишь мантию, а жить по-монашески не будешь, с тебя в будущей жизни ее снимут».

Монашество он ставил очень высоко. Оптинскому рясофорному монаху о. Георгию он говорил: «У тебя три страха: первый страх отречения от

монашества бояться; второй страх — начальства бояться; третий страх — молодости своей бояться. Какого же страха надо тебе больше всего бояться? Я тебе заповедую монашество больше всего хранить. Если тебе револьвер приставят, и то монашества не отрекайся».

И о. Амвросий, и о. Анатолий вели о. Нектария строго истинным монашеским путем. Преподобный Нектарий так рассказывал о том старческом окормлении: «Вот, некоторые ропщут на старца, что он в положение не входит, не принимает, а не обернутся на себя и не подумают: а не грешны ли мы? Может быть, старец потому меня не принимает, что ждет моего покаяния и испытывает? Вот я, грешный, о себе скажу. Бывало, приду я к батюшке о. Амвросию, а тот мне: «Ты чего без дела ходишь? Сидел бы в своей келье, да молился!» Больно мне станет, но я не ропщу, а иду к духовному отцу своему батюшке Анатолию. А тот грозно встречает меня: «Ты чего без дела шатаешься? Празднословить пришел?». Так и уйду я в келью. А там у меня большой во весь рост образ Спасителя; бывало, упаду я перед Ним и всю ночь плачу: «Господи, какой же я великий грешник, если и старцы меня не принимают!».

Однажды старца спросили, не возмущался ли он против своих учителей. Тот ответил: «Нет! Мне это и в голову не могло прийти. Только раз провинился я чем-то и прислали меня к старцу Амвро-

сию на вразумление. А у того палочка была. Как провинишься, он и побьет (не так, как я вас!). А я, конечно, не хочу, чтобы меня били. Как увидел, что старец за палку берется, я бежать, а потом прощения просил».

Про о. Анатолия (Зерцалова) старец рассказывал: «Я к нему двадцать лет не как надо относился и был самым последним сыном и учеником, о чем и сейчас плачу». И, обращаясь к посетительнице, прибавил: «Так вот, матушка, если хочешь быть монашенкой, так и ты считай себя последней дочерью и плохой ученицей. Нужно всегда думать о себе, что находишься в новоначалии».

Одна монахиня рассказывала, как однажды старец спросил ее: «Что же, матушка, благоденствуешь?». «Очень хорошо, батюшка!», — по простоте ответила она. «Хорошо!», — повторил он. Потом ушел к себе и через несколько времени вернулся суровый, сердитый. Она его спрашивает о житейском, о доме, о разных вопросах, что тут решить надо, а он молчит. Потом сказал, направляя к другому духовнику: «А ко мне и не ходите! Отказываюсь я от вас!» Она — плакать, а он не глядит. Других батюшка принимает, а с ней и не занимается, отчаянные помыслы пошли у нее. Тогда он взял ее за руку и подвел к иконам: «Говори, хочешь в Царство Небесное!», — и так сурово, только что не кулаком толкает. Та молчит. — «Говори, хочешь?». Та сквозь слезы: «Хочу!». — «Ну,

вот! Лучшего и не ожидай. Я другой дороги туда не знаю. А если ты хочешь, то поищи сама», — и опять ушел. А у нее от скорби все в голове мутится. Тогда он словно смягчился немного и дал в книжке прочесть жизнеописания двух саровских старцев, одного очень сурового, а другого мягкого, и как новоначальных суровый больше посылал к мягкому, а то они его суровости не выдерживали и отпадали. Так сурово воспитывали преп. Нектария его старцы, и так же вел он ближайших своих учеников. Он не натягивал тетиву, а временами давал как бы отдых, чтобы силы не перенапрягались. Он сказал одной своей ученице: «Уверяю тебя, что у нас будут экзамены и маневры, а после экзаменов у нас духовная радость будет». А та возражала: «Батюшка, я уже взрослая, какие у меня будут экзамены?». Батюшка улыбнулся: «Нет, нет! Обязательно у нас будут экзамены и переэкзаменовки».

Послушанию старец придавал величайшее значение. «Самая высшая и первая добродетель — послушание. Это самое главное приобретение для человека. Христос ради послушания пришел в мир, и жизнь человека на земле есть послушание Богу. В послушании нужно разумение и достоинство, иначе может выйти большая поломка жизни».

«Без послушания человека охватывает порыв и как бы жар, а потом бывает расслабление, охлаждение и окоченение, и человек не может двинуть-

ся дальше. А в послушании сначала трудно — все время точка и запятая, точка и запятая, а потом сглаживаются все препинания».

«Нашим прародителям дано было обетование, которое они ждали от Каина. Каин был первенец, но предпочтение они оказывали Авелю, потому что он был кроток, смирен и послушлив, а Каин был первенец, но был жесток и груб и творил свою волю. Ему было досадно, что Авелю отдают предпочтение, и он омрачился и опустил лицо свое. А Господь сказал ему: «Каин, грех лежит у порога. Властвуй над ним, а то он обратится и сокрушит тебя». А он не вник, не послушался Бога: грех лежал у порога сердца его, а он не вник, и посмотрел на порог дома, видит, там никто не лежит, он и не стал об этом думать, и пошел, убил брата своего, отказался от послушания Богу и попал в послушание греху. А уж как он мучился потом! Господи! Он всегда бежал отовсюду и всегда боялся и трясся».

Так старец в образной форме учил разумению и внимательности в послушании. Он указывал, что нельзя принимать духовных указаний буквально и поверхностно, ограничиваясь внешним; надо смотреть не только на порог дома, но, главным образом, на порог своего сердца.

Приводя какой-нибудь текст или пример из Священного Писания, он обычно говорил и о прямом, буквальном и об иносказательном значении. Например: «Блажен муж, иже не иде на совет не-

честивых». Со стороны внешней это значит, что ублажается человек, избегающий нечестивых собраний, не принимающий участия в еретических или антицерковных учениях, но мужем называется и ум, когда он не принимает приходящих от врага помыслов. Запретить приходить помыслам нельзя, но можно не вступать с ними в совещание в разговоры, а вместо этого говорить: «Господи, помилуй!» Вот поступающий таким образом и называется мужем.

Назначая какое-нибудь послушание, он с величайшей точностью и заботливостью разъяснял его, указывал, как лучше исполнить, соразмерял с силами человека, но, раз назначив, требовал исполнения неукоснительного и безотлагательного. Однажды, он послал одну свою духовную дочь с поручением. Она задержалась в хибарке, с кем-то разговаривая. Старец вышел и сказал: «Две минуты прошло, а ты еще здесь!»

В 1894 году преп. Нектарий был посвящен в иеродиаконы, а в 1898 году рукоположен калужским архиереем в иеромонахи.

О своем рукоположении он рассказывал П. Р.: «Когда меня посвящал в иеромонахи бывший наш благостнейший владыка Макарий, то он, святительским своим оком прозревая мое духовное неустройство, сказал мне по рукоположении моем краткое, но сильное слово, и настолько было сильно слово это, что я до сих пор помню, — сколько уже

Лет прошло, — и до конца дней моих не забуду. И много ли всего-то он и сказал мне! Подозвал к себе в алтарь, да и говорит: «Нектарий! Когда ты будешь скорбен и уныл и когда найдет на тебя искушение тяжкое, то ты только одно тверди: «Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего иеромонаха Нектария». Только всего ведь сказал владыка, но слово его спасло меня не раз и доселе спасает, ибо оно было сказано со властию».

От какой беды спасло его это слово, осталось прикровенным, но о нескольких искушениях своих старец, однажды, рассказал. Одно было в первые годы его послушничества.

В молодости у него был прекрасный голос, а музыкальный слух оставался и в старости. В те первые годы своего жительства в Оптиной он пел в скитской церкви на правом клиросе и даже должен был петь «Разбойника благоразумного». Но в скиту был обычай: раз в год, как раз в Великом посту, приходил в скит монастырский регент и отбирал лучшие голоса для монастырского хора. Брату Николаю тоже грозил перевод из скита в монастырь, а этого ему не хотелось. Но и петь «Разбойника благоразумного» было утешительно и лестно. И все же он в присутствии регента стал немилосердно фальшивить, — настолько, что его перевели на левый клирос, и, конечно, больше вопрос о его переводе не поднимался.

Второе искушение подошло к нему, когда он

был уже иеромонахом и полузатворником. Получив мантию, он почти совсем перестал выходить из своей кельи, не говоря уже об ограде скита. Даже были годы, когда окна в кельи его были заклеены синей сахарной бумагой. Сам он любил повторять, что для монаха есть только два выхода из кельи — в храм, да в могилу. Но в эти же годы он учился и читал. Читал он не только святоотеческую и духовную литературу, но и научную, занимался математикой, историей, географией, русской и иностранной классической литературой. Все это для того, чтобы лучше понимать приходивших к нему людей, среди которых было много образованных.

Изучал языки: латынь и французский (по-французски он даже говорил, познакомившись с одним французом, принявшим в Оптиной православие; по-латыни он часто цитировал). Был близок с Константином Леонтьевым; тот, живя в Оптиной, читал ему в рукописи свои произведения. У художника Болотова, принявшего монашество, он учился живописи. Художник Болотов, окончивший Петербургскую Академию Художеств, товарищ Репина и Васнецова, основал в Оптиной иконописную мастерскую, в которой преподавал по методам Академии, и преп. Нектарий сохранил интерес к живописи до конца жизни.

В это время вдруг преп. Нектарию захотелось поехать путешествовать, поглядеть дальние стра-

ны. Тут как раз пришло в Оптину требование откомандировать иеромонаха во флот для кругосветного путешествия, и о. архимандрит предложил это назначение батюшке Нектарию. Тот с радостью стал собираться. Только уже перед самым отъездом он пошел за напутственным благословением к старцу Иосифу, а тот не благословил. Так и пришлось батюшке остаться в Оптиной.

Третье искушение было, когда батюшка уже сам был старцем. Ему, почти семидесятилетнему, захотелось бросить старчество и уйти странником. «Только здесь я уже сам понял, что это искушение, поборол себя и остался», — рассказывал он.

В эти же годы учения и духовного возрастания старец начал юродствовать. Он носил цветные кофты сверх подрясника, сливал в один котел все кушанья, подаваемые на трапезе, — и кислое, и сладкое, и соленое, ходил по скиту — валенок на одной ноге, башмак на другой. Еще более смущал он монахов не только в это время, но и в период своего старчествования своими игрушками. У него были игрушечные автомобили, пароходики, поезда и самолетики. По игрушкам он составлял себе представление о современной технике. Еще были у него музыкальные ящики, и он даже завел граммофон с духовными пластинками, но скитское начальство не позволило. Для него характерен был этот интерес к общему течению жизни. До последнего года своей жизни он знакомился с современной

литературой, прося привозить ему книжные новинки, расспрашивая о постановке образования в школах и вузах, знал обо всем, что интересовало интеллигенцию. Но все это знание нужно ему было для его служения Богу и людям. Он рассказывал, как однажды, еще до революции, пришли к нему семинаристы со своими преподавателями и попросили сказать им слово на пользу. «Юноши! — обратился он к ним, — если вы будете жить и учиться так, чтобы ваша научность не портила нравственности, а нравственность научности, то получится полный успех в вашей жизни». Как-то одна его духовная дочь горестно говорила своей подруге в батюшкиной приемной: «Не знаю, может быть, образование совсем не нужно, и от этого только вред. Как это совместить с Православием?». Старец возразил, выходя из своей кельи: «Ко мне однажды пришел человек, который никак не мог поверить в то, что был потоп. Тогда я рассказал ему, что на самых высоких горах в песке находят раковины и другие остатки морского дна, и как геология свидетельствует о потопе, и он уразумел. Видишь, как нужна иногда научность».

Часто он говорил: «Я к научности приникаю». Об истории он говорил: «Она показывает нам, как Бог руководит народами и дает как бы нравственные уроки вселенной». Говоря о математике, он любил спрашивать: может ли быть треугольник равен кругу, и часто приводил святоотеческий

пример: «Бог — центр круга, люди — радиусы. При приближении к центру они сближаются между собой». О внешнем делании он говорил: «Внешнее принадлежит вам, а внутреннее благодати Божией. А потому делайте, делайте внешнее, и, когда оно все будет в исправности, то и внутреннее образуется. Не надо ждать или искать чудес. У нас одно чудо: Божественная Литургия. Это величайшее чудо, к нему нужно приникать».

Он учил внимательности в мысли: «Перестаньте думать, начните мыслить. Думать — это расплываться мыслью, не иметь целенаправленности. Отбросьте думанье, займитесь мышлением. Была «Дума», которая думала, а не мыслила государственно. Наполеон думал, а Кутузов мыслил. Мысли выше дум».

О жизни он говорил: «Жизнь определяется в трех смыслах: мера, время, вес. Самое доброе, прекрасное дело, если оно выше меры, не будет иметь смысла. Ты приникаешь к математике, тебе дано чувство меры. Помни эти три смысла. Ими определяется вся жизнь».

Однажды старец сказал: «Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы тот возрастал в познании. В Божественном творчестве нет остановки, все движется, и ангелы не пребывают в одном чине, но восходят со ступени на ступень, получая новые откровения. И хотя бы человек учился сто лет, он должен идти к новым и новым

познаниям... И ты работай. В работе незаметно пройдут годы». В это время лицо его было необыкновенно светлым, таким, что трудно было смотреть на него.

В другой раз он сказал: «Одному пророку было явление Божие не в светлом окружении, а в треугольнике. И это было знамением того, что к неисследимой глубине Божией человек не может приближаться и испытывать ее. Человеку позволено испытывать окружение Божества, но, если он дерзает проникнуть за черту, он гибнет от острия треугольника».

Все наставления эти были плодом внутреннего духовного опыта преп. Нектария. Неся служение старца, он делился с людьми своими знаниями. Но переход из уединенной кельи к общественному служению дался ему нелегко. В 1913 году, по настоянию о. Венедикта, настоятеля Боровского монастыря и благочинного всех монастырей Калужской епархии, оптинская братия собралась, чтобы избрать старца. Сначала старчество предложили о. архимандриту Агапиту, жившему в Оптиной на покое. Это был человек обширных познаний и высокого духа, автор лучшего жизнеописания старца Амвросия. Он решительно уклонялся от архиерейства, не раз ему предлагаемого, и от старчества отказался наотрез. Он спасался, имея лишь несколько близких учеников. Одним из них был преп. Нектарий. Когда братия стала просить его

указать им достойного, он назвал преп. Нектария. Тот, по смирению своему, на соборе братии не присутствовал. Когда его избрали, послали за ним о. Аверкия. Тот приходит и говорит: «Батюшка, вас просят на собрание». А преп. Нектарий отказывается: «Они там и без меня выберут, кого надо». — «Отец архимандрит послал меня за вами и просит прийти!», — говорит о. Аверкий. Тогда батюшка сразу же надел рясу, и как был — одна нога в туфле, другая в валенке, пошел на собрание. «Батюшка, вас избрали духовником нашей обители и старцем», — встречают его. — «Нет, отцы и братие! Я скудоумен и такой тяготы понести не могу», — отказывался батюшка. Но о. архимандрит сказал ему: «Отец Нектарий, приими послушание». И тогда батюшка согласился.

Отец Венедикт поддержал этот выбор, но, когда преп. Нектарий стал уже старцем и поселился в хибарке старца Амвросия, решил испытать его. Приехав в монастырь, он послал сказать ему, что требует его к себе. А преп. Нектарий не идет: «Я сколько лет в скиту живу и никуда не выхожу и идти не способен». Тогда о. Венедикт посылает вторично и велит сказать: «Благочинный монастырей требует тебя к себе». Тут батюшка сразу пришел в монастырь и поклонился о. Венедикту в ноги, а тот смеется и говорит: «Я благочинный и тебе в ноги кланяться не стану, а до земли поклонюсь». Потом они стали дружески беседовать.

Всегда преп. Нектарий говорил о себе: «Ну, какой я старец. Как могу я быть наследником прежних старцев? Я слаб и немощен. У них благодать была целыми караваями, а у меня ломтик».

Он вспоминал старца Амвросия: «Это был небесный человек и земной ангел, а я едва лишь поддерживаю славу старчества». С тонким юмором он говорил: «Я — муравей и ползаю по земле, и вижу все выбоины и ямы, а братия очень высока — до облак поднимается». «О, лениве, пойди к муравью и поревнуй его житию!», — это сказал не светский писатель, а в церкви читается. Паремии слышали? А кто мы такие — батюшка Анатолий и мы? Только муравьи. И вы к нам пришли. Вы еще только подходите к первой ступеньке, не поднимались, а только подходите. А еще надо пройти сквозь дверь, и никакими усилиями невозможно в нее войти, если не будет милости Божией. А потому первым делом надо просить: «Милосердия двери, отверзи ми, Господи». Все испрашивается молитвой! Адам в раю. Заповедь «возделывай и храни» —Адам беспечно только созерцал красоту. Он не благодарил Бога».

Сам старец молился с детской верой и простотой, иногда простирая к образам руки.

Одна его духовная дочь рассказывала, что она долго сидела у него и беседовала. Потом он отпустил ее. Уходя, она обернулась и увидела, что он стремительно двинулся в угол к иконам, прости-

рая к ним руки. Она незаметно вышла. Исповеди у него — самое прекрасное и страшное, что она видела в жизни. Она всегда знала, что и без ее слов он знает не только то, что она скажет, но и то, что еще не дошло до ее сознания. Он был очень строг на исповеди, указывая на духовное значение помыслов, а не только дел. Иногда же он был ласков, даже шутил. Так он, однажды, дал читать исповедь по книге. Исповедница на одном месте остановилась. «Ты что?». — «Я думаю, грешна я этим или нет». — «Ну, подумай! А то ты, может быть, вычеркнешь это в книжке», — и улыбается.

Очень хорошо рассказывала об исповеди у старца одна женщина, которая не исповедовалась с юности, от Церкви была далека, даже не отдавала себе отчета, верует она или нет, и к старцу попала, лишь сопровождая больного мужа. Старец произвел на нее большое впечатление и, когда он предложил ей поисповедоваться, она согласилась. «Вхожу я, — рассказывает она, — а он подводит меня к иконам: «Стань здесь и молись!». Поставил ее, а сам ушел к себе в келью. Стоит она и смотрит на иконы. И не нравятся они ей — не художественны они, и даже лампадка кажется ей никчемной. В комнате тихо. Только за стенкой преподобный ходит. Шелестит чем-то. И вдруг начинает находить на нее грусть и умиление, и невольно, незаметно, начинает она плакать. Слезы застилают ей глаза, и она уже не видит икон и лампадки, а толь-

ко радужное облако перед глазами, за которым чудится Божие присутствие. Когда вошел преподобный, стояла она вся в слезах. «Прочти «Отче наш». Кое-как, запинаясь, прочла. «Прочти «Символ веры». — «Не помню». Сам старец стал читать и после каждого члена спрашивает: «Веруешь ли так?». На первые два ответила: «Верую». Как дело дошло до третьего члена, то сказала, что ничего здесь не понимает и ничего к Богородице не чувствует. Батюшка укорил ее и велел молиться о вразумлении Царице Небесной, чтобы Та Сама ее научила, как понимать Символ веры. И про большинство других членов Символа веры женщина эта говорила, что не понимает их и никогда об этом не думала, но плакала горько, и все время ощущала, что ничего скрыть нельзя и бессмысленно было бы скрывать, и что вот сейчас с ней как бы прообраз Страшного суда, а преподобный о личных грехах спрашивал ее, как ребенка, так что она стала отвечать ему с улыбкой сквозь слезы, а потом отпустил ей грехи с младенчества до сего часа.

Однажды, одна его ученица на время отошла от него, уехала, но, молча, очень без него тосковала. Ее подруга сказала старцу: «Она очень одинока сейчас». «А что, она причащается?», — спросил старец. «Да». — «Тогда она не одинока».

О преодолении беспричинного страха он говорил: «А ты сложи руки крестом и три раза прочти «Богородицу», и все пройдет». И проходит.

У преподобного была очень большая духовная широта. Отпуская, однажды, в скиту осенним вечером духовных детей своих, он сказал: «Ночь темна для неверного. Верным же все в просвещение».

Он говорил: «Не бойся! Из самого дурного может быть самое прекрасное. Знаешь, какая грязь на земле, кажется, страшно ноги запачкать, а если поискать, можно увидеть бриллианты, — вот тебе, твою шею украсить».

Преподобный Нектарий был строг, требователен, иногда ироничен с духовными лицами и с интеллигенцией, и необыкновенно добр и доступен с простыми людьми.

Один старик крестьянин рассказывал: «Пропал у меня без вести сын на войне. Иду к батюшке. Он меня благословляет, я спрашиваю: «Жив ли сын мой? Как скажешь нам молиться за него, — мы уже за упокой подавать хотим». А он так прямо мне: «Нет, жив сын твой, отслужи молебен Николаю Чудотворцу. И всегда за здравие поминай сына». Я обрадовался, поклонился, рублик положил ему на свечи. А он так смиренно тоже поклонился мне в ответ».

Преподобный с такой же простотой давал деньги. Однажды одной духовной дочери нужны были деньги. Она попросила у старца. Он вынес с улыбкой скомканную пачку: «Вот, сосчитай эти тряпочки».

Он говорил, что милостыню надо подавать с рассуждением, а то можно повредить человеку.

Келейник его рассказывал, что он всегда хотел подробно знать нужду человека, зря не любил давать, а если давал, то щедро, на целые штиблеты, или даже на корову или лошадь.

Особенно внимателен преп. Нектарий был к более грешным посетителям или к восстающим против него своим духовным детям. Тот же келейник говорил, что он «девяносто девять праведных оставлял, а одну брал и спасал».

В период непослушания и возмущения он был отечески ласков, звал не по имени, а «чадо мое», «овечка моя» и возмущение стихало, потому что самая возмущенная и упрямая душа чувствовала искренность этой великой любви, о которой старец сказал однажды сам: «Чадо мое! Мы любим той любовью, которая никогда не изменяется. Ваша любовь — любовь однодневка, наша и сегодня и через тысячу лет все та же».

Однажды одна духовная дочь спросила старца: должен ли он брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить и утешить? Он ответил: «Ты сама поняла, поэтому я скажу тебе — иначе облегчить нельзя. И вот чувствуешь иногда, что на тебя легла словно гора камней — так много греха и боли принесли к тебе, и прямо не можешь снести ее. Тогда к немощи твоей приходит благодать и разметывает эту гору камней, как гору сухих листьев, и можешь принимать сначала».

Многие считали преп. Нектария прозорливцем, каждое движение его истолковывалось символически. Иногда это очень тяготило его. Однажды он рассказал такой случай: «У меня иногда бывают предчувствия, и мне открывается о человеке, а иногда — нет. И вот удивительный случай был. Приходит ко мне женщина и жалуется на сына, ребенка девятилетнего, что с ним нет сладу. А я ей говорю: «Потерпите, пока ему исполнится двенадцать лет». Я сказал это, не имея никаких предчувствий, просто потому, что по научности знаю, что в двенадцать лет у человека часто бывают изменения. Женщина ушла, я и забыл о ней. Через три года приходит эта мать и плачет: «Умер сын мой, едва исполнилось ему двенадцать лет». Люди, верно, говорят, что, вот, батюшка предсказал, а ведь это было простым рассуждением моим по научности. Я потом всячески проверял себя — чувствовал я что-нибудь или нет. Нет, ничего не предчувствовал».

Иногда же преподобный так же прямо говорил: «Тебе это прикровенно, а я знаю».

В нем была прекрасная человеческая простота, умная проницательность, мягкий юмор. Даже в глубокой старости он умел смеяться заливистым детским смехом.

Он очень любил животных и птиц. У него был кот, который его необыкновенно слушался, и батюшка любил говорить: «Старец Герасим был ве-

ликий старец, потому у него был лев. А мы малы — у нас кот», — и рассказывал прелестную сказку о том, как кот спас Ноев ковчег, когда нечистый вошел в мышь и пытался прогрызть дно. В последнюю минуту кот поймал эту зловредную мышь, и за это теперь все кошки будут в раю. Эта шутливость была свойственна преподобному. Как бы исполняя слово преп. Антония Великого, что нельзя без конца натягивать тетиву лука, старец Нектарий перемежал наставления свои и требования этой легкой шуткой, передачей исторического анекдота или сказкой. Рассказывал он всегда подробно, живо, со всеми деталями, как будто сам являлся участником или очевидцем события, даже события из священной истории. Неиссякаемы были его рассказы из жизни Оптиной, о славных старцах и мудрых архимандритах и скитоначальниках, и о необходимости свято до конца соблюдать старческие заветы. По возрасту преподобный был один из старейших насельников Оптиной и являлся как бы живой летописью ее.

В высшей степени в нем была развита духовная трезвость — никакой экстатичности, никакой наигранности чувств, никакой сентиментальности в христианской любви к людям. Сам глубокий аскет, он с любовью благословлял своих духовных детей на брак.

Он говорил приходящим к нему людям искусства: «Любите земные луга, но не забывайте о небесных».

Высоко ставил он человеческий труд. Когда одна духовная дочь его сокрушалась, как она будет жить после его смерти, без его руководства, он сказал: «Работай! В работе незаметно пройдут годы».

О его обращении, о его речи пишет покойный ученик его о. А.: «Батюшкина беседа! Что пред ней самые блестящие лекции лучших профессоров, самые прекрасные проповеди! Удивительная образность, картинность, своеобразность языка. Необычайная подробность рассказа (каждый шаг, каждое движение описывается с объяснением. Особенно подробно изъясняются тексты Св. Писания)». «Вся наша образованность от Писания», — говорил о себе преподобный. Каждое слово рассматривается со всех сторон. Легкость речи и плавность. Ни одного слова даром, как будто ничего от себя. Связанность и последовательность. Внутренний объединяющий смысл не всегда сразу понятен. Богатство содержания, множество глубоких мыслей. Над каждой из них можно думать год. Это жемчужная нитка, которой не видно, да и нет конца. Живой источник живой воды. Вся беседа чрезвычайно легко и воспринимается, и запоминается. Часто принимает оттенки святой шутливости, например, в рассказах о том, как человечество, впервые, в лице Евы, услышало слово «Бог». Преподобный говорил, что у Евы в полдень явилось желание подкрепиться, как это свойственно наше-

му естеству. И вот ходит она по Раю и выбирает, какой плод сорвать. При этом путь ее случился как раз мимо древа познания. Она проходила мимо так близко — рукой подать, хотя и было запрещено не только рвать плоды, но и проходить близко. А враг-то как раз и воспользовался этим.

Исповедуя, преп. Нектарий надевал старенькую, красную, бархатную епитрахиль с истертыми галунными крестами. Глаза у него были разные и небольшие. Лицо его как бы не имело возраста — то древнее, суровое, словно тысячелетнее, то молодое по живости и выразительности мысли, то младенческое по чистоте и покою. Еще лет за шесть до смерти, несмотря на преклонный возраст, ходил он легкой скользящей походкой, как бы не касаясь земли. Позже он передвигался с трудом, ноги распухли, как бревна, сочились сукровицей. Это сказались многолетние стояния на молитве.

К концу жизни лицо его утратило отблеск молодости, который так долго покоился на нем и вернулся к нему лишь во время предсмертной болезни. Если в эти последние годы лицо его светлело, то только каким-то вневременным светом. Старец очень одряхлел, ослабел, часто засыпал среди разговора, но еще чаще он погружался в глубокую умную молитву, как бы выходя из мира, и, возвращаясь к нам, был полон особой силы духа и просветленности. Вся жизнь старца от младенчества до смертного часа была отмечена Божиим Промыслом.

Старец Нектарий скончался 12 мая 1928 года в селе Холмищи Брянской области, куда он был выслан после закрытия Оптиной. Перед смертью он исповедался и причастился. При кончине его присутствовал один священник — его духовный сын, отец Адриан Рымаренко, впоследствии архиепископ Андрей Рокландский, который прочитал отходную. В момент смерти он поднял над умиравшим старцем свою епитрахиль. Преподобный Нектарий и умер под этой епитрахилью. Кончина его была тихая. Смерть свою старец предчувствовал и прощался со своими близкими еще за два месяца, давал им последнее благословение и наставление, передавал их тому или иному духовнику.

Хоронили его в светлый весенний день, несли с пасхальными песнопениями, и великая радость была на сердцах у плачущих его духовных детей.

Похоронили его на местном кладбище в Холмищах.

В воскресенье 16 июля, в день памяти митрополита Московского Филиппа, было совершено перенесение мощей оптинского старца Нектария (Тихонова) со скромного кладбища села Холмищи в Оптину Пустынь. Мощи старца Нектария были помещены во Введенском соборе.

Братия Оптинского монастыря прибыла на место погребения старца около шести часов утра, и через некоторое время на глубине полутора метров нашли гроб схимонахини Нектарии (Конце-

вич), и уже ниже и чуть в стороне другой гроб, в котором почивали мощи старца Нектария. Когда гроб открыли, все ощутили благоухание; мантия старца оказалась нетленна, мощи янтарного цвета.

Память преподобного Нектария Оптинского совершается — 29 апреля/12 мая

Читается тропарь Собору преподобных отцев и старцев, в Оптиной пустыни просиявших.

Преподобноисповедник Георгий (Лавров), Даниловский чудотворец (1862—1932 гг.)

Будущий преподобноисповедник Георгий (Лавров) родился 28 февраля 1868 года в деревне Касимовка Ламской волости Елецкого уезда Орловской губернии в бедной крестьянской семье. При святом Крещении младенец был назван Герасимом. У Дмитрия и Феклы Лавровых было три сына, заветным желанием матери было видеть одного из них в монашеском звании. Благочестивые родители часто ездили на богомолье в московские монастыри и храмы, брали с собой и детей. Однажды, в Троице-Сергиевой Лавре, прикладываясь к святым мощам преподобного Сергия, Герасим услышал слова: «Иди в Оптину». Когда отроку исполнилось 12 лет, он упросил родителей поехать в

Оптину пустынь. По обычаю, прибывшие богомольцы направились к преподобному старцу Амвросию за благословением. Старец благословил Герасима и особо отметил его как будущего инока.

Увидев пустынь, познакомившись с ее укладом и насельниками, Герасим принял решение поступить туда для иноческого жительства, в 1890 году, после смерти отца, он навсегда покинул родительский дом. Мать благословила сына иконой Пресвятой Богородицы. Любовь к своей матери святой старец пронес через всю жизнь и учил своих духовных чад чтить матерей и исполнять их благословения.

Герасим был принят на добровольное послушание, первое время работал на кухне, в пекарне, на свечном заводе, в поле, занимался рыбной ловлей; был помощником казначея, ризничего, часто ездил в Москву, Петербург, Калугу... В Оптиной пустыни говорили: «Послушание — те же курсы, которые изучают в духовных академиях. У нас тоже своя академия... Там сдают экзамены профессорам, а здесь — старцам». Послушник Герасим все делал тщательно, усердно, с большим старанием...

23 июня 1899 года он был пострижен в монашество с наречением имени Георгий (в честь святого великомученика Георгия, а 24 октября 1902 года — рукоположен во иеродиакона. В 1914 году иеродиакон Георгий был переведен в Мещовский Георгиевский монастырь. 31 октября указом

Священного Синода его рукоположили в сан иеромонаха и назначили на должность настоятеля монастыря.

Уже через два года иеромонах Георгий получил свою первую награду — набедренник.

Мещовская обитель была передана в руки отца Георгия в сложное время. Первая мировая война, события 1917 года, духовно-нравственный упадок в обществе... В этих условиях нужно было преодолевать бытовые неурядицы, сохранять привычный монастырский уклад.

Отец Георгий прилагал усилия к тому, чтобы прокормить не только братию, но и голодающих крестьян близлежащих сел. Монахи шили небольшие мешки, насыпали в них муку и отвозили их самым бедным крестьянам. За свои хозяйственные труды, отеческую заботу об обители и ее насельниках отец Георгий 2 ноября 1917 года был награжден наперсным крестом.

В монастырь из деревни Мамоново, которая находилась в сорока километрах от него, часто приходил блаженный Никифорушка (Никифор Маланичев). Отец Георгий любил прозорливого Никифорушку за его чистую, открытую душу, простоту. У них сложились духовно близкие отношения. Никифорушка предсказал некоторые события из жизни отца Георгия, в частности, его арест в 1918 году.

Так и произошло. 9 декабря 1918 года в Мещовский монастырь ворвались большевики, про-

извели обыск. Иеромонах Георгий был арестован. Наступило время тяжелых испытаний, которые иеромонах Георгий выдержал до конца — с истинным христианским смирением и силой духа.

Первое время после ареста иеромонах Георгий содержался под стражей в Мещовске, затем был помещен в Калужскую губернскую тюрьму; вновь переведен в Мещовск, где состоялся суд ревтрибунала. 13 июня 1919 года он был приговорен к расстрелу.

В камере смертников, куда поместили отца Георгия, находилось тридцать семь человек. Заключенных морили голодом, по ночам по пять-шесть человек уводили на расстрел. Отец Георгий ждал своей очереди и готовился

Когда в камере осталось семеро заключенных, к отцу Георгию подошел тюремный сторож и незаметно предупредил: «Батюшка, готовьтесь, сегодня я получил на всех вас список. Ночью уведут».

Из воспоминаний старца Георгия: «Я молился и плакал так, как никогда в жизни, слезы были до того обильны, что насквозь промочили шелковую вышивку на епитрахили, она слиняла и растеклась разноцветными потоками. Вдруг я увидел возле себя незнакомого человека...» В чудесном явлении, мученику за веру было открыто, что оставшимся в камере узникам, смертная казнь не грозит: «Видение окончилось, и я опять очутился

возле глухой стены, но в душе у меня была Пасха! Я сказал: «Дорогие мои, благодарите Бога, нас не расстреляют, верьте слову священника».

Действительно, заключенные попали не к месту расстрела, а в Таганскую тюрьму в Москве. Пока шло выяснение обстоятельств, была объявлена амнистия, и все остались живы. Они впоследствии стали духовными детьми старца.

После перенесенной хирургической операции иеромонах Георгий должен был отбыть пятилетний срок в Таганской и Бутырской тюрьмах.

В переполненных камерах Таганки среди уголовников находились и несправедливо осужденные архиереи — митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов) и настоятель Данилова монастыря, епископ Феодор (Поздеевский). Позднее митрополит Кирилл и благословит о. Георгия на старчество, а епископ Феодор с радостью примет в свою обитель.

В тюрьме иеромонах Георгий, промывал раны, менял повязки больным, страдающим экземой, гнойными заболеваниями (бинты, йод, вазелиновое масло он получал в передачах). Он не только врачевал раны телесные, но и исповедовал и причащал всех желающих. Заразившись тифом, он сам месяц провел в тюремной больнице, рядом с ним лежал тяжелобольной озлобленный на власть человек. Отец Георгий обратился к нему со словами: «Голубчик, поисповедуйся у меня, ведь ты

плох, вдруг умрешь...» Не сразу согласился заключенный открыть свою душу иеромонаху, отец Георгий долго молился со словами: «Господи, сохрани его жизнь. Что же он идет к Тебе с таким озлоблением...» Больной успокоился и начал свою исповедь... Из воспоминаний старца: «Я его выслушал, разрешил, и он уснул, а утром встал здоровым. С той поры это самый близкий мой духовный сын. Он вышел из тюрьмы, живет, работает, и все как следует...»

Отец Георгий умел находить общий язык со всеми: баптистами, иудеями, атеистами. Всем он не уставал повторять с доброй улыбкой: «Веруй всегда в милость Божию».

В 1922 году по ходатайству епископа Феодора (Поздеевского) иеромонах Георгий был освобожден, по Промыслу Божиему — принят «на поруки» архиепископом Федором в Московский Данилов монастырь. По свидетельству протоиерея Василия (Серебренникова), старец был «Человеком старой закваски», глубокий мир и покой отражался во всех его чертах. Людей привлекал сам внешний облик старца, его мягкость, кротость, тихий ласковый голос, «радостность» и простота в обращении: «У отца Георгия была особая доброта не природная, а духовная. К нему приходишь, и как бы не волновался, успокоишься. Был он молитвенником. Таких исповедей, как у отца Георгия мне в последствии не удавалось пережить. Мама видела

после молитвы его лицо просвещенным. Когда благодать посетит человека, лицо его меняется...»

Архимандрит Георгий, имея очищенное от страстей сердце и духовный разум, трезво воспринимал современную жизнь, прозорливому старцу была открыта душа каждого человека, это давало ему возможность безошибочно руководить своей многочисленной паствой.

От своих духовных детей он требовал постоянства в вере, ежедневную домашнюю молитву, посещение церковных богослужений считал обязательными. Чтением Святого Евангелия рекомендовал заниматься ежедневно, говорил, что чтение творений святых отцов «согревает душу».

По благословению батюшки и его молитвами совершались многие браки, казавшиеся нереальными. Нина Соколова хотела уйти в монастырь, но отец Георгий сказал, что это не ее путь. И она вскоре вышла замуж за Порфирия Сашенкова. Денег у молодой семьи не было, жить было негде, что очень огорчало супругов. Архимандрит Георгий посоветовал отслужить молебен мученику Трифону. Вскоре Порфирию одна женщина предложила купить у нее комнату. Когда счастливые Сашенковы пришли к старцу, которому никто ничего заранее не сообщал, тот спросил: «Ну как, понравилась комната? У Бога всего много».

Старец Георгий особенно ласков был с детьми, для каждого находил доброе слово — «золотце»,

«золотой мой», «деточка». Часто он говорил им: «Все ко мне идут, несут свои скорби, а вы у меня как пташечки, легкие, все у вас хорошо, и я отдыхаю с вами».

Не получив достаточного образования (он окончил лишь три класса сельской школы), отец Георгий благословлял молодых людей учиться, приобретать специальности по своим способностям и возможностям, развивать данные Богом таланты. Некоторые духовные чада старца впоследствии стали видными учеными. Среди них известные хирурги, руководители крупных институтов Н.А. Овчинников и С.С. Утешев; профессор Львовского университета, доктор философских наук А.В. Чичерин; профессор Московского университета геолог С.Н. Наумова.

Архимандрита Георгия посещали и архиреи, одного из них — будущего священномученика Фаддея (Успенского) он называл «всеблаженным архиереем». Многие из духовных чад старца, испытали гонения за верность Христу. Среди них ныне прославленные священномученики Серафим (Чичагов) и Владимир Амбарцумов, иеромонах Павел (Троицкий).

Человека, которому Господь уготовил монашеский путь, он видел сразу и отрывал от рассеивающей мирской жизни, предлагал круг чтения, знакомых. Отец Георгий считал, что в монастырь могут идти лишь те, кто послужил Богу в миру,

кто проверен жизнью, в ком заложен прочный фундамент православной веры. Некоторых из своих духовных детей он благословлял принимать тайный постриг.

Чуткость, кротость и мягкость старца Георгия по отношению к некоторым человеческим слабостям уступали место твердости, требовательности, когда это было необходимо для душевной пользы пришедшего.

Во второй раз архимандрита Георгия арестовали 19 мая 1928 года. Старца поместили в Бутырскую тюрьму. В вину ему вменили то, что он «среди многих находившихся под его влиянием верующих вел работу в направлении использования религиозных предрассудков в антисоветских целях».

Находясь в одиночной тюремной камере, изнемогая от допросов и бессонницы, архимандрит Георгий прибегал к спасительной молитве о себе и близких людях. На допросах держался спокойно и мужественно, на вопросы отвечал уклончиво, чтобы не подвести себя и других людей под ложные обвинения.

15 июня 1928 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать архимандрита Георгия в Казахстан, в Уральск, сроком на три года. Духовная дочь старца Татьяна Борисовна Мельникова сопровождала о. Георгия в ссылку и помогала ему до последнего его часа. Спустя некоторое время в Кара-Тюбе приехала Елена Влади-

мировна Чичерина. В Джамбейты поселились и другие духовные дети старца Георгия — молодые специалисты, окончившие медицинский институт в Москве. Главным врачом Джам-бейтинской больницы был Сергей Сергеевич Утешев, с ним еще два врача и санитарка. Через них передавались почта, посылки, организовывались приезды к старцу его духовных чад.

Отец Георгий должен был в предписанный властями срок ходить в город к уполномоченному отмечаться, что было нелегко, особенно летом, когда приходилось очень долго идти по сыпучему песку. Жили в основном тем, что присылали духовные дети из Москвы и тем, что давала корова, которую завели вскоре после поселения. Большие трудности с едой возникали во время Великого поста, порой не было ни крошки хлеба.

Быт понемногу устроился. Вся жизнь старца и его верных спутниц определялась церковным уставом. Никогда не прекращались усердные молитвы. В доме был устроен храм, престол которого из посылочных ящиков сделал сам отец Георгий. В антиминсе находились частицы святых мощей равноапостольных Константина и Елены. Богослужения совершались на все праздники, а Великим постом — ежедневно, утром и вечером. Хор состоял из духовных чад старца, а также из других ссыльных, с которыми очень быстро установились теплые дружеские отношения.

За годы ссылки старца случались происшествия, которые могли обернуться самой трагической стороной, но по горячим молитвам отца Георгия и по милости Божией заканчивались благополучно. Как-то летом в том месте, где жил старец, появилось много мокриц, которые проникли повсюду. Отец Георгий отслужил водосвятный молебен, и насекомые внезапно пропали. Во время большого пожара, по молитвам старца, чудом уцелел дом, где ютился старец со своими духовными чадами.

В ссылке архимандрит Георгий очень тяжело заболел (рак гортани). Нужна была срочная операция, длительное клиническое лечение. Но старцу не суждено было вернуться в Россию раньше положенного срока, он пробыл в Казахстане еще один год.

Весной 1932 года пришли, наконец, документы, и отец Георгий был освобожден без права проживания в Москве и 12 других городах, старец выбрал Нижний Новгород. Здесь бывшие ссыльные с большим трудом нашли в пригороде комнату в небольшом домике, стоявшем в роще красивых, белых березок, ветви которых качались прямо перед окнами архимандрита.

4 июля отец Георгий долго разговаривал со своим духовным сыном, архимандритом Сергием (Воскресенским), интересовался церковными делами, судьбой паствы. Утомившись, задремал. В комнате возле батюшки осталась только Татьяна

Мельникова. Заметив, что дыхание батюшки изменилось, она позвала отца Сергия. Он тотчас пришел со Святыми Дарами. Старец взял Чашу, принял Святые Дары и так, с Чашей в руках, преставился к Богу.

О смерти старца сразу же сообщили в Москву. Отпевание было назначено на 6 июля, в день Владимирской иконы Божией Матери, особо чтимой старцем. Совершал отпевание архимандрит Сергий в сослужении множества духовенства. Похоронили старца на Бугровском кладбище.

И после смерти старец Георгий не забывал своих детей и всех, кто с верой просил его молитвенного заступничества.

Из воспоминаний духовной дочери старца М.А. Овчинниковой: «Просила я батюшку («на его могилке») об одном трудном деле, и всё исполнилось. И не раз просила батюшку, и всегда он посылал помощь... Он и в правду рядом с нами всегда. Обратись к нему — и сразу откликнется».

Матушка Михаила (Шитова) рассказывала, что 1935 году в концлагере она, неопытная студентка 4 курса — «медичка», по благословению старца (старец явился ей во сне), стала исполнять обязанности врача. Однажды ей привезли рабочего с вывихом правого плечевого сустава руки. Так как с хирургией она была не знакома, то принялась усердно молиться и просить помощи своего духовного отца. Неожиданно больной радостно закри-

чал: «Доктор, доктор, а у меня рука уже вправилась!» Оказалось, что больной, забыв о вывихе, сел на пол и обнял колена руками: «Сел по забывчивости. Вдруг слышу — хруст, и рука вошла в сустав».

По свидетельству духовной дочери старца Георгия, прозорливой старицы схимонахини Олимпиады (Ивановой), он явился ей во сне после смерти и указал, как надо молиться:

«Всемилостивый Господи, прости все мои согрешения вольные и невольные. Сохрани мя от враг видимых и невидимых, от лихих и злых людей. Укрой мя от властителей. Пошли мне в жизни то, что мне нужно. И будет во всем Твоя святая воля». Так же он сказал ей, что надо читать 90-й псалом.

На Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года в числе новопрославленных святых к лику преподобноисповедников был причислен архимандрит Георгий, Даниловский чудотворец.

Основанием для этого послужили праведная жизнь отца Георгия, непоколебимая верность Христу, стойкое противостояние жизненным испытаниям, подвижничество, дар прозорливости, пастырское величие, неиссякаемая доброта, многочисленные чудесные случаи помощи людям, совершенные по его молитвам при жизни и явленные по блаженной его кончине, почитание и любовь верующих.

Высказывания старца Георгия:

«Жизнь наша не в том, чтобы играть милыми игрушками, а в том, чтобы как можно больше све-

та и теплоты давать окружающим людям. А свет и теплота — это любовь к Богу и ближним».

«Смолоду, надо прокладывать жизнь правильно, а к старости уже не вернешь времени. Одного мудреца спросили: «Что дороже всего?» — «Время, ответствовал мудрец, — потому что по времени можно приобрести все, а самого времени купить ни за что».

«Берегите дорогое, золотое время, спешите приобрести душевный мир».

«Ласка от ангела, а грубость — от духа злобы». «После бури — тишина, после скорби — радость».

Советы старца

(из воспоминаний духовных детей)

«Не будь обидчивой, а то станешь, как болячка, до которой нельзя дотронуться».

«Зачем унываешь и скорбишь, что ты одинока, вспомни Евангельские слова Господа, как Он сказал Своим ученикам: Вы... меня оставите одного, но Я не один, потому что Отец со Мною (Ин.16,32). Да и мы не одиноки, с нами и внутри нас живет Божественная сила, всегда борющаяся против жизненного зла. Береги это сокровище».

Память Георгия Даниловского совершается — в 25 января (7 февраля), если этот день совпадает с воскресным днем, если нет — в ближайшее после 25 января воскресенья в числе Собора новомучеников и исповедников Российских.

Молитва

О преславный угодниче Божий, преподобне отче Георгие, Даниловы обители похвало и украшение! Ты от юности своея монашеское житие возжелал еси, в немже подвизався, любовь Христову стяжал еси, и был еси пастырь добрый притекающим к тебе: последи же изгнания и многи скорби претерпев, Небесное Царство наследовал еси. И ныне призри на нас, чад твоих, молящихся тебе, и управи души наша ко спасению; обитель же нашу святую миром и благочестием укрепи, да чистым житием благоугодим Богу, Емуже всякая слава подобает, честь и поклонение, во веки. Аминь.

Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий (1865–1949 гг.)

Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий (в миру Василий Николаевич Муравьев) родился 31 марта 1866 года в деревне Вахромеево Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. 1 апреля 1866 года во святом Крещении он был наречен Василием.

В десятилетнем возрасте, после внезапной кончины отца, Василий прибыл в Санкт-Петербург, где работал рассыльным, подручным приказчика, приказчиком и старшим приказчиком в торговых предприятиях Гостиного и Апраксина Дворов.

С ранних лет в отроке жило стремление к монашеской жизни. В 14 лет он получил от одного из

старцев Александро-Невской Лавры пророческое благословение: до поры оставаться в миру, творить богоугодные дела, создать благочестивую семью, воспитать детей, а затем, по обоюдному согласию с супругой, принять монашество. Вся дальнейшая жизнь в миру стала для него подготовкой к жизни иноческой. Это был подвиг послушания, который длился более 40 лет.

Почти двадцать из них Василий Муравьев находился под духовным руководством старца Гефсиманского скита Свято-Троицкой Сергиевой Лавры иеромонаха Варнавы (Меркулова), что позволило заложить неколебимый фундамент, на котором происходило дальнейшее возрастание Василия Николаевича как великого подвижника благочестия.

Около 1890 года он вступил в брак с Ольгой Ивановной (девичья фамилия не установлена). В 1892 году Василий Николаевич открыл собственное дело и стал купцом 2-й гильдии. Со временем его контора по заготовке и продаже пушнины вышла на международный рынок. Вскоре его предприятие стало широко известным не только в России, но и во многих европейских столицах. Молодой купец всего за несколько лет вышел в число крупнейших мехоторговцев Петербурга.

В 1895 году Василий Муравьев стал действительным членом Общества по распространению коммерческих знаний в России, целью которого служило всемерное содействие государю импера-

тору и правительству в области национального экономического развития. В 1897 году Василий Николаевич закончил Высшие Коммерческие курсы, организованные при Обществе.

По долгу христианского милосердия втечение многих лет В.Н. Муравьев оказывал помощь ряду храмов, обителей и богаделен, самоотверженно служил неимущим и страждущим. В одной из описей архива Святейшего Синода обнаружена запись от 4 января 1905 г. о представлении к награждению В.Н.Муравьева за богоугодные дела. В этом же году благочестивый коммерсант стал действительным членом известного на всю Россию Ярославского благотворительного общества, в состав которого входили многие замечательные пастыри и общественные деятели того времени.

Василий Николаевич творил пред лицом Господа втайне от окружающих многочисленные пожертвования на храмы и монастыри, а также неимущим. При весьма напряженных земных трудах он проводил жизнь истинного молитвенника. После кончины старца Варнавы духовными наставниками В.Н. Муравьева стали ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии, епископ Ямбургский Феофан (Быстров) и будущий священномученик, епископ Гдовский Вениамин (Казанский). Близилось время Василию Николаевичу выйти на служение людям мудрыми пастырскими советами и словами любви и сострадания.

Пришел 1917 год. Многие знакомые Муравьевых из числа состоятельных людей в то время перевели свои капиталы за границу и покинули Россию, надеясь пережить смутные времена за рубежом. Василий Николаевич решил иначе: он пожертвовал значительную часть своего состояния на нужды ряда петроградских обителей, Иверского-Выксунского и Свято-Успенского Пюхтицкого монастырей и стал готовить себя к принятию монашества...

12 сентября 1920 года В.Н. Муравьев передал еще одно крупное пожертвование на нужды Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, а еще через день подал в Духовный Собор Лавры заявление с просьбой принять его в число братии, на что получил положительный ответ и первое послушание — пономарское.

Уже 26 октября митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) благословил постричь в монашество послушника Василия Муравьева одновременно с его женой, поступившей в Воскресенский Новодевичий монастырь. 29 октября в церкви Святого Духа Василий был пострижен в иноки с наречением ему имени Варнава.

Вскоре он был рукоположен в иеродиакона, а 11 сентября 1921 года митрополит Вениамин рукоположил отца Варнаву в сан иеромонаха. В течение 1920-1926 годов отец Варнава нес ряд ответственных и трудных послушаний: заведующего

кладбищенской конторой Лавры, главного свечника, а затем казначея обители. В конце 1926 года он принял великую схиму с именем Серафим и был избран братией духовником Лавры. Под его пастырское окормление собралось великое множество духовных чад-мирян, иноков, священников и архиереев Русской Православной Церкви.

Около трех лет пребывал о. Серафим на поприще духовника Лавры. В начале 1930 году он тяжело заболел и, согласно рекомендации врачей и настоянию владыки Серафима (Чичагова), переехал в поселок Вырица неподалеку от Петербурга.

Годы старческого подвига отца Серафима в поселке Вырица (1930—1949 гг.)

Гефсиманской стала для монашествующих ночь на 18 февраля 1932 года. В народе ее так и назвали — святой ночью. В те страшные часы гонители арестовали более пятисот иноков. Со словами: «Да будет воля Твоя!» — вступали на путь страданий бесчисленные сонмы верующих. К ноябрю 1933 г. число действующих храмов в Петербурге сократилось с 495 до 61. Монастыри и подворья были полностью разгромлены и разграблены. Даже колокольный звон к тому времени был запрещен. И вот — в то время, когда с куполов сбрасывали кресты, тысячами разоряли обители и храмы, когда в лагерях и тюрьмах томились десятки тысяч священнослужителей, в Вырице был

воздвигнут нерукотворный, живой храм — чистое сердце отца Серафима.

Внешне неприметным, но действенным и обширным было его влияние на современников. Как важно было знать людям, что во всей этой неразберихе и кровавой круговерти существует островок прочной веры, спокойной надежды и нелицемерной Христовой любви! И каким великим мужеством и упованием на милость Божию нужно было обладать, чтоб написать в ту кровавую пору такие строки:

Пройдет гроза над Русскою землею,
Народу русскому Господь грехи простит.
И крест святой Божественной красою
На храмах Божиих вновь ярко заблестит.
И звон колоколов всю нашу Русь Святую
От сна греховного к спасенью пробудит,
Открыты будут вновь обители святые,
И вера в Бога всех соединит.

Эти стихи передавались из уст в уста, распространялись в списках, достигали мест заточения и ссылок. Среди Гефсиманской ночи, поглотившей тогда всю Россию, сиял в Вырице светильник живой веры и не угасала надежда в людских сердцах... Явным чудом милости Божией было сохранение старца от ареста и расправы. В это трудно поверить, ведь репрессии прокатились повсюду, добравшись даже до самых глухих деревень. В безжалостной карательной машине оказалось перемоло-

то несчетное число человеческих жизней и судеб, но никто не дерзнул поднять руку на кроткого старца. Воспоминания родственников и духовных чад о. Серафима, а также все официальные документы неопровержимо свидетельствуют: иеросхимонах Серафим (в миру Василий Николаевич Муравьев, 1866 года рождения) и схимонахиня Серафима (в миру Ольга Ивановна Муравьева, 1872 года рождения) никогда не подвергались задержанию, арестам и заточению.

В Вырице, летом 1930 года о. Серафим и его родные снимали маленький домик на Ольгопольской улице, затем около года квартировали на улице Боровой. С 1932 по 1945 годы батюшка снимал часть комнат в доме № 7 по Пильному проспекту, принадлежавшем семейству провизора Владимира Томовича Томберга, а с 1945 года Муравьевы жительствовали на Майском проспекте в доме № 41 (ныне 39), у хозяйки Лидии Григорьевны Ефимовой. Все это время батюшка тяжело болел. Тяжкие недуги причиняли о. Серафиму невыносимые страдания. Особенно беспокоили ноги — болели и отнимались. Однако старец мужественно переносил эти испытания. Никто никогда не слышал от о. Серафима ни единого стона, ни единой жалобы. После переезда в Вырицу к врачам он уже не обращался, говоря: «Буди на все воля Божия. Болезнь — это школа смирения, где воистину познаешь немощь свою...» Старец непрестанно за все благо-

дарил Господа, воздавая Богу за болезнь свою большее благодарение, чем иные люди — за вожделенное здоровье. Батюшка часто назидал родных:

«Никогда не надо просить у Господа ничего земного. Ему лучше нашего ведомо то, что нам полезно. Молитесь всегда так: «Предаю, Господи, себя, детей своих и всех родных и ближних в Твою святую волю».

Искренне считая себя грешником, достойным всяческого наказания, старец постоянно просил всех молиться о спасении его души. Поначалу вырицкого подвижника посещали только епископ Петергофский Николай (Ярушевич) и другие, самые близкие духовные чада, но вскоре к блаженному старцу вновь устремился нескончаемый людской поток. Ехали к нему богомольцы из северной столицы и других городов, стекались жители Вырицы и окрестных селений... Всем хотелось собственными глазами увидеть праведника, побыть рядом с ним хоть минутку и получить его благословение. Год за годом, изо дня в день шли вереницей паломники к отцу. Серафиму. В иные дни это были сотни (!) посетителей, которые с раннего утра и до глубокой ночи «осаждали» келью старца. Часто приезжали целыми группами или семьями. Обеспокоенные родные пытались оградить батюшку от излишних встреч, опасаясь за его и без того слабое здоровье, но в ответ подвижник твердо сказал: «Теперь я всегда буду нездоров... Пока моя

рука поднимается для благословения, буду принимать людей!»

Отец. Серафим всякий раз сам вызывал к себе тех, кому он был тогда нужнее. Его отзывчивое сердце каким-то особым чутьем всегда улавливало истинное горе в массе пришедшего к нему народа. Каким образом старец находил этих людей, оставалось загадкой — обычно на крыльцо выходила келейница и приглашала пройти в келью того или иного человека, называя, как правило, его имя и место, откуда он прибыл. «Он взял на Себя наши немощи и понес болезни» (Мф. 8, 17). Батюшка так сопереживал своим чадам, что воистину был готов отдать жизнь за их исцеление. За такую любовь Господь и даровал вырицкому старцу слово великой духовной мудрости, слово врачевания немощных душ, слово истинного предвидения и пророчества... От одного слова батюшки Серафима, от одного прикосновения его руки на душе становилось веселее, легче. Особенно в минуты душевного смущения. Батюшка называл всех ласкательно: «Милые, родные, любимые...» Обнимал, целовал в голову, гладил, лечил и ободрял ласковой шуткой. Говорил, чаще всего, очень тепло, просто, без витиеватых нравоучений. Почти всегда улыбался. Что-то бесконечно родное, отеческое, ощущалось во всем облике и в обращении этого доброго старца. Для батюшки не существовало возраста, национальности, общественного положе-

ния его посетителей — все были для него любимыми чадами, со всеми он обращался по-отечески ласково. Более того, он обращался с ними как с чадами больными осторожно, с необыкновенным теплом и нежностью, снисходя к их духовным немощам. Бывало, прибывшие издалека усталые богомольцы подолгу ждали своей очереди, чтобы пройти к батюшке за благословением или для духовной беседы. Однако, пробыв даже недолгое время в кельи старца, выходили возродившимися и просветленными. Не обращая внимания на недомогание, о. Серафим всегда умел быть бодрым и жизнерадостным, и от этого скорбь и печаль уходили из сердец человеческих. Для множества страждущих о. Серафим был благодетелем, который не только помогал духовно, но и практическими советами, устройством на работу, а также и деньгами через добрых людей. Благодарно принимая пожертвования от посетителей, старец зачастую сразу же раздавал их тем, кто терпел нужду. До последних дней своей земной жизни батюшка Серафим поддерживал, как мог, любимое детище св. прав. Иоанна Кронштадтского — Пюхтицкий Успенский женский монастырь в Эстонии. Вырицкого старца знали и любили насельницы обители, многие из которых именно по его благословению приняли монашество. Батюшку неоднократно приглашали туда на жительство и даже приготовили для него там прекрасный домик. Затем в этом

домике стала жить ушедшая на покой игумения Ангелина со своей келейницей. По сей день с необычайным благоговением и любовью хранят в Пюхтице память об о. Серафиме Вырицком, ежедневно поминают и его родственников на проскомидии и на Псалтири. Значительную часть доброхотных даяний своих многочисленных посетителей старец передавал в вырицкий Казанский храм, остальное — нуждающимся людям.

«Да как же я буду выглядеть перед Господом, если деньги себе оставлю! — неоднократно слышали от него близкие. — Если у вас в кошельке есть рубль — раздайте его неимущим, оставив себе копейку, и у вас никогда не будут переводиться деньги. Давайте, не жалея, тогда и Бог вознаградит вас! Будете жалеть да роптать — последнего лишитесь...»

Сам же батюшка несказанно радовался, отдавая последнее. Уж у него-то ничего не залеживалось. Какие-либо вещи принесенные в дар или продукты — фрукты, сласти, хлеб, — все тут же раздаривалось другим посетителям, расходилось по рукам неимущих или прибывших издалека паломников. Все два десятилетия на вырицких квартирах его бессменно окружала одна и та же скромная обстановка — небольшой столик, кожаное потертое кресло, пара стульев, узенькая железная кровать. По детской простоте своей души старец всегда проявлял ту же простоту и в отношении своей внешности. Потертый ватный подрясничек, ста-

Тренькая полинявшая ряса, все та же летом и зимою теплая скуфеечка — составляли все его одеяние. Если батюшке приносили какие-нибудь новые вещи, он всегда находил, кому их отдать.

Подвиги поста, бдения и молитвы, которые в течение двух десятилетий смиренно нес вырицкий старец, можно сравнить лишь с подвигами древних аскетов-отшельников. Отец Серафим был необыкновенно строг к себе от первых шагов в подвижничестве до самой кончины. Никаких послаблений — пост, бдение и молитва, и еще раз — пост, бдение и молитва... Вспоминая подвиги о. Серафима, родные и близкие батюшки говорят: «Обыкновенному человеку смотреть без слез на все это было просто невозможно...» В понедельник, среду и пятницу старец вообще не принимал никакой пищи, а иногда ничего не вкушал и по нескольку дней подряд. Окружающим порой казалось, что о. Серафим обрекает себя на голодную смерть. То, что он ел в те дни, когда принимал пищу, едой можно было назвать с большим трудом: в некоторые дни батюшка вкушал часть просфоры и запивал ее святой водой, в иные — не съедал и одной картофелины, а иногда ел немного тертой моркови. Крайне редко пил чай с очень малым количеством хлеба. Пища на самом деле была для подвижника как бы лекарством. При этом в своих непрестанных трудах на пользу ближних он проявлял завидную бодрость и неутомимость. Об о. Серафиме можно было

сказать: «Он питается Святым Духом». Истонченная плоть старца была воистину прозрачным покровом его чистейшей души, светящейся любовью. Тонкие, с прожилками руки, впалые щеки и, при этом — огромные голубые глаза, которые более всего поражали людей в дивном облике вырицкого подвижника. Из них смотрело на землю небо. Они-то буквально пронзали души и сердца посетителей, проникая в самые сокровенные их уголки. Богомольцы сравнивали глаза о. Серафима — по силе их проникновенности — с глазами прп. Серафима Саровского на его прижизненных портретах. В святом Серафиме Вырицком будто воскрес великий саровский подвижник... Подражая своему небесному учителю, вырицкий старец принял на себя новый подвиг. После переезда в дом на Пильном проспекте он молился в саду на камне перед иконой Саровского чудотворца. Это бывало в те дни, когда несколько улучшалось здоровье старца. Первые свидетельства о молении святого Серафима Вырицкого на камне относятся к 1935 году, когда гонители обрушили на Церковь новые страшные удары. На протяжении 10 лет совершал старец свой непостижимый подвиг. Это было воистину мученичество во имя любви к ближним. Со многими горячими слезами умолял Господа подвижник о возрождении Русской Православной Церкви и о спасении всего мира. Это был великий плач о всем человечестве; это была святая скорбь о

мире, не ведающем Бога и любви Его. Сердце старца было исполнено невыразимой жалости ко всем заблудшим и погибающим. Отец Серафим молился за всех людей — верующих и неверующих, за врагов и гонителей Церкви, желая вечного спасения всем до единого человека. Это была великая молитва покаяния за грехи людские. Такие молитвы удерживают мир от катастрофы. Сама жизнь старца была молитвою за весь мир, но она не удаляла его и от частного служения людям. Чем грешнее был человек, который приходил к отцу Серафиму, тем больше батюшка жалел его и слезно за него молился. Смиренное сердце подвижника необыкновенно скорбело от того, что кто-то, может быть, будет страдать целую вечность! Любовь старца не могла понести такого. Домашние воистину не знали, когда он спит, да и спал ли он вообще. «Бывало, заглянешь ночью в келлию батюшки, чтобы узнать — не нужна ли какая помощь, а он, обливаясь слезами, тянет к небу свои прозрачные руки, ничего не замечая вокруг» — рассказывают родные о. Серафима. В течение дня у старца собиралось множество записок о здравии и об упокоении, которые оставляли посетители, испрашивая его святых молитв. Ночами батюшка со слезами и сердечными воздыханиями читал все эти записочки. Сколько людей получало благодатную помощь Божию через молитвы старца! На следующий день записочки обязательно относили к престолу в вы-

рицкий Казанский храм, а батюшка совершенно искренне говорил: «Да какой же из меня молитвенник? Я же лежу». По неизреченной милости Божией и по подвигу своему отец Серафим Вырицкий стал живым храмом Святого Духа. Служение в этом живом храме не прекращалось ни днем, ни ночью. Старец непрестанно взывал ко Господу, умоляя Всевышнего о спасении России и ее народа.

Отец Серафим был человеком необыкновенно высокой созерцательной жизни. На нем исполнилось обетование Господа: *Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе* (Мк. 9, 1). Случалось, что старец на несколько дней прекращал прием посетителей, оставаясь в уединении и безмолвии. В такие моменты домашние старались ничем не нарушать покой батюшки, а на калиточке появлялось объявление, что в ближайшее время приема не будет. Эти дни и ночи подвижник посвящал молитвенному созерцанию. Такое бывало не часто, но именно тогда старец, видимо, получал откровения от Господа и укреплялся для дальнейших подвигов. *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Не раз после этого родные батюшки Серафима слышали от него многозначительное и задумчивое: «А там-то как хорошо будет! Если бы вы только знали, как там будет хорошо». Другими словами

— не передать ощущений в душе от духовных созерцаний. Он мог сказать подобно апостолу Павлу: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным* (1 Кор. 2, 9-10, 12-13).

Еще по Александро-Невской Лавре о. Серафим был знаком со многими известными в то время людьми: учеными, врачами, деятелями культуры. Академик И. П. Павлов — отец современной физиологии, часто приходил на исповеди и беседы к иеросхимонаху Серафиму (Муравьеву). В течение многих лет Иван Петрович был почетным старостой двух петроградских храмов: Знаменской церкви на Лиговском проспекте и церкви апостолов Петра и Павла в поселке Колтуши. Иеросхимонаха Серафима почитали выдающийся астроном своего времени, один из основателей Русского астрономического общества, академик Сергей Павлович Глазенап, а также один из создателей современной фармакологической школы, профессор Михаил Иванович Граменицкий. Одним из любимейших воспитанников о. Серафима был известный во всей России профессор-гомеопат Сергей Серапионович Фаворский, которого называли «светилом Петербурга». Он был чистейшей души человеком и та-

лантливым медиком. Его пациентами бывали многие влиятельные люди, и это давало возможность выручать верующих из многих затруднительных и опасных положений. Частыми гостями в Вырице были выдающиеся русские ученые, академики с мировыми именами — физик Владимир Александрович Фок, известный своими трудами в области квантовой механики и теории относительности, и биолог Леон Абгарович Орбели, ученик и последователь Ивана Петровича Павлова. За чашкой чая вел с ними о. Серафим долгие душеполезные беседы о мироздании; о той дивной гармонии, которую вложил Премудрый Творец в окружающую нас природу и самого человека; о мире духовном, невидимом; о Духе Святом и Животворящем, наполняющем всю бесконечную Вселенную. Светила науки многому учились через богомудрые наставления вырицкого подвижника.

Господь обильно наградил иеросхимонаха Серафима разнообразными духовными дарованиями. Это были дары духовного рассуждения, прозрения в область прошлого, настоящего и будущего его посетителей, прозрения мыслей собеседника, видения происходившего вдали, исцелений, духовного утешения, власти над лукавыми духами, молитвенных созерцаний, предсказаний и пророчеств. Горячая детская вера и чистейшая любовь ко Господу и к ближним венчали этот дивный букет благодатных дарований. Любовь — это вели-

чайший дар, выше которого нет ничего ни на небеси, ни на земли. Старец действительно жил любовью ко всем. Во всяком его слове и деле всегда светилась она и неудержимо изливалась на все окружающее. С истинно отеческим вниманием и добротою принимал батюшка каждого посетителя, и все с детской доверчивостью открывали ему самые потаенные уголки своих душ, которые старец и без того прозревал. Никто никогда не слышал от него каких-либо укорений или строгих нравоучений, но, вместе с тем, о. Серафим обладал удивительной способностью пробуждать человеческую совесть, каким-то неприметным для собеседника образом изменять ход его мыслей от суетного к духовному. А посетители у отца Серафима бывали разные. В тридцатые годы в дом на Пильном с обыском неоднократно приходили чекисты, часто в ночное время. Однажды сотрудники НКВД хотели арестовать батюшку, но родные категорически потребовали медицинского освидетельствования старца ввиду крайне тяжелого его состояния. Приглашенный оперативниками врач подтвердил диагноз, согласно которому отцу Серафиму переезд был строго противопоказан. В другой раз лежащий на одре болезни старец попросил подойти к нему старшего из чекистов. Лишь на мгновение встретились кроткие глаза батюшки с глазами представителя власти. Победила любовь отца Серафима. Он прикоснулся к руке чекиста, погладив ее, а пос-

ле этого приложил свою правую руку к голове посетителя и промолвил: «Да простятся тебе грехи твои, раб Божий...» — и назвал в точности его имя. При этом старец умиротворил сердца и других сотрудников. Родные отца Серафима вспоминают: «Старший чекист произнес тогда: «Если бы таких старцев было бы больше, то мы все были бы верующими», — и заплакал. А батюшка, улыбаясь, сказал: «Угостите их чайком...» Благодатный мир Христов непостижим в своем действии, велика его сила. Авве Антонию Великому и авве Зосиме повиновались львы, преподобным Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому — медведи. Отцу Серафиму Вырицкому не раз повиновались самые лютые звери — звери в человеческом обличье... Многие люди, впервые входившие в келлию старца, непроизвольно падали на колени, заливаясь слезами. Душа человеческая не выдерживала осознания духовной чистоты и начинала оплакивать собственное убожество, оказавшись рядом с белоснежными одеждами души о. Серафима. От батюшки как бы исходил некий неземной свет. В то же время этот свет явственно ощущали практически все люди, ныне свидетельствующие о жизни и подвигах о. Серафима. Почти от каждого из них, прежде всего, можно услышать: «Батюшка весь светился... У нас было явное ощущение, что из угла, где лежит старец, исходит свет...» И шли день за днем на этот дивный свет люди. Из уст в

Уста передавались в народе рассказы о вырицком старце, и спешили страждущие за благодатной помощью к о. Серафиму. С любовью подавал он посетителям бесценные практические советы, исцелял духовные, а часто и телесные недуги. Порою старец делал это незаметно, под видом ласковой шутки. После посещения батюшки очень многие люди просто забывали, что их когда-то мучили сильные головные боли, простуды, ревматизм, радикулит и другие болезни. Бывало, благословит он кого-то со словами: «Ну вот, теперь и голова болеть не будет», и точно — человек с тех пор уже не помнил, что такое мигрень... Иногда же отец Серафим споспешествовал утверждению веры явными чудесами. О случаях благодатных исцелений свидетельствуют родные подвижника и его близкие духовные чада.

В Вырице, на улице Кирова, жила Валентина Иванова, женщина с нелегкой судьбой. Ее мать и дочь были инвалидами — девочка от рождения страдала немотой, а мать не могла обходиться без костылей. Медицинские методы лечения результатов не давали, и Валентина обратилась к старцу. Отец Серафим сказал ей тогда: «Господь поможет тебе, молись! Твоя материнская молитва должна помочь дочери». Валентина коленопреклоненно долго молилась перед батюшкиными иконами. Вместе с ней возносил свои прошения к Отцу нашему Небесному и о. Серафим. Через некоторое

время он сказал: «Вставай, Господь услышал твою молитву. Велика молитва матери. Пусть девочка подойдет ко мне». Батюшка накрыл голову ребенка епитрахилью и еще раз произнес: «Господь услышал молитву твоей матери...» С того момента девочка стала говорить. Через несколько дней мать Валентины, с трудом добравшаяся до дома старца на костылях, в несказанной радости возвращалась домой без всякой посторонней помощи, словно заново родившийся человек... Однажды посетители, находившиеся в приемной, были поражены рассказом женщины, которая приехала благодарить батюшку за исцеление дочери. Девочка была от рождения слепой, но после посещения вырицкого старца неожиданно прозрела. Возрадовавшись вместе со своей посетительницей, о. Серафим заметил: «Что я? Преподобный Серафим Саровский исцелил твою дочку, вот его до конца дней своих благодари!»

Недалеко от вырицкого Казанского храма жила почтенная добрая женщина, которую все звали тетя Оля. Она очень любила посещать богослужения, да вот беда — во время Херувимской песни она обычно падала и начинала невообразимым образом лаять. Ее часто выносили из церкви. Причина ее недуга, думается, ясна всякому верующему человеку.

Отец Серафим ее исцелил. Вновь, как когда-то в подобном случае в Александро-Невской Лав-

ре, он долго молился вместе с несчастной тетей Олей... Затем она радостно рассказывала всем: «Отец Серафим даровал мне возможность ходить в церковь!»

Однажды к батюшке привезли умирающую от обезвоживания девочку. Диагноз — тяжелая форма дизентерии. Старец помолился, а затем причастил ребенка Святых Христовых Таин. В тот же день произошло полное исцеление... Главным же в служении о. Серафима было то, что он приводил многих своих посетителей к исправлению жизни и глубокой вере. Люди начинали видеть свои грехи и понимать милосердие Творца... Мягко и любовно умел старец касаться людских сердец. Иногда только и скажет: «Ах, доченька! Когда же начнем лучше-то жить? Ну, на этот раз Бог простит тебе, да смотри, собирайся с силами...» Или: «А посты-то соблюдаешь ли?» — спросит о. Серафим. «Плохо», — ответит посетитель. «Действительно плохо, — подтвердит батюшка, — слушаться Церкви надо, слушаться...» Люди, раскрывшие перед старцем свои душевные недуги (которые он и без этого прекрасно видел), возвращались утешенными и исцеленными. Обычно говорили так: «Возвращаясь от отца Серафима, мы летели как на крыльях, и у нас пела душа...» Не забывали вырицкого подвижника и его духовные чада и соработники. Регулярно приезжали к старцу в Вырицу за советом и молитвою владыки Николай (Яруше-

вич) и Алексий (Симанский). До ареста и заключения бывали у о. Серафима архиепископы Венедикт (Плотников) и Серафим (Протопопов), епископы Иннокентий (Тихонов), Николай (Клементьев), Сергий (Зенкевич) и Амвросий (Либин), а также служивший в Кадашах епископ Мануил (Лемешевский) и живший на покое в Кашине епископ Григорий (Лебедев). Посещали батюшку при возможности архимандриты Лев (Егоров), Иоасаф (Журманов) и Варлаам (Сацердотский), профессор-протоиерей Николай Чуков и многие другие священнослужители и монашествующие. С каждым годом их становилось все меньше. В январе 1941 года был арестован и затем расстрелян сын батюшки Серафима — Николай Муравьев.

Николай Васильевич Муравьев закончил авиационную школу и в годы первой Мировой войны служил авиатором в русской армии. После 1917 года четырежды арестовывался богоборческими властями, был в заключении и ссылках. Реабилитирован посмертно как жертва политических репрессий. Крестным отцом внуков и правнуков иеросхимонаха Серафима Вырицкого был митрополит Николай (Ярушевич).

Еще одна великая скорбь прошла сквозь сердце и душу старца. Вновь услышали родные и близкие: «Буди воля Божия...» Знал о. Серафим и о приближении великой войны. Кого-то прикровенно, а близких духовных детей открыто предупреждал он о надвигающейся на Россию опасности...

С началом Великой Отечественной старец усилил подвиг моления на камне — стал совершать его ежедневно. Рассказывают родные подвижника.

«В 1941 году дедушке шел уже 76-й год. К тому времени болезнь очень сильно его ослабила и он практически не мог передвигаться без посторонней помощи. В саду, за домом, метрах в пятидесяти, выступал из земли гранитный валун, перед которым росла небольшая яблонька. Вот на этом-то камне и возносил ко Господу свои прошения о. Серафим. К месту моления его вели под руки, а иногда просто несли. На яблоньке укреплялась икона, а дедушка вставал своими больными коленями на камень и простирал руки к небу... Чего ему это стоило! Видимо, Сам Господь помогал ему, но без слез на все это смотреть было невозможно. Неоднократно умоляли мы его оставить этот подвиг — ведь можно было молиться и в келлии, но в этом случае он был беспощаден и к себе, и к нам. Молился о. Серафим столько, насколько хватало сил — иногда час, иногда два, а порою и несколько часов кряду. Отдавал себя всецело, без остатка — это был воистину вопль к Богу! Верим, что молитвами таких подвижников выстояла Россия и был спасен Петербург. Помним, что дедушка говорил нам: «Один молитвенник за страну может спасти все города и веси...»

Невзирая на холод и зной, ветер и дождь, старец настойчиво требовал помочь добраться ему до

камня; невзирая на многие тяжкие болезни, продолжал он свой непостижимый подвиг. Так изо дня в день, в течение всех долгих изнурительных военных лет... Сколько душ человеческих спасли те молитвы, известно только Господу. Несомненно было одно, что они незримой нитью соединяли землю с небом и преклоняли Бога на милость, тайным образом изменяя ход многих важнейших событий. Известно, что в самой Вырице, как и было предсказано старцем, не пострадал ни один жилой дом и не погиб ни один человек. Молился батюшка и о спасении вырицкого храма, и здесь уместно описать удивительный случай, о котором знают многие старожилы Вырицы.

В первых числах сентября 1941 года немцы наступали на станцию Вырица и вели ее интенсивный обстрел. Кто-то из командиров нашей армии решил, что в качестве объекта наводки используется высокий купол храма и приказал взорвать его. Для этого со станции была послана команда подрывников, в которую вошли лейтенант и несколько бойцов. Когда подвода со смертоносным грузом прибыла к храму, лейтенант приказал бойцам подождать его у ворот, видимо, сославшись на то, что должен ознакомиться с объектом подрыва. Офицер вошел в ограду, а затем и в храм, который в общей суматохе не был заперт... Через некоторое время солдаты услышали звук одиночного револьверного выстрела и бросились к храму. Лей-

тенант лежал бездыханным, рядом валялся его револьвер. Бойцов охватила паника и, не выполнив приказа, они бежали из храма. Тем временем началось отступление и о взрыве забыли. Так вырицкая церковь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы Промыслом Божиим была сохранена от уничтожения... И еще чудо — немцы, заняв Вырицу, расквартировали в ней часть, состоящую из... православных. Известно, что Румыния была союзницей Германии, но о том, что вырицкая команда будет состоять из румын, уроженцев восточной ее части, где исповедуется Православие, да еще говорящих по-русски, вряд ли кто мог предположить. Осенью 1941 года, по многочисленным просьбам жителей Вырицы, храм был открыт, в нем начались регулярные богослужения. Истосковавшиеся по церковной жизни люди заполнили храм (он был закрыт богоборцами в 1938 году, но, слава Богу, не разорен). Поначалу прихожане косились на солдат в немецкой форме, но видя, как последние молятся и соблюдают чин службы, постепенно привыкли. Невозможное людям возможно Богу — это был единственный православный храм, который действовал во фронтовой полосе, причем по ту сторону фронта!

С первых дней войны о. Серафим открыто говорил о предстоящей победе русского оружия. На сей счет сохранились убедительные свидетельства, записанные со слов профессора Ленинградской

Духовной Академии протоиерея Ливерия Воронова и протоиерея Иоанна Преображенского. Румынской частью, расквартированной в Вырице, командовали немецкие офицеры. Им донесли о пророчествах о. Серафима, и вскоре в дом на Пильном проспекте пожаловали незваные гости. И вновь, как когда-то чекистов, батюшка укротил пришельцев через помощь свыше. Старец сразу поразил их тем, что заговорил с ними на хорошем немецком языке — ведь в бытность свою купцом он часто посещал Вену и Берлин, сотрудничая с австрийскими и немецкими фирмами. Капитан, который был начальником вырицкой команды, спросил у о. Серафима, скоро ли немецкие части пройдут победным маршем по Дворцовой площади? Старец смиренно ответил, что этого никогда не будет. Немцам придется поспешно уходить, а самому вопрошающему не суждено будет вернуться домой, при отступлении он сложит свою голову под Варшавой. По рассказам плененных немцами местных жителей, которых оккупанты пытались угнать в Германию, этот немецкий офицер действительно погиб в районе польской столицы, а невольники были возвращены на Родину. Пророческие слова о. Серафима подтвердил и румынский офицер, также служивший во время войны в вырицкой команде. В 1980 г. он приезжал поклониться могиле старца и, разыскав вспомнивших его местных жителей, поведал о подробностях того

отступления. Между тем, отец Серафим еще в начале войны предсказал ряду жителей Вырицы будущее пленение и последующее благополучное возвращение из неволи. В частности, один из бывших старожилов Вырицы, Леонид Викторович Макаров вспоминал, что старец предсказал это и его семье, отметив, что в дальнейшем они будут жить в большом городе. Время показало истинность слов о. Серафима. Евдокия Васильевна Федорова свидетельствует о том, что вырицкий старец помог ей отыскать мужа — Алексея Федоровича, находившегося в немецком лагере для военнопленных. По молитвам батюшки Серафима и слезной просьбе супруги лагерное начальство неожиданно отпустило домой единственного кормильца семьи.

Весной 1944 года, вскоре после полного снятия блокады, митрополит Алексий (Симанский) посетил Вырицу. Причем о. Серафим, прозревая предстоящий визит владыки, заранее предупредил о нем удивленных домашних. Это было прощание митрополита Алексия с великим подвижником. Известно, что эта встреча была очень теплой и продолжительной. Полное содержание беседы митрополита Алексия с вырицким старцем, безусловно, осталось в тайне. Рассказывают, что тогда иеросхимонах Серафим вновь подтвердил свое пророчество об избрании владыки Алексия Патриархом Московским и всея Руси, указав и время его избрания на будущем Поместном Соборе. Расстава-

лись с поцелуями и слезами. Увидеться в земной жизни им уже не пришлось, однако, до конца дней своих они глубоко почитали друг друга и горячо молились один за другого. В день памяти благоверных князей Российских, страстотерпцев Бориса и Глеба, 15 мая 1944 года почил Патриарх Сергий. 2 февраля 1945 года на Поместном Соборе Русской Православной Церкви митрополит Алексий (Симанский) единогласно был избран Патриархом Московским и всея Руси. В течение 25 лет, как и предсказывал старец иеросхимонах Серафим Вырицкий, предстояло ему совершать служение Первосвятителя Русской Православной Церкви.

Война поломала несметное количество судеб, и многие спешили в Вырицу со всех концов России в надежде узнать о судьбе своих ближних от о. Серафима. Кто-то узнал о пропавших без вести, другие по молитвам старца устроились на работу, третьи обрели прописку и кров, но главное — веру. Сын профессора С. С. Фаворского, Михаил Сергеевич, вспоминает: «Отец Серафим умел давать небесную радость, отчего все, даже самые тяжелые скорби, уходили на второй план, а человек желал испытать эту радость и в будущем...» В 1945 г. Господь призвал от земных трудов схимонахиню Серафиму (в миру Ольгу Ивановну Муравьеву, супругу батюшки). Почти шесть десятилетий она была для о. Серафима преданной спутницей жизни, и ее кончину подвижник пережил с ощущени-

ем, что разлука недолга и скоро им предстоит встретиться в вечной жизни. У него был рисунок могилки матушки Серафимы, который сделала ему Светлана Георгиевна, художница, дружившая с семьей Муравьевых. Батюшка показывал на него и с любовью говорил: «Вот здесь и я буду рядышком с ней лежать...» В годы войны напротив вырицкого Казанского храма, на другом берегу реки Оредеж, возник небольшой скит, где под руководством схиигумении Херувимы подвизалось несколько монахинь. Одну из них, монахиню Серафиму (в миру Анну Павловну Морозову), о. Серафим пригласил читать Псалтирь по усопшей схимонахине Серафиме. После похорон матушки старец, по согласованию с родными, благословил монахине Серафиме остаться у него келейницей...

Летом 1945 года настоятелем вырицкого Казанского храма был назначен протоиерей Алексий Кибардин — замечательный пастырь и исповедник. В годы первой Мировой войны он служил приписным священником при Феодоровском Государевом соборе, а с 1924 г. был его настоятелем. Затем последовали десятилетия лагерей и ссылок, пройдя через которые о. Алексий сумел сохранить светлую веру и любовь к ближним. Первые же месяцы пребывания нового настоятеля в Вырице связали его с отцом Серафимом самыми крепкими узами. Вырицкий старец стал духовником о. Алексия Кибардина, а тот — духовником о. Сера-

фима. Хранил память об о. Серафиме и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий I.

В последние годы о. Серафим был совершенно прикован к постели. В некоторые дни состояние здоровья батюшки ухудшалось настолько, что он даже не мог отвечать на записки, которые передавали через келейницу. Но как только наступало хотя бы небольшое облегчение — батюшка сразу начинал прием страждущих. Время земного странствия подвижника подходило к концу. Старцу был открыт час его перехода к Вечности. За день до этого он благословил родных и близких иконками преподобного Серафима Саровского, а келейнице матушке Серафиме сказал: «Во время моего погребения береги ребрышки...» Это предостережение оказалось пророческим: в день погребения праведника, при большом стечении народа, матушка Серафима из-за сильной давки получила перелом двух ребер. Ранним утром преподобному Серафиму в ослепительном сиянии явилась Пресвятая Богородица и жестом правой руки указала на небо. Сообщив об этом родным, подвижник объявил: «Сегодня принять никого не смогу, будем молиться», — и благословил послать за о. Алексием Кибардиным. ... Ближе к вечеру батюшка попросил посадить его в кресло и стал молиться. При этом он иногда справлялся о времени. Около двух часов ночи о. Серафим благословил читать молитву на исход души и, осенив себя крестным знаме-

нием, со словами: «Спаси, Господи, и помилуй весь мир» отошел к вечным обителям. Три дня шел ко гробу праведника нескончаемый людской поток. Все отмечали, что его руки были удивительно мягкими и теплыми, словно у живого. Некоторые ощущали возле гроба благоухание. В первый день после кончины старца исцелилась слепая девочка. Мать подвела ее ко гробу и сказала: «Поцелуй дедушке руку». Вскоре после этого девочка прозрела. Этот случай хорошо известен вырицким старожилам. Отпевание отца Серафима отличалось редкой торжественностью. Пели три хора — вырицких Казанской и Петропавловской церквей и хор Духовных Академии и Семинарии, где по благословению митрополита Григория в день погребения вырицкого подвижника были отменены занятия. Одним из четырех воспитанников Духовных школ, удостоившихся стоять у гроба великого старца, был будущий Патриарх Алексий II. «Мы не прощались с батюшкой, а провожали его в жизнь вечную», — вспоминают многие.

Святой преподобный Серафим Вырицкий отошел к Вечности 3 апреля 1949 года, в день празднования Воскрешения праведного Лазаря, предваряющий праздник Входа Господня в Иерусалим. Град небесный — горний Иерусалим — распахнул свои врата пред новым небожителем.

Наставления преподобного Серафима Вырицкого

Несколько важных наставлений о. Серафима Вырицкого было записано Марией Георгиевной Преображенской, племянницей владыки Феофана Полтавского.

«...Как-то батюшка задумчиво произнес: «Если бы люди всего-всего мира, все до единого человека (вновь, как бы нараспев, повторил старец эти слова несколько раз), в одно и то же время встали бы на колени и помолились Богу хотя бы только пять минут о продлении жизни, дабы даровал всем Господь время на покаяние...» Отец Серафим видел в умной молитве бесценное средство для стяжания душевного мира и спасения: «В самые тяжелые времена удобно будет спасаться тот, кто в меру сил своих станет подвизаться в молитве Иисусовой, восходя от частого призывания имени Сына Божия к молитве непрестанной». Вырицкий старец советовал как можно чаще читать молитву св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...». «В этой молитве вся суть Православия, все Евангелие. Ею мы испрашиваем у Господа помощи на приобретение свойств нового человека», — говорил батюшка. Грех осуждения о. Серафим называл одним из величайших духовных недугов нашего времени. «Мы имеем право судить только самих себя. Даже рассуждая о каком-либо человеке, мы уже невольно осуждаем

его», — говорил он. О. Серафим был глубоко убежден в том, что человек должен готовить себя для Вечности. При этом старец настоятельно советовал ни в коем случае не принимать никаких видений, явлений и гласов из мира духовного, а сам тщательно скрывал свои сверхъестественные дарования от людей, никогда не творя чудес или подвигов напоказ. «Плотские, грешные человеки недостойны видеть ангелов и святых. Им свойственно общение только с падшими темными духами, которое, как правило, становится причиной погибели. Будем молиться, чтобы Господь избавил нас от искушений лукавого», — назидал ближних батюшка Серафим. Вырицкий подвижник своей жизнью ответил на многие вопросы, которые волнуют ищущих спасения в современном бушующем мире. Долгие годы шел о. Серафим путем незаметного, будничного подвига. Это скрытый от посторонних глаз подвиг, совершаемый во внутреннем уединении, где нет места разгорячению и раздражительности, унынию и отчаянию. Это ежедневный подвиг деятельного покаяния, поста и молитвы; подвиг реальных и посильных дел, совершаемых Христа ради и во имя любви к ближним. Это тихое, но твердое стояние в вере, которое требует много большего мужества, чем сиюминутное горячение и самые громкие подвиги и чудеса.

В августе 2000 года Освященный Юбилейный Архиерейский Собор определил: «Причислить к

лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания преподобного Серафима Вырицкого.

Память преподобного Серафима Вырицкого совершается — 21марта / 3 апреля

Кондак, *глас 5*

Уподобился еси древним отцем и подвигом добрым подвизался еси, благодатию Христовою просветився, от Негоже прием дарование чудес, недугующих исцеляти, печальных и скорбящих утешати, обидимых и гонимых защищати и всем в нуждах сущим ограду и скорое избавление подавати. Сего ради, яко великого чудотворца чтуще, молим тя, чада твоя, преподобне Серафиме, от всех бед избави нас молитвами твоими.

Молитва

О пречудный отче Серафиме, небесный жителю, Святаго Духа храме, ангелом собеседниче, святым сожителю! Призри от небесных обителей, идеже ты ныне водворяешися, на нас, чтущих святую память твою. Се бо мы, яко сущаго с нами, молим тя, отче, не забуди чад твоих, имже обещался еси не оставити их. Виждь, отче Серафиме, яко от дел несть нам спасения, жизнь наша иждивается, и богатства инаго не имамы, разве скорбей, болез-

ней и обстояний многовидных. Обаче и мы, поне и грешныя есмы, но Господа и Спаса нашего Иисуса Христа любим, и прощения грехов наших чаем. Темже припадаем тебе, и просим: молися за ны, отче Серафиме, яко дерзновение имея к Небесному Царю. Помяни нас, помощи твоея требующих, и умоли Господа Славы грехов прощение нам даровати, в житии сем нас укрепити, делателей заповедей Божиих сотворити, спасение улучити и внити, аможе ничто нечистое не входит — в Царствие Небесное, идеже ты со всеми святыми в незаходимей славе воспевавши Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную, царствующую во век века. Аминь.

Преподобный Симеон (Василий И. Желнин) (1869—1960 гг.)

В деревне Яковлевской Островского уезда Псковской губернии у Иоанна и Наталии Желниных 1 марта 1869 года родился сын. В крещении мальчика назвали Василием. Благочестивые родители воспитывали Василия в любви к Богу. Дом Желниных всегда был открыт для странников.

Из воспоминаний старца Симеона: «В семилетнем возрасте я помню, как в дом отца моего приезжал бывало Корнилий, монах Крыпецкого монастыря. Иногда и ночевал у нас, ложился спать вместе со мною, и бывало, говорил мне: «Будешь ты монахом, будешь старец великий». Иногда брал меня с собою по сбору (пожертвований на монас-

тырь) и говорил: «Вася, вот здесь не дадут, а вот здесь — подадут нам» — так и бывало.

Будучи десяти лет, я пас своих лошадей и слышал, как люди рассказывали про жизнь отца Серафима, Саровского чудотворца. Как он молился на камне в лесу. Вот я и задумал подражать ему. Нашел в поле большой камень и стал на нем молиться. В возрасте 12-13 лет ежегодно ходил вместе со своими родителями в Псково-Печерский монастырь помолиться. Там мне все в нем нравилось и так хотелось остаться в нем навсегда. Когда мне исполнилось 20 лет, стал просить отца, чтобы он отпустил меня в монастырь, но он и слушать об этом не хотел. Потом отец решил мне выстроить в усадьбе дом. Впоследствии я жил в нем и молился каждый день. И так продолжалось до 25-летнего возраста.

В это время жил в нашей местности старец Симеон, как звали его наши деревенские люди и считали его за блаженного. Этот старец приходил в дом моего отца, родители принимали его, и он иногда оставался ночевать. Вот в одно прекрасное время приходит (блаженный) к нам в дом и говорит отцу: «Я пришел сюда умирать». А я в это время подхожу и говорю: «Батюшка, благословите меня в монастырь». Он берет веревку, свернул ее жгутом и давай бить меня и гнать из дома во двор, со двора на улицу, и гнал вдоль улицы за деревню, а потом вернулся в дом, лег на лавку — и умер. Он

выгонял меня из дома в монастырь. Но отец по-прежнему не хотел отпускать, но потом смирился и отпустил.

По прибытии в монастырь (Псково-Печерский монастырь, 1896 год) был я принят отцом Мефодием, бывшим в то время наместником монастыря. Он взял меня к себе в келейники. Пробыв у него в келейниках семь лет, я кроме келейного послушания нес еще и общее послушание монастырское, как и вся братия».

В 1900 году послушник Василий был пострижен в монахи с именем Вассиан, а в 1901 году рукоположен во иеродиакона.

«После смерти отца Мефодия в 1906 году меня перевели из настоятельского дома под трапезную, около ворот. Пробыв несколько лет в чине иеродиакона, я был посвящен в иеромонахи в 1903 году, после чего вскоре был назначен в Псков, в Снетогорский монастырь, в качестве эконома — для восстановления монастыря и монастырского хозяйства. Прожив там 4 года, вплоть до революции, при епископе Евсевии вернулся обратно в обитель свою, будучи 46 лет. Пробыв некоторое время в монастыре, назначают меня в другое имение монастырское — Мустыщево. В этом имении пришлось пробыть несколько лет. Нужно было восстанавливать почти вновь все хозяйство. Когда дело пошло на лад, возвратился я в монастырь.

Начальство монастыря хотело возложить на меня большое бремя послушания, поставить наместником монастыря. Видя, что это послушание мне не под силу, стал отказываться. Я наотрез отказывался от этого еще ввиду внутреннего внушения принять схиму. Но на это упорно не соглашался епископ Иоанн (Булин), но, наконец, согласился и разрешил подстричь меня с именем Симеон — в память Симеона Богоприимца — 2 февраля 1927 года и перевел меня в келью рядом с храмом Успенья Божией Матери, куда привел сам и сказал: «Вот тебе келья, здесь и умрешь».

Вот так и дожил до конца жизни — в своей келье, по благословению Епископа Иоанна. Схимонах Симеон был назначен духовником братии и паломников Псково-Печерского монастыря. Тридцать три года старец Симеон окормлял нуждающихся в духовной помощи, принимал братию и многочисленных паломников в своей келье.

Из воспоминаний схимника Феодора: «Жил он в келье Печерского монастыря — 20 ступенек под землей. Это была келья очередного духовника братии.

В последние годы отец Симеон страдал ревматическими болями от жизни под землей и потому на склоне горы, где протекал ручей Каменец, искусно построил себе келью для дневного отдыха. Большой толпой шли к нему печерянки за советами и исповедью. Во время чтения Евангелия за

ранней Литургией в подземном Успенском соборе отец Симеон часто плакал, прерывая чтение. Он был прост, ревнитель безмолвия, старец по дарованию от Бога — в этой простой и суровой внешней оболочке таился дивный огненный цветок любви Божией».

Из воспоминаний Евдокии Вересовой: «О батюшке, что я помню? Учил: молитесь, смиряйтесь. Благословлял часто причащаться. К нему народу много ходило. Он поучал, кого надо. Благословлял: «Молитесь, кто как может, и кайтесь». Мне говорил: «Да, это хорошо святых Отцов читать, но лучше всего читать Евангелие. Книги — это хорошо, но лучше всего, полезнее и назидательнее — Евангелие».

Из воспоминаний келейницы ст. Симеона, Александры: «Однажды батюшка Симеон читал правило в келье. И вдруг отец Серафим ощутил в это время необычно прекрасный аромат, разлившийся по всему полуподземному их жилищу. Он начал стучать в стену соседней симеоновой кельи, говоря: «Что вы там, батюшка делаете? Ко мне доносится от вас необыкновенное благоухание». Но батюшка не отвечал. Батюшка по своему смирению скрывал дарованную ему благодать и свое достоинство перед Господом». Подвижник за свое смирение и любовь к ближнему удостоился даров Святого Духа: прозорливости и исцеления душевных и телесных недугов. Сохранились свидетель-

ства людей, получивших исцеления по молитвам старца. Приведем лишь некоторые из этих свидетельств:

Из воспоминаний З., духовной дочери старца: «Я переживала большое горе — я была оставлена близким человеком, которого очень любила. Горю моему не было предела; мое отчаяние доходило до того, что я хотела покончить с жизнью. Но вот случайно встретилась с одной духовной дочерью отца Симеона, и она настояла, чтобы я поехала к нему. Когда я вошла в келью, то залилась горькими слезами. Батюшка сказал: «Кого ты оплакиваешь? Ведь он не стоит твоих слез». И вытер мне слезы, и благословил. Велел прийти на исповедь и причаститься. С той поры я даже забыла, что было у меня горе, и удивлялась, как я могла доходить до отчаяния, когда с нами Бог, когда на свете есть много хороших людей, когда так прекрасен мир Божий, и милость Его к нам неизреченная. Действительно, Господь не хочет смерти грешных и посылает нам Ангелов в образе человека (таких вот, как отец Симеон) и через них спасает нас от смерти. Слава Тебе, Господи, за спасение нас».

Из воспоминаний игумена Давида: «У отца Симеона в келье был как-то раз отец Пимен. Тогдашний наместник монастыря. Минут через пять после его ухода зашел к старцу отец Нафанаил и заговорил о нем с отцом Симеоном. Отец Симеон воздел глаза вверх, к иконам, и сказал задумчиво:

«Он будет не только архиереем, но и Патриархом». Так и случилось. Отец Нафанаил сам об этом рассказывал».

По свидетельству матушки Александры, однажды духовная дочь старца Мария пришла за благословением вечером уехать из монастыря, ссылаясь на то, что утром ей необходимо уже быть на работе. Однако старец Симеон не благословил свою духовную дочь, а сказал, что ей следует поехать на следующий день. Мария по послушанию уехала из монастыря лишь на следующий день, а позже в письме сообщила, что вечерний поезд, на который она планировала успеть, потерпел крушение.

Очевидцы рассказывали, что в пятидесятых годах к старцу Симеону из Ленинграда приехала женщина с шестилетним мальчиком. Женщина рассказала, что сын глухонемой от рождения, просила старца молиться об исцелении ребенка.

Старец сказал: «Сколько дней здесь будете жить, столько каждый день приобщайте его Святых Таин и приходите каждый раз ко мне». Женщина прожила в монастыре десять дней. Через несколько дней, когда они вернулись домой в Ленинград, произошло чудесное исцеление мальчика. Врачи были крайне удивлены, они настойчиво просили женщину назвать имя специалиста, к которому она обращалась за помощью, наконец, услышали, кто исцелил ребенка:

«Бог — через человека!»

Из воспоминаний духовной дочери старца Симеона: «Я лежала в разных больницах, но помощи не имела. В 1954 году знакомые повезли меня в Печоры к батюшке Симеону. При первой же встрече батюшка сказал: «Не сокрушайся, что за тобой некому ухаживать, и нет денег. Скоро будут и деньги, и человек по уходу, и еще сама будешь работать». Всему я поверила, но что буду работать — усомнилась. Однако от батюшки вышла совсем окрепшая. Прожила я в Печорах все лето и после праздника Успения Божией Матери уехала в Ленинград. Все родные удивились, увидев меня на ногах. 16 февраля 1955 года, в день Ангела батюшки, я уже работала».

Из воспоминаний монахини Александры: «Старец всех принимал, всем помогал при помощи Божией — никто не уходил от него не утешенным. Текли к нему люди отовсюду. И так до последних дней его земной жизни».

Приближалось девяностолетие старца. Старец Симеон очень ослабел, но из любви к ближнему до последней минуты принимал страждущих.

Из воспоминаний монахини Александры:

«Отец Симеон собрался умирать. Ему была возвещена дата смерти. Когда пришел отец наместник Алипий, то он забеспокоился об этом и говорил с батюшкой, чтобы тот попросил у Господа отодвинуть смерть на несколько дней, чтобы им не погре-

бать старца под праздник Крещение. Батюшка и говорит ему:

«Хорошо! Ты наместник, а я — священник: пусть будет по твоему».

На вопрос духовных чад своих, на кого он их покидает, ответил: «На Матерь Божию». Наставлял всех любить друг друга, прощать все обиды, так как ненависть хотя бы к одному человеку ведет к смертному греху, говорил, что нужно так прощать, чтобы человек знал, что ты ему простил.

Старец Симеон умер (по послушанию) в Крещенский сочельник, в 10 часов утра, а хоронили его через день после празднования Крещения.

В монастырских архивах сохранились свидетельства о том, как вовремя собрались духовные чада старца на его погребение: «Многие духовные дети батюшки, находясь за несколько сотен километров от Печор, в тот же день и час почувствовали, что на земле уже нет батюшки. Одна его духовная дочь была у него незадолго перед кончиной. Он ей сказал, что скоро умрет, и больше они здесь не увидятся. Она заплакала. На это он ей ответил: «Не плачь, придешь последняя». Так и случилось — она действительно чудесным образом успела на погребение. Когда узнала о смерти батюшки, то сразу же пошла на вокзал. Кассир сказала, что продала ей последний билет, и добавила, что в эти два дня масса людей едет хоронить какого-то старца».

Отпевание почившего старца было совершено по монашескому чину в четверг 21 января 1960 года.

18 марта /1 апреля 2003 года, в день преподобной Вассы Псково-Печерской, по благословению Святейшего Патриарха Алексия, состоялось прославление иеросхимонаха Симеона. Иеросхимонах Симеон был прославлен в лике преподобных Псково-Печерских как местночтимый святой. В акте канонизации было подчеркнуто, что старец Симеон причисляется к лику святых на основании его праведной жизни, монашеских подвигов и многочисленных случаев чудотворения, совершившихся при его жизни и после кончины. Отныне его святые мощи покоятся в Сретенском храме монастыря.

Наставления и советы старца Симеона:

Все науки и знания суть ничто без науки спасения. Надо знать, что путь спасения — путь Креста. В деле спасения важнейшую роль играет Священное Писание и писания святых Отцов — это лучшее руководство к спасению. После чтения священных книг немалую также роль для спасения души играет покаяние. Кроме покаяния, нет иного пути ко спасению. Ныне люди спасаются только скорбями и покаянием. Без покаяния нет прощения, нет и исправления. Покаяние есть лестница, вводящая в рай. Бремя грехов наших снимает-

ся покаянием и исповедью. Желающий спасти свою душу должен помнить, что спастись невозможно без скорби и искушений, а посему и должен благодарить Бога за все скорбное. Скорби есть по преимуществу удел спасающихся последнего времени: *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян.14, 22).

Спасение наше на Кресте, а именно в крестных страданиях. Как нельзя без воздуха дышать, без пищи — жить, без ног ходить, так нельзя без скорбей войти в царствие Небесное. Желающий спастись должен приобрести по слову святого Варсонуфия, великое смирение. Смирение же состоит в том, что человек признает себя грешником, не делающим никакого добра перед Богом, смирение — это когда он тщательно соблюдает молчание, когда не усиливается, чтобы кто-либо принял его слова, когда он отвергает собственную волю, воздерживается от лжи, не произносит пустых слов, старшему не противоречит, терпеливо переносит бесчестие и понуждает себя переносить труд и скорби. Истинно смиренный, если и имеет какие от Бога дарования: молитву, или слезы, или пост, или что иное — все сие тщательно скрывает, ибо похвала людская, как моль или ржа, все изъедает... Смиренный делает добро тому, кто делает ему зло... Смиренный чужд ненависти, прекословия и непокорства и обладает добрыми качествами: беззлобен, приветлив, милосерден, тих. Чтобы соде-

лать спасение своей души, недостаточно ограничить себе одним уклонением от зла. Но надобно делать и добро. Живи для других — и спасешься.

Спасение еще заключается в борьбе с нашими страстями. Кто в семье живет, тому и от семейных добродетелей. Кто занят познанием самого себя, своими недостатками, грехами, страстями, тому некогда замечать за другими. Помня собственные грехи, о чужих мы никогда не подумаем. Осуждающий вредит, троим: себе самому, слушающему его и тому о ком говорит. Будем лучше замечать в других добродетели, а в себе находить грехи.

Узнать самого себя — самое трудное и самое полезное знание. Познание себя, своей греховности и есть начало спасения. Чтобы приучить себя никого не осуждать, нам надо сразу же помолиться о согрешающем, дабы Господь исправил его, надо воздохнуть о ближнем, дабы вместе с тем воздохнуть и о себе. Не осуждай ближнего: тебе грех его известен, а покаяние его неизвестно. Чтобы не осуждать, надо бегать от осуждающих и хранить свой слух. Возьмем одно правило для себя: осуждающим не верить; и другое: никогда не говорить худо об отсутствующих. Не мысли ни о ком зла, иначе сам сделаешься злым, ибо добрый помышляет доброе, а злой злое. Будем помнить старинные народные поговорки: «В чем кого осудишь — в том и сам побудешь»; «Знай себя — и будет с тебя». Краткий путь ко спасению — не осуждать. Вот путь — без поста, без бдения и труда.

Не всякое дело угодно Богу, а только сделанное правильно, с рассуждением. Например, можно поститься, но с ропотом на пост, или на пищу, или на приготовителя пищи; можно поститься, но осуждать не постящихся, поститься и тщеславиться постом, языком обижать ближнего. Можно терпеть болезнь или скорбь, но роптать на Бога или людей, жаловаться на свою участь. Такие «добрые дела» бывают неугодны Господу, так как делаются без рассудительности.

Память преподобного Симеона (Желнина) совершается — 18 марта /1 апреля

Тропарь, *глас 8*

В тебе, отче, известно спасеся, еже по образу: приим бо крест, последовал еси Христу, и дея учил еси презирати убо плоть, преходит бо, прилежати же о души, вещи безсмертней. Темже и со ангелы срадуется, преподобне Симеоне, дух твой.

Ин тропарь, *глас 8*

Слез твоих теченьми пустыни безплодное возделал еси, и иже из глубины воздыханьми во сто трудов уплодоносил еси, и был еси светильник вселенной, сияя чудесы Симеоне, отче наш. Моли Христа Бога, спастися душам нашим.

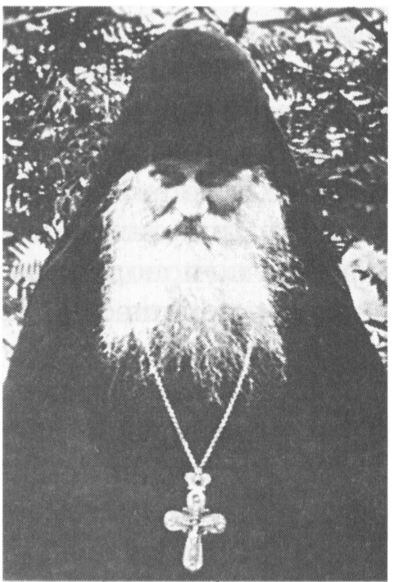
Кондак, *глас 2*

Чистотою душевною божественно вооружився, и непрестанные молитвы яко копие вручив крепко, пробол еси бесовская ополчения. Симеоне, отче наш, моли непрестанно о всех нас.

Кондак, *глас 2*

Яко постника благочестна и искусна, и страдальца произволением честна, и пустыни жителя сообразна, в песнех достойно восхвалим Симеоне, приснохвального: той бо змия попрал есть.

Преподобный Кукша Одесский (1875–1964 гг.)



В селе Гарбузинка (ныне Николаевской области) в многодетной семье благочестивых родителей Кирилла и Харитины 12/25 января 1875 года родился сын, которого назвали Косма. Его мать в молодости мечтала стать монахиней, но по родительскому настоянию вышла замуж. Харитина горячо молилась Богу, просила, чтобы кто-то из ее детей сподобился подвизаться в иноческом чине. По милости Божией младший сын, Косма, с малых лет полюбил молитву и уединение, в свободное время читал св. Евангелие. Когда он был еще маленьким мальчиком, придя в церковь, всегда заглядывал внутрь алтаря. Его спрашивали, для чего он это делает:

«Хочу увидеть Боженьку, Который там живет», — отвечал мальчик.

В 20 лет Косма впервые отправился паломником в Иерусалим. Посетив Святую Землю юноша отправился на святую гору Афон. Побывав в Афонских монастырях Косма перед отъездом на родину подошел под благословение к настоятелю Русского Пантелеимонового монастыря. В разговоре с настоятелем юноша выразил желание остаться на Афоне.

— Ну, хорошо, поезжай, через год приедешь, — ответил на его просьбу игумен.

По возвращению в Россию Косма посетил Киевского старца Иону, известного всем святостью жизни. Приближаясь к старцу, Косма очень волновался по поводу возможного отказа в благословении на монашество. Но неожиданно старец Иона сам подошел к Косме, стукнул его по голове крестом и сказал: «Благославляю тебя в монастырь! Будешь жить на Афоне».

Долго отец Космы не соглашался на иноческий постриг сына, но через год, поддавшись на уговоры родственников, все же отпустил его.

В 1896 году Косма, получив родительское благословение, удалился на святую гору Афон, где был принят послушником в русский монастырь святого великомученика Пантелеимона. Настоятель монастыря, узнав юношу, обрадовано воскликнул: «Ну, вот и приехал, хлопец! Благославляю тебя в просфорню».

В 1897 году к горе Афон приплыла мать Космы, и вместе с мужчинами, отправившимися на остров (поскольку женщинам на Афон вход воспрещен), передала настоятелю письмо с просьбой отпустить вместе с ней сына в паломничество в Иерусалим. Получив благословение настоятеля монастыря, Косма вместе с матерью отправился на Святую Землю. В Иерусалиме, когда паломники находились у Силоамской купели, Косму, близко стоявшего возле источника, кто-то нечаянно задел. Юноша упал в воду первым. Многие бесплодные женщины стремились войти в купель в числе первых, ведь по преданию Господь даровал чадородие тому, кто первым успеет погрузиться в воду. После этого события паломники стали подшучивать над Космой, говоря, что у него будет много детей. Слова эти оказались пророческими — у старца Кукши впоследствии действительно было множество духовных чад.

В храме Воскресения Христова произошло еще одно знаменательное событие: на Косму, по промыслу Божиему, была опрокинута средняя лампада. Все верующие хотели помазаться елеем из лампад, горевших при Гробе Господнем, люди окружили отрока и собирали руками стекающий по его одежде елей, благоговейно помазывались им. В Палестине он прожил с матерью полгода, после чего вернулся на Афон. Однако в скором времени его вновь отправляют в Иерусалим на полтора года нести послушание у Гроба Господня.

Вновь вернувшись на Афон, Косма стал нести послушание в гостинице для паломников. Вскоре послушник Косма был пострижен в рясофор с именем Константин, а 23 марта 1904 года — в монашество, и наречен Ксенофонтом. Гостиником он пробыл 11 лет.

До 12 часов Ксенофонт был на послушании, а в 1-м часу ночи бежал в пустынь за три километра к своему духовному отцу.

16 лет постигал Ксенофонт основы монашеской жизни под руководством старца Мелхиседека, который подвизался отшельником в горах.

Однажды, стоя на молитве, старец и его духовный сын услышали в ночной тишине приближение свадебного кортежа: топот конских копыт, игру на гармошке, веселое пение, хохот, свист...

— Отче, откуда здесь свадьба?

— Это гости едут, надо их встретить.

Старец взял крест, святую воду, четки и, выйдя из кельи, окропил вокруг нее святой водой. Читая крещенский тропарь, он на все стороны осенил крестом — сразу сделалось тихо, как будто и не было никакого шума.

Под его мудрым окормлением монах Ксенофонт сподобился стяжать все добродетели иноческие и преуспел в духовном делании. Несмотря на то, что Ксенофонт был внешне малограмотным человеком, едва умел читать и писать, святое Евангелие и Псалтирь он знал наизусть, службу церковную совершал на память, никогда не ошибаясь.

В 1913 году греческие власти, потребовали выезда с Афона многих русских монахов, в том числе и о. Ксенофонта. Накануне отъезда о. Ксенофонт побежал к своему духовному отцу:

— Отче, я никуда не поеду! Вот лягу под лодку или под камень и умру здесь, на Афоне!

— Нет, чадо, — возразил старец, — так Богу угодно, чтобы ты жил в России, там надо спасать людей. — Затем вывел его из кельи и спросил: — Хочешь увидеть, как стихии покоряются человеку?

— Хочу, отче.

— Тогда смотри. — Старец перекрестил темное ночное небо, и оно стало светлым, перекрестил еще раз — оно как береста свернулось, и о. Ксенофонт увидел Господа во всей славе и в окружении сонма ангелов и всех святых, он закрыл лицо руками, упал на землю и закричал: «Отче, мне страшно!»

Через некоторое мгновение старец произнес:

— Вставай, не бойся.

Отец Ксенофонт поднялся с земли — небо было обычным, на нем по-прежнему мерцали звезды. Полученное перед отъездом с Афона Божественное утешение в тяжелые годы поддерживало о. Ксенофонта.

В 1913 году афонский монах Ксенофонт становится насельником Киево-Печерской Свято-Успенской лавры. В 1914 г. во время первой мировой

войны о. Ксенофонт 10 месяцев был «братом милосердия» в санитарном поезде «Киев-Львов», а вернувшись в Лавру, нес послушание в Дальних Пещерах; заправлял и зажигал лампады перед святыми мощами и переоблачал их.

О. Ксенофонт, впоследствии старец Кукша вспоминал: «Мне очень хотелось принять схиму, но по молодости лет (40 с небольшим) мне отказывали в моем желании. И вот однажды ночью я переоблачал мощи в Дальних Пещерах. Дойдя до святых мощей схимника Силуана, я переодел их, взял на свои руки и, стоя на коленях перед его ракой, стал усердно ему молиться, чтобы угодник Божий помог мне сподобиться пострижения в схиму». И так, стоя на коленях и держа на руках святые мощи, он под утро заснул.

Мечта о. Ксенофонта сбылась через несколько лет: 8 апреля 1931 года смертельно больной подвижник был пострижен в схиму. При постриге получил имя Кукша, в честь священномученика Кукши, мощи которого находятся в Ближних Пещерах. После пострига о. Кукша стал быстро поправляться и вскоре выздоровел.

3 апреля 1934 года отец Кукша был рукоположен в сан иеродиакона, а через месяц — в сан иеромонаха. После закрытия Киево-Печерской лавры иеромонах Кукша служил до 1938 года в Киеве, в церкви на Воскресенской Слободке. В том же году подвижник был осужден, и отбывал пятилетний

срок в лагерях г. Вильма Молотовской области, затем три года провел в ссылке. В лагерях осужденные были вынуждены работать по 14 часов в сутки, получая очень скудную пищу «выполнять норму» на изнурительных лесоповальных работах. Шестидесятилетний иеромонах терпеливо и благодушно переносил лагерную жизнь, старался духовно поддерживать окружающих его людей.

Старец вспоминал: «Это было на Пасху. Я был такой слабый и голодный, — ветром качало. А солнышко светит, птички поют, снег уже начал таять. Я иду по зоне вдоль колючей проволоки, есть нестерпимо хочется, а за проволокой повара носят из кухни в столовую для охранников на головах противни с пирогами. Над ними вороны летают. Я взмолился: «Ворон, ворон, ты питал пророка Илию в пустыне, принеси и мне кусочек пирога». Вдруг слышу над головой: «Кар-р-р!», — и к ногам упал пирог, — это ворон стащил его с противня у повара. Я поднял пирог со снега, со слезами возблагодарил Бога и утолил голод».

Весной 1943 года, по окончании срока заключения, на праздник святого великомученика Георгия Победоносца иеромонаха Кукшу освободили, и он отправился в ссылку в Соликамскую область. Взяв благословение у епископа в г. Соликамске, он часто совершал богослужения в соседнем селе.

В 1947 году окончилось время ссылки, завершился восьмилетний исповеднический подвиг.

Иеромонах Кукша вернулся в Киево-Печерскую лавру, где начался его подвиг старчества. Старец Кукша укреплял маловерных, ободрял ропщущих, по его молитве верующие получали духовное и физическое исцеление. К старцу Кукше в монастырь шла нескончаемая вереница людей, ждущих Божией помощи и благодати.

Сохранились многочисленные свидетельства о чудесах исцеления по молитве старца Кукши, приведем лишь некоторые из этих свидетельств:

Тяжело больная А., которой должны были удалить, появившуюся на лбу злокачественную опухоль, перед операцией приехала к старцу. Отец Кукша долго исповедал больную, потом причастил, дал ей металлический крестик, который велел все время прижимать к опухоли. Больная пробыла в монастыре 4 дня, по благословению старца ежедневно причащалась, крестик с благоговением прижимала ко лбу. Вернувшись домой, обнаружила, что половина опухоли исчезла, на ее месте осталась белая чистая кожа, а через две недели пропала и вторая половина опухоли, лоб побелел, очистился, не осталось и следов от рака.

Одну из своих духовных чад старец исцелил от душевной болезни, мучившей ее в течение месяца, — заочно, прочитав ее письмо с просьбой помолиться о ней. После получения старцем ее письма она стала совершенно здорова.

Старец Кукша имел от Бога дар духовного

рассуждения и различения помыслов. Он был великим прозорливцем. Ему были открыты даже самые сокровенные чувства, которые люди едва могли понять сами, а он понимал и объяснял, от кого они и откуда. Многие шли к нему, чтобы рассказать о своих скорбях и спросить совета, а он, не дожидаясь объяснений, уже встречал их с нужным ответом и духовным советом. Старец никогда не осуждал согрешающих и не сторонился их, а наоборот, всегда с состраданием принимал. Говорил: «Я сам — грешный и грешных люблю. Нет человека на земле, который бы не согрешил. Един Господь без греха, а мы все грешные».

В 1951 году отца Кукшу из Киева перевели в Почаевскую Свято-Успенскую лавру. В Почаеве старец нес послушание киотного у чудотворной иконы, когда к ней прикладывались монахи и богомольцы. Кроме этого, о. Кукша должен был исповедовать людей. Свои обязанности он исполнял с отеческой заботой ко всем приходящим, любовно обличая их пороки, предостерегал от духовных падений и предстоящих бед.

Однажды один генерал, переодевшись в штатскую одежду, приехал в Почаевскую лавру и смотрел с любопытством, как старец исповедует. О. Кукша подозвал его к себе и побеседовал с ним некоторое время. Отошел от старца генерал очень бледный, крайне взволнованный и потрясенный,

спрашивая: «Что это за человек? Откуда он все знает? Он обличил всю мою жизнь!»

По свидетельству духовных чад, старец Кукша однажды назвал одного мужчину, у которого была супруга и двое детей, иеромонахом. Впоследствии, после смерти жены, мужчина посвятил свою жизнь служению Господу, через несколько лет был рукоположен в сан иеродиакона, а затем — в сан иеромонаха.

Одна женщина просила старца Кукшу благословить ее дочь М. выйти замуж, прозорливец ответил: «Никогда М. замуж не выйдет!» Женщина пыталась объяснить, что у молодых уже все готово к свадьбе, осталось только сшить платье, и после Пасхи они будут венчаться, но старец уверенно повторил: «М. никогда замуж не выйдет». За неделю до свадьбы у М. вдруг начались эпилептические припадки (чего раньше с ней не наблюдалось), и испуганный жених немедленно уехал домой. Через несколько лет М. приняла монашество с именем Галина, а ее мать — с именем Василиса.

Другая благочестивая девица просила батюшку благословить ее на монашество, но старец благословил ее на замужество. Велел ей ехать домой, сказав, что там ее ждет семинарист. Предсказание старца сбылось, девушка вскоре вышла замуж за семинариста. Духовная дочь старца вырастила семерых детей, и воспитала их в любви к Богу.

Одна духовная дочь старца поведала, что ей

очень хотелось узнать, как чувствует себя старец Кукша во время Божественной литургии:

«Однажды, войдя в Пещерный храм, когда о. Кукша служил в нем Божественную литургию, я сразу почувствовала сильную близость души к Богу, как будто вокруг никого не было, а только Бог и я. Каждый возглас о. Кукши возносил мою душу «горе», и преисполнял ее такой благодатью, как будто я стояла на небе перед лицом Самого Бога. На душе было по-детски чисто, необыкновенно светло, легко и радостно. Ни одна посторонняя мысль не беспокоила меня и не отвлекала от Бога. В таком состоянии я находилась до конца литургии. После литургии все ждали, когда о. Кукша выйдет из алтаря, чтобы взять у него благословение. Подошла и я к своему духовному отцу. Он благословил меня и, крепко взяв обе мои руки, повел за собой, внимательно с улыбкой вглядываясь в мои глаза, вернее, через глаза в душу, как бы стараясь рассмотреть, в каком она состоянии после такой чистой молитвы. Я поняла, что батюшка дал мне возможность пережить такое же святое блаженство, в каком он сам всегда пребывал во время Божественной литургии».

Из воспоминаний духовной дочери старца Кукши:

— Иногда он благословлял, положив обе ладони своих рук крестообразно на мою голову, читая про себя молитву, и я преисполнялась необыкно-

венной радости и безграничной любви к Богу. В таком состоянии я пребывала дня по три.

Старец советовал всем к святой Чаше не подходить с деньгами, чтобы «не уподобиться Иуде», и священникам запрещал с деньгами в кармане стоять у престола и совершать Божественную литургию.

Люди в храме сотнями стояли в очереди к нему. Многих принимал он и в своей келье, не жалея себя и почти без отдыха проводя целые дни, несмотря на преклонный возраст и старческие болезни. Он, по афонскому обычаю, всю жизнь обувался только в сапоги. От долгих и многих подвигов у него на ногах были глубокие венозные раны. Однажды, когда он стоял у чудотворной иконы Божией Матери, у него на ноге лопнула вена, и сапог наполнился кровью. Его увели в келью, уложили в постель. Пришел знаменитый своими исцелениями игумен Иосиф (в схиме Амфилохий), осмотрел ногу и сказал: «Собирайся, отец, домой» (то есть умирать), и ушел. Все монахи и миряне горячо со слезами молились Матери Божией о даровании здравия дорогому и любимому старцу. Через неделю игумен Иосиф опять посетил больного, осмотрел почти зажившую рану на ноге и в изумлении воскликнул: «Вымолили чада духовные!»

В конце апреля 1957 года на страстной седмице Великого поста старца переводят в Крещатиц-

кий Свято-Иоанно-Богословский монастырь Черновицкой епархии. С приходом старца Кукши ожила духовная жизнь братии монастыря. В тихую обитель апостола любви устремились духовные чада, на средства, передаваемые о. Кукше, увеличились постройки в обители.

В 1960 году старец Кукша был переведен в Одесский Свято-Успенский мужской монастырь. Здесь ему предстояло провести последние четыре года своей подвижнической жизни. В Свято-Успенском монастыре старца Кукшу с любовью встретили насельники обители. Ему определено было послушание исповедовать людей и помогать вынимать частицы из просфор во время совершения проскомидии.

Старец вставал рано утром, читал свое молитвенное правило, старался причащаться каждый день, он особенно любил раннюю литургию. Ежедневно идя в храм, старец под одежду надевал свою афонскую власяницу из белого конского волоса, который больно колол все тело.

Келья старца в монастырском корпусе примыкала прямо к Свято-Никольской церкви. С ним поселили и послушника келейника, но старец, несмотря на немощи своего преклонного возраста, не пользовался посторонней помощью и говорил: «Мы сами себе послушники до самой смерти».

Однажды он с радостным лицом сказал своей духовной дочери: «Матерь Божия хочет взять меня

к Себе». В октябре 1964 года старец, упав, сломал бедро. Пролежав в таком состоянии на холодной сырой земле, он простудился и заболел воспалением легких. Он никогда не принимал лекарств, называя «врачебницей» святую Церковь. Даже страдая в предсмертной болезни, он также отказался от всякой врачебной помощи, лишь просил причащать его каждый день святых Христовых Тайн.

Блаженный подвижник предвидел свою кончину. Духовная дочь старца схимонахиня А. вспоминает:

— Батюшка иногда говорил: «90 лет — Кукши нет. Хоронить-то как будут, быстро-быстро, возьмут лопаточки и закопают». Скончался старец, когда ему было около 90 лет.

Боясь стечения народа на похоронах, власти потребовали отвезти тело почившего на родину. Наместник обители ответил, что родиной монаха является монастырь. Тогда братии отвели два часа на погребение старца.

Старец Кукша говорил, чтобы после его кончины верующие приходили на могилку, рассказывали о печалях и нуждах. Всякий, приходящий с верою к месту его земного упокоения, всегда получал утешение, вразумление, облегчение и исцеление от болезни по его богоугодным молитвам и предстательству.

Рассказ Ксении Кибальчик: «Это были 50-е годы, когда преподобный Кукша жил в Почаевс-

кой Лавре. Пришла ко мне странница Нимфодора, просила дать ей посильную работу и за это ее кормить. Вот что она рассказала о себе:

Попала она на исповедь к отцу Кукше, рассказала о себе, что была в монастыре, в коммуне, и замужем, и 40 лет не причащалась. После исповеди она стала с искренним покаянием и горькими слезами оплакивать свою жизнь. Позже увидев толпу людей, окруживших о. Кукшу и желающих получить благословение, сознавая себя недостойной приблизиться к нему, шла позади всех. Вдруг он оборачивается, смотрит на нее и говорит ей: «Простил Господь, все простил».

Пока о. Кукша находился в Почаеве, Нимфодора каждый раз исповедовалась только у него и, по его благословению, часто причащалась. Но в апреле 1957 года его вдруг перевели в дальний монастырь Св. Апостола Иоанна Богослова, и тогда к нему попасть на исповедь стало сложно. Нимфодора стала обращаться к иеромонаху, который обычно дежурил в Успенском соборе, но он Нимфодору к себе на исповедь не допускал, она каждый раз приходила без денег. И вот что однажды с ней произошло: подготовившись к Святому Причастию, она подошла исповедоваться к тому же иеромонаху, и снова получила отказ... Тут уже Литургия подходила к концу. Пропели «Отче Наш...». Причастники приблизились к царским Вратам, а Нимфодора стоит и неутешно плачет о своем недосто-

инстве, в полной уверенности, что Сам Господь не допускает ее к Святой Чаше. Взгляд ее устремился к Почаевской иконе Божией Матери, находящейся перед ней. Вдруг видит сквозь слезы, что от иконы как бы отделяется Чаша и медленно плывет по воздуху прямо к ней. Приблизившись к ее устам, эта полная Чаша на секунду останавливается, и Нимфодора отпивает из Чаши глоточек, и тут же Чаша начинает подниматься по воздуху к той же иконе, но, не достигая ее, расплывается в воздухе и становиться невидима. Сознавая свое недостоинство, Нимфодора боится и на мгновение поверить тому, какое дивное чудо милости Божией было ей послано.

Вскоре после этого события какие-то добрые люди пригласили Нимфодору съездить с ними к отцу Кукше, обещая взять на себя все дорожные расходы. Вот они приехали к нему. Вошли в его келью... Он, стараясь всех обласкать, каждому уделить внимание, все время от времени поглядывает на Нимфодору и с улыбкой говорит ей: «Ты, Причастница!». Она попробовала возразить, но на ее возражение он строго ответил:

— Молчи, я видел!

Тут уже она и поверила в истинность чуда».

Когда старец был в Иоанно-Богословском монастыре, он послал свою духовную дочь В. посмотреть место, где можно построить большой корпус для множества монахов. Она пошла и по молитвам

старца нашла хорошее место на горе, прямо над монастырем. Вернувшейся В. старец сказал, что там будет большой монашеский корпус, и что он должен приготовить место. Предсказание его начало сбываться спустя 30 лет: после открытия и возвращения монастыря новое поколение монахов, не знавшее старца и его предсказание, начало строительство храма и монашеского корпуса на том самом месте, о котором шла речь.

— Осенью 1993 года, — вспоминает одна духовная дочь старца, — я пошла к могилке отца Кукши и увидела там множество людей, которые приехали из Молдавии. Они рассказали, что одна женщина была тяжело больна желудком. Взяв землю с могилки старца, она приложила ее к животу, после чего заснула. Проснувшись, она почувствовала себя исцеленной. Так же исцелилась раковая больная, семидесятидвухлетняя М., жительница г. Одессы.

В 1995 году по решению Священного Синода Украинской Православной Церкви старец Кукша был причислен к лику святых в чине преподобного.

Память преподобного Кукши Одесского совершается — 16/29 сентября

Тропарь, *глас 4*

От юности мир суемудренный и лукавый оставил еси, Божественною свыше просветився благо-

датию, преподобне, многим терпением во временней жизни подвиг совершил еси, тем же источаеши чудес благодать всем с верою приходящим к раце мощей твоих, Кукшо, преблаженне отче наш.

Кондак, *глас 8*

Подвижника благочестия искусна, новаго исповедника веры отеческия преподобнаго Кукшу верно вси ублажим, яко пастыря истиннаго, старца благостнаго, иноков наставника, утешителя малодушных, целителя недужных, и по кончине показующаго светлость жития своего. И днесь в память его притекшее, радостно возопием: яко иемея дерзновение к Богу, многообразных нас избави обстояний, да зовем ти: радуйся, утверждение людем православным.

Молитва

О преподобне и богоносне отче наш Кукшо, обители Успения Божией Матери похвало, Богоспасаемаго града Одессы неувядаемый цвете, кроткий пастырю Христов и великий за нас молитвениче усердно к тебе прибегаем и с сокрушенным сердцем просим: не отыми покров твой от обители нашей, в ней же подвигом добрым подвизался еси. Буди помощник благий всем благочестиво живущим и добре труждающимся в ней. О добрый наш пастырю и богомудрый наставниче, преподобие отче Кукшо, призри милостиво на предстоящия

люди, умиленно молящиеся и просящие от тебе помощи и заступления.

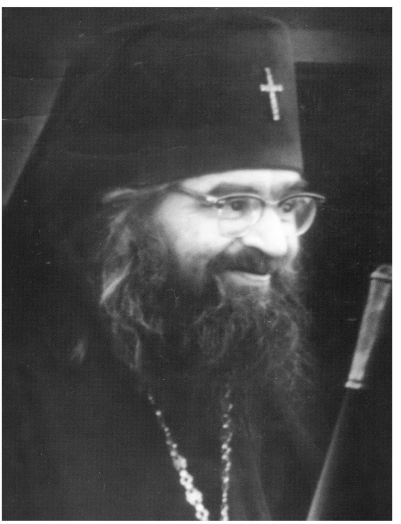
Помяни всех, веру и любовь к тебе имущих, имя твое молитвенно призывающих и на поклонение мощем твоим святым приходящих, и вся во благих прошения их милостивно исполни, осеняя их святоотеческим твоим благословением. Избави, святый отче, от всякаго навета вражия Церковь нашу святую, град сей, обитель и землю нашу, и не остави заступлением твоим нас немощных, грехами и скорбями многими обремененных.

Озари, преблаженне, ум наш светом лица Божия, укрепи благодатию Господнею жизнь нашу, да в Законе Христове утвердившеся, неленостно по пути заповедей святых потечем. Осени твоим благословением нас, и всех в скорбех сущих, болезнями душевными и телесными одержимых, исцеление, утешение и избавление даруй. Над всеми же сими испроси нам свыше дух кротости и смиренномудрия, дух терпения и покаяния, отступившим от Православныя Веры и погибельными ересьми и расколами ослепленным вразумление, во тьме неверия блуждающим светом истиннаго Богопознания просвещение, раздоров и нестроений утоление, умоли Господа Бога и Пресвятую Богородицу даровати нам тихое и безгрешное житие.

Поминай нас недостойных у престола Вседержителя, и испроси мирную христианскую кончину, и сподоби нас помощию твоею спасение вечное

улучити и Царствие Небесное унаследовати, да славословим велия щедроты и неизреченныя милости Отца и Сына и Святаго Духа, в Троице поклоняемаго Бога, и твое отеческое заступление во веки веков. Аминь.

Блаженный Святитель Иоанн (Максимович), Чудотворец (1896—1966 гг.)



Архиепископ Иоанн родился 4 июня 1896 года на Украине в селе Адамовка Харьковской губернии. Он вышел из старинного украинского дворянского рода Максимовичей, к которому принадлежал и святой Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский. Его отец, Борис, был предводителем дворянства в одном из уездов Харьковской губернии. При крещении он был назван Михаилом — в честь архангела Михаила. В раннем детстве Михаил был болезненным ребенком.

Среднее образование он получил в Полтавской военной школе, где учился с 1907 по 1914 годы. По окончании военной школы он поступил на юридический факультет Харьковского Императорско-

го университета, который закончил в 1918 году (до захвата города Советами). Затем он был назначен в Харьковский окружной суд, где служил в период правления на Украине гетмана Павла Скоропадского, и пока там оставалась Добровольческая армия.

В Харьковском Покровском монастыре в пещере, находящейся под алтарем, покоились мощи святого архиепископа Мелетия (Леонтовича), которого Михаил очень уважал. Известно, что после преставления в 1841 году, владыка Мелетий оказывал чудесную помощь тем, кто служил панихиду по нему у его гроба. Архиепископа Мелетия уже при жизни почитали за строгий аскетизм, особенно за подвиг воздержания от сна. Было известно, что он проводил целые ночи, стоя погруженный в молитву. Он предсказал день и час своей кончины. Юный Максимович относился с благоговением к этому святому иерарху.

Теперь можно отметить, что архиепископ Иоанн по крайней мере в трех моментах уподобился харьковскому святому: как известно, он в течение сорока лет не ложился спать в постель; заранее знал время своей кончины и покоится под сенью собора в специальной усыпальнице, где почти ежедневно служатся панихиды и над гробом читается Псалтирь теми, кто испрашивает его помощи.

В Харьковском университете будущий владыка больше уделял времени чтению житий святых,

чем посещению лекций, и, однако, был превосходным студентом. Очевидно, его стремление подражать святым проявилось уже в те годы, поскольку архиепископ Антоний (Храповицкий) Харьковский, впоследствии первый Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви предпринял специальные шаги, чтобы познакомиться с ним, а затем приблизил к себе юношу и стал его духовным наставником.

В 1921 году, во время гражданской войны, когда большевики полностью оккупировали Украину, будущий владыка с родителями, братьями и сестрой эмигрировал в Белград, где он и его братья поступили в университет. Один из них, окончив технический факультет, стал инженером, другой — после юридического — служил в югославской полиции. Сам же Михаил закончил в 1925 году богословский факультет, зарабатывая на жизнь в период обучения продажей газет.

В 1924 году он был посвящен митрополитом Антонием (Храповицким) в чтецы русской церкви в Белграде. Митрополит Антоний продолжал оказывать на него глубокое влияние, а Михаил отвечал ему почтением и преданностью. В 1926 году митрополит Антоний постриг его в монахи и рукоположил в иеродиакона в Милковском монастыре, дав имя Иоанн в честь дальнего родича его, святого Иоанна (Максимовича) Тобольского. 21

ноября того же года отец Иоанн был рукоположен во иеромонаха епископом Гавриилом Челябинским.

С 1925 по 1927 годы иеромонах Иоанн был религиозным наставником в Сербской государственной высшей школе, а с 1929 по 1934 годы — учителем и руководителем в Сербской семинарии святого Иоанна Богослова, что в Битоле. Там он служил Божественную литургию на греческом языке для местных греческих и македонских общин, необычайно его чтивших.

Город Битоль относился к Охридской епархии, находившейся в то время под управлением епископа Николая (Велимировича), сербского Златоуста, известного проповедника, поэта, писателя, организатора и вдохновителя народного религиозного движения. Он оказал благотворное влияние на молодого иеромонаха Иоанна и, как и митрополит Антоний, ценил и любил его. Не однажды слышали, как он говорил: «Если хотите видеть живого святого, идите в Битоль к отцу Иоанну».

И действительно, становилось ясным, что человек этот совершенно необыкновенный. Его собственные студенты первыми открыли то, что являлось, возможно, главным аскетическим подвигом будущего владыки. Вначале они обнаружили, что он бодрствовал еще долго после того, как все уходили спать. И что он имел обыкновение обходить общежитие ночью, поднимая упавшие одея-

ла, чтобы укрыть ничего не подозревающих учеников, и осеняя их крестным знамением. А затем было замечено, что он вообще не ложился спать, а позволял себе в течение ночи не боле часа-двух забыться в неудобном сидячем положении или на полу, склонившись перед иконами. Годами позже он сам признался, что с тех пор, как принял монашеские обеты, никогда не ложился спать.

Архиепископ Аверкий (Таушев), известный по Джорданвилльскому монастырю Святой Троицы, тогда еще молодой иеромонах с Западной Украины, был свидетелем того глубокого впечатления, которое иеромонах Иоанн произвел на студентов семинарии. По возвращении домой на каникулы они имели обыкновение рассказывать о своем необычайном наставнике, который постоянно молился, каждый день служил Божественную литургию или, по крайней мере, причащался, строго постился, никогда не спал лежа и с истинно отеческой любовью вдохновлял их высокими идеалами христианства и Святой Руси.

В 1934 году иеромонаха Иоанна решено было возвести в сан епископа. Епископская хиротония состоялась 28 мая 1934 года. Владыка оказался последним из епископов, посвященных митрополитом Антонием. Владыка был назначен в Шанхайскую епархию.

В Шанхай владыка прибыл в конце ноября — на праздник Введения во храм Пресвятой Богоро-

дицы — и нашел там недостроенный большой собор и разгоревшийся между юрисдикциями конфликт. Прежде всего, он восстановил церковное единство благодаря своему мудрому пастырскому подходу.

Особое внимание Владыка уделил религиозному образованию и взял себе за правило присутствовать на устных экзаменах в катехизических классах всех православных школ Шанхая. Он стал одновременно попечителем различных благотворительных обществ, активно участвуя в их работе, особенно после того, как увидел те бедственные условия, в которых оказалось большинство его паствы — беженцев из Советского Союза. Он никогда не принимал приглашение на чай в богатые дома, но его можно было видеть везде, где была нужда, независимо от времени или погоды. Для сирот и детей нуждающихся родителей он устроил дом, поручая их небесному покровительству очень почитаемого им святого Тихона Задонского, любившего детей. Владыка сам подбирал больных и голодающих детей на улицах и в темных переулках шанхайских трущоб. Сиротский дом, начавшийся с восьми детей, впоследствии мог приютить одновременно уже сотни, а в общей сложности через него прошло около 3500 детей. С приходом к власти в Китае коммунистов, владыка эвакуировал приют полностью — сначала на один из Филиппинских островов, затем в Америку.

Уже скоро для его новой паствы стало очевидным, что владыка — великий аскет. Основу его подвижничества составляли молитва и пост. Пищу он принимал один раз в день — в 11 вечера. В первую же и последнюю седмицы Великого Поста не вкушал и вовсе, а в остальные дни этого поста и Рождественского — только алтарный хлеб. Ночи проводил обычно в молитве и, когда, наконец, силы его истощались, клал голову на пол, забываясь на несколько часов перед рассветом.

Владыка служил в соборе каждое утро и вечер, даже когда был болен. Литургию он совершал ежедневно, а если по какой-либо причине и не мог этого сделать, то, по крайней мере, приобщался Святых Тайн. Где бы он ни был, он не пропускал богослужения. Однажды, как пишет Архимандрит Вениамин в своей книге «Воспоминания об архиепископе Иоанне", у владыки тяжко распухла нога, и консилиум врачей, опасаясь гангрены, предписал ему немедленную госпитализацию, от которой он категорически отказался. Тогда русские врачи оповестили приходской совет о том, что они освобождают себя от всякой ответственности за его состояние и даже за жизнь. После долгих уговоров членами совета, которые готовы были даже насильно госпитализировать его, владыка вынужден был согласиться и утром, за день до праздника Воздвижения Креста Господня, был отправлен в русский госпиталь, однако к 6 часам,

прихрамывая, пришел в собор пешком и начал служить. За день опухоль совсем прошла.

Следующий случай, подтвержденный многими «шанхайцами», хорошо демонстрирует непоколебимую веру владыки во Христа. Одну женщину укусила бешеная собака. Предписанный курс уколов она либо отказалась делать, либо сделала небрежно... и заболела страшной болезнью. Узнав про это, владыка Иоанн пришел к умирающей. Когда он ее приобщил, с ней тут же случился припадок ее болезни: она начала испускать слюну и выплюнула только что принятые ею Святые Дары. Но Святые Тайны не могут быть выброшены, и владыка собрал и потребил их, выплюнутые больной женщиной. Бывшие с ним воскликнули: «Владыка! Что Вы творите?! Бешенство страшно заразно!» Но владыка спокойно ответил: «Ничего не случится — это Святые Дары». И действительно ничего не случилось.

Носил владыка одежду из самой дешевой китайской ткани и мягкие туфли или сандалии, всегда без носок — какая бы ни была погода. Часто он ходил босой, отдав свои сандалии какому-нибудь нищему. Он даже служил босым, за что и подвергался суровому порицанию.

Теперь уже известно, что владыка был не только праведником и подвижником, но и настолько близким Богу, что обладал даром прозорливости и по его молитвам совершались чудеса.

Вот поразительное сообщение очевидца, Лидии Лью, свидетельствующее о его духовной высоте. «Владыка дважды приезжал в Гонконг. Это кажется странным, но я, не зная владыку, написала ему письмо с просьбой о помощи одной вдове с детьми, а также спрашивала его о некоторых личных духовных проблемах, но ответа я не получила. Прошел год. Владыка приехал в Гонконг, и я была в толпе, которая встречала его в храме. Владыка обернулся ко мне и сказал: «Вы та, кто написал мне письмо!» Я была поражена, так как владыка никогда меня до этого не видел. Когда пропели молебен, владыка, стоя у аналоя, стал читать проповедь. Я стояла рядом с матерью, и мы обе видели свет, окружавший владыку и идущий вниз к аналою — сияние это было толщиной в фут. Длилось оно достаточно продолжительное время. Когда проповедь закончилась, я, пораженная необычайным явлением, рассказала о виденном Р. В. С., он же ответил нам: «Да, многие верующие видели это». Мой муж, стоявший чуть поодаль, также видел этот свет».

Владыка любил посещать больных и делал это ежедневно, принимая исповедь и приобщая их Святых Тайн. Если состояние больного становилось критическим, владыка приходил к нему в любой час дня или ночи молиться у его постели. Вот одно чудо среди многих, совершенных молитвами владыки, свидетельство о котором находится в архи-

ве Окружного госпиталя в Шанхае (сообщила Н. Маковая).

«Людмила Дмитриевна Садковская увлекалась спортом — скачками на лошадях. Однажды лошадь сбросила ее, и она сильно ударилась головой о камень, потеряв сознание. Ее без сознания привезли в госпиталь. Собрался консилиум из нескольких врачей, признали положение безнадежным — едва ли доживет до утра: почти нет биения пульса, голова разбита, и мелкие кусочки черепа давят на мозг. При таком положении она должна умереть под ножом. Если бы даже ее сердце позволило делать операцию, то при благополучном исходе она должна была остаться глухой, немой и слепой.

Ее родная сестра, выслушав все это, в отчаянии и заливаясь слезами бросилась к архиепископу Иоанну и стала умолять его спасти сестру. Владыка согласился, пришел в госпиталь и попросил всех выйти из палаты и молился около двух часов. Потом он вызвал главного врача и попросил освидетельствовать больную. Каково же было удивление врача, когда он услышал, что ее пульс был как у нормального, здорового человека! Он согласился немедленно сделать операцию, но только в присутствии архиепископа Иоанна. Операция прошла благополучно, и каково же было удивление врачей, когда после операции она пришла в себя и попросила пить! Она все видела и слышала. Живет

она и до сих пор: говорит, видит и слышит. Я знаю ее 30 лет. Н.С.М.»

Владыка посещал и тюрьмы, совершая Божественную литургию для осужденных на обычном маленьком столе. Но самое трудное дело пастыря — навещать душевнобольных и бесноватых (владыка их точно различал). В пригородах Шанхая была психиатрическая лечебница, и только владыка обладал духовной силой, чтобы навещать этих тяжело больных людей. Он приобщал их, и они удивительным образом мирно принимали его и слушали, всегда ждали его посещения и встречали с радостью.

Владыка обладал великим мужеством. Во время оккупации японские власти старались любым способом подчинить себе русскую колонию. Давление оказывалось через руководителей Русского эмигрантского комитета. Два президента этого комитета боролись за сохранение независимости, и оба были убиты. Смущение и страх охватил русскую колонию, и в этот момент владыка Иоанн, несмотря на предупреждения русских, сотрудничавших с японцами, объявил себя временным главой русской колонии.

Ходить ночью по улицам во время японской оккупации было делом исключительно опасным, и большинство старались быть дома, когда наступала темнота. Владыка, однако, не обращая никакого внимания на опасность, продолжал навещать

больных и нуждающихся в любой час ночи, и его никогда не трогали.

С приходом коммунистов к власти русские в Китае снова вынуждены были бежать, большинство — через Филиппинские острова. В 1949 году на острове Тубабао в лагере Международной организации беженцев проживало примерно 5 тысяч русских из Китая. Остров находился на пути сезонных тайфунов, которые проносятся над этим сектором Тихого океана. И в течение всех 27 месяцев существования лагеря ему только один раз угрожал тайфун, но и тогда он изменил курс и обошел остров стороной. Когда один русский в разговоре с филиппинцами упомянул о своем страхе перед тайфунами, те сказали, что причин для беспокойства нет, поскольку «ваш святой человек благословляет ваш лагерь каждую ночь со всех четырех сторон». Они имели в виду владыку Иоанна, ибо пока он был там, никакой тайфун острова не затрагивал. Когда же лагерь был почти эвакуирован, люди переселены в другие страны (главным образом — в США и Австралию) и на острове оставалось только около 200 человек, страшный тайфун обрушился на него и полностью уничтожил лагерь.

Владыка сам ездил в Вашингтон, округ Колумбия, чтобы договориться о переселении русских в Америку. Американские законы были изменены,

и почти весь лагерь перебрался в Новый Свет — снова благодаря владыке.

По завершении исхода его паствы из Китая, архиепископу Иоанну в 1951 году предоставляется новое поле пастырской деятельности: Синод епископов направил его в Западно-Европейскую архиепископскую епархию с кафедрой в Париже, а затем в Брюсселе. Теперь он становится одним из ведущих иерархов Русской Зарубежной Церкви и его присутствие часто требуется на заседаниях Собора в Нью-Йорке.

В Западной Европе владыка проявляет глубокий интерес не только к русской диаспоре, для которой он без устали трудился, как и в Шанхае, но и к местному населению. Он принимает под свою юрисдикцию местные Голландскую и Французскую (Галлийскую) Православные Церкви, защищая и поддерживая их православное развитие. Теперь он служит Божественную литургию по-голландски и по-французски, как раньше служил по-гречески и по-китайски (и как позже должен будет служить на английском языке).

Владыка всегда интересовался святыми и почитал их, его знания о них казались безграничными. А теперь он обратился к западноевропейским святым, жившим до раскола латинской Церкви, многие из которых, являясь местночтимыми, не были включены ни в один православный кален-

дарь. Он собирал их жития и изображения, представив затем подробный перечень в Синод.

4 декабря 1962 год Владыка Иоанн отправился в Сан-Франциско, где кафедральный приход является самым крупным в Русской Зарубежной Церкви. Произошло это после того, как архиепископ Тихон, которого с владыкой сближала длившаяся всю жизнь дружба, ушел по болезни на покой, и в его отсутствие строительство нового кафедрального собора остановилось. В ответ на настоятельные просьбы тысяч русских, знавших его по Шанхаю, архиепископ Иоанн был послан сюда Синодом как единственный иерарх, способный восстановить мир в пораженной раздором местной общине.

Владыка до конца остался верен избранному им пути преданного служения Церкви. Знавшие его в последние годы могли бы выделить, вероятно, две основные черты его характера. Прежде всего — это строгость во всем, что касается Церкви и Божественного закона. Он настаивал на должном поведении служителей Божиих, не позволяя какой-либо вольности или даже разговоров в алтаре. Будучи знатоком богослужения, он имел обыкновение немедленно исправлять ошибки и упущения в порядке службы. Строг он был и с прихожанами, не разрешая женщинам целовать кресты

или иконы с помадой на губах и настаивал на том, чтобы антидор, раздаваемый в конце Литургии, принимался натощак. Он считал недопустимым устроение балов и прочих увеселений в канун воскресных и праздничных дней. Он упорно защищал церковный (юлианский) календарь от сторонников нового календаря. Он запрещал своему клиру участвовать во «всехристианских» богослужениях ввиду сомнительной каноничности некоторых их участников, и деятельность православных экуменистов была для него также сомнительна. Он был строг ко всему, что относилось к Святому Православному учению.

Случай, происшедший не так давно и явившийся примером праведной строгости. День праздника всех святых, который отмечают католики, у американцев празднуется своеобразно. Так у них существует поверие, что в предшествующую ночь темные духи отмечают свой праздник беспорядка. В Америке этот «хэллоуин» дал повод к возникновению обычая рядиться детям в костюмы ведьм, духов, как бы вызывая темные силы.

Группа русских решила организовать в эту ночь (пришедшуюся к тому же на канун воскресенья) хэллоуинский бал, и в соборе Сан-Франциско во время первого всенощного бдения, посвященного святому Иоанну Кронштадтскому, многие, к

огорчению владыки, отсутствовали. После службы владыка пошел туда, где все еще продолжался бал. Он взошел по ступенькам и вошел в зал — к полному изумлению участников. Музыка прекратилась, и владыка в полном молчании пристально посмотрел на онемевших людей и стал неспешно обходить зал с посохом в руке. Он не произнес ни слова, да в том и не было нужды: один взгляд владыки уязвил совесть каждого, вызвав всеобщее оцепенение. Владыка ушел в молчании, а на следующий день он метал громы святого негодования и ревностно призывал всех к благоговейной христианской жизни.

Однако владыка запомнился всем не своей суровостью, а, напротив, мягкостью, радостностью и даже тем, что известно как юродство во Христе. Особенно заметно это было, когда он общался с детьми. Иногда кафедральный клир бывал смущен, видя, как владыка во время богослужения (правда, всегда вне алтаря), мог начать играть с маленьким ребенком.

Владыку порой критиковали за нарушение принятого порядка вещей. Он часто опаздывал на службы (не по личным мотивам, но задерживаясь у больных или умирающих) и не разрешал начинать без себя, а когда служил — богослужения

бывали обычно очень долгими, ибо он признавал лишь весьма немногие из принятых сокращений службы. Он имел обыкновение появляться в различных местах без предупреждения и в неожиданное время; часто он посещал поздно ночью больницы — и всегда беспрепятственно.

Вечером накануне своего отъезда в Сиэтл, за четыре дня до смерти, Владыка поразил человека, для которого только что отслужил молебен, словами: «Ты больше не приложишься к моей руке». В самый же день смерти по завершении Божественной литургии он три часа молился в алтаре и вышел оттуда незадолго до смерти, последовавшей 2 июля 1966 года. Скончался он в своей комнате в приходском здании, стоящем рядом с храмом, без предварительных признаков какой-либо болезни. Слышали, как он упал, и, когда подбежавшие на помощь посадили его на стул, упокоился мирно и, видимо, безболезненно пред образом чудотворной Курской иконы Знамения. Таким образом, Владыка оказался достойным своей блаженной кончиной повторить кончину небесного своего покровителя святого Иоанна (Максимовича) Тобольского.

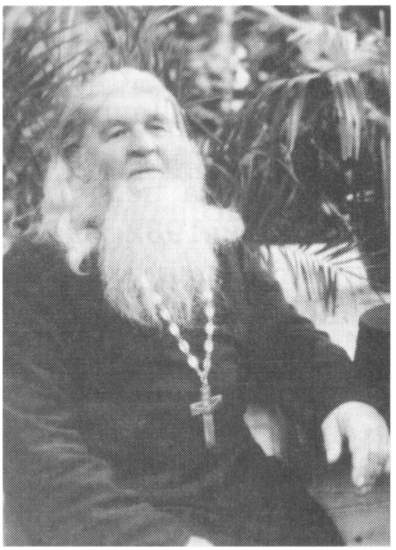
Сегодня мощи архиепископа Иоанна покоятся в часовне под Сан-Францисским собором.

Память Святителя Иоанна (Максимовича) совершается — 19 июня /2 июля

Тропарь, *глас 5*

Попечение твое о пастве в странствии ея, се прообраз и молитв твоих, за мир весь присно возносимых: тако веруем, познав любовь твою, святителю и чудотворче Иоанне! Весь от Бога освящен священнодействием пречистых Таин, ими же сам присно укрепляем, поспешал еси ко страждущим, целителю отраднейший. Поспеши и ныне в помощь нам, всем сердцем чтущим тя.

Преподобный Амфилохий Почаевский (1894 – 1971 гг.)



В живописной долине среди холмов в украинском селе Малая Иловица 10 декабря / 27 ноября 1894 года у Варнавы и Анны Головатюк родился сын. При святом Крещении мальчика назвали Иаковом.

Варнаве, отцу десятерых детей, приходилось браться за любую работу: он делал колеса, колодки, сани, обращались к нему за помощью и больные крестьяне, как к хорошему костоправу. Будучи юношей, Иаков не раз помогал отцу «удерживать больных, когда тот направлял сломанные кости». Природная сила и приобретенные в юности навыки пригодились Иакову.

В 1912 году Иаков был призван в царскую армию, где исполнял обязанности фельдшера. Во время боевых действий помогал выносить раненых товарищей с поля боя, попал в плен, был отправлен немцами в Альпы, где три года работал у фермера. В 1919 году Иакову удалось совершить побег. Вернувшись в родное село, он стал заниматься привычной крестьянской работой, помогал и больным, обращавшимся за помощью.

В 1925 году Иаков был принят послушником в Почаевскую Лавру, где в трудолюбии и смирении исполнял возлагаемые на него послушания: делал сани, колеса, пел на клиросе...

8 июля 1932 года, по благословению митрополита Варшавского и всей Польши Дионисия, Иаков был пострижен в монашество с именем Иосиф.

21 сентября 1933 года Иосиф был рукоположен епископом Антонием во иеродиакона, а уже 27 сентября 1936 года — во иеромонаха.

Отец Иосиф и в Лавре лечил больных, особенно он прославился как костоправ. К нему везли страждущих со всей округи, поток больных не прекращался ни днем, ни ночью. Чтобы не создавать неудобства для братии, отец Иосиф, по благословению наместника Лавры, перебрался в маленький домик на монастырском кладбище, где ему вместе с иеромонахом Иринархом, предстояло прожить почти 20 лет. Каждый день в маленький домик приходили больные люди. Бывали дни, когда иеро-

монах Иосиф принимал до 500 человек, все приходящие жаждали исцеления — кто телесного, кто духовного.

Всего себя подвижник посвятил служению Богу, получив от Него дар прозорливости и исцелений, помогал всю жизнь ближним. Для мира остались сокрытыми многие тайные подвиги и духовная борьба старца.

В конце войны подвижник чудом избежал расправы. Как-то ночью четырнадцать вооруженных человек ворвались в его келью и потребовали еды; после того как их накормили, попросили, чтобы старец их проводил. У ворот командир партизанского отряда объявил о расстреле. Со смирением принял старец известие о скорой гибели, попросил только десять минут на молитву. Успел прочитал «Отче наш», «Богородицу», «Верую», начал читать «Отходную», как прибежал отец Иринарх, обеспокоенный долгим отсутствием старца. Когда о. Иринарх увидел дуло, нацеленное на праведника, не раздумывая, бросился на автомат, пригибая его к земле и стал просить о помиловании старца... Смерть миновала.

В конце 50-х годов начались хрущевские гонения на церковь. В стране массово закрывали монастыри и храмы, а самих монахов по ложным обвинениям выгоняли, выселяли, отправляли домой без права возвращаться. Осенью 1962 года, благодаря бесстрашию старца монахам удалось отсто-

ять Троицкий собор. У дверей церкви стояло с десяток милиционеров со своим начальником, когда старец неожиданно выхватил у начальника ключи, передал молодому наместнику Августину и призвал местных жителей защищать храм. Крестьяне, вооружившись жердями, устремились на милиционеров. Троицкий собор отстояли, но через несколько дней старца ночью увезли на «черном вороне» в психиатрическую больницу. Его поместили в палату для самых «буйных» душевнобольных, стали вводить лекарства, от которых распухало все тело и трескалась кожа. Духовные чада отца стали писать письма и просить об освобождения старца.

Прошло три месяца его пребывания в больнице. Однажды в палату к старцу вошел санитар, принес халат и тапочки, после чего попросил о. Иосифа пройти с ним в кабинет главного врача.

В кабинете было несколько врачей и один из них спросил:

— Можете ли вы вылечить тех больных, которые находятся с вами в палате?

Старец сказал, что через две недели вылечит всех больных, и попросил привезти ему святое Евангелие, крест и облачение, чтобы он мог отслужить водосвятный молебен.

В ответ услышал: «Нет, вы без молебнов лечите».

— Это невозможно, — ответил кроткий ста-

рец. Когда солдат идет в бой, ему дают оружие... Наше оружие на невидимого врага — святой крест, святое Евангелие и святая вода.

Отца Иосифа отвели в палату.

Мучения закончились лишь с приездом в больницу Светланы Аллилуевой, дочери Сталина, которую он в свое время исцелил от душевной болезни. Ей удалось добиться освобождения старца.

Старец Иосиф вернулся в родное село и поселился у своего племянника.

Узнав, где находится старец, начали съезжаться страждущие. Отец Иосиф ежедневно служил водосвятные молебны и исцелял людей. Местные власти, обеспокоенные притоком больных людей в село, стали настраивать родственников против старца, один из них, поддавшись уговорам, обманув старца, увез его на своем тракторе за село к болотам, жестоко избив, бросил в воду и уехал. В холодной декабрьский день восемь часов пролежал мученик в ледяной воде, духовные чада нашли умирающего старца, отвезли в Почаевскую Лавру, где его в ту же ночь постригли в схиму с именем Амфилохий, в честь святителя Амфилохия Иппонийского, боялись, что он не доживет до утра. По милости Божией схимонах Амфилохий выздоровел. Оставаться в Лавре без прописки было опасно, и он снова вернулся в родное село. Люди по-прежнему шли и ехали к старцу за помощью.

Во дворе отец Амфилохия ежедневно служил водосвятные молебны, и многие верующие получали исцеления. Отец Амфилохия некоторых больных благословлял не вкушать пищу в среду и пятницу. В дни строгого поста он велел рано утром, встав с постели, до начала утренней молитвы, сразу класть три земных поклона с молитвой «Богородице Дево, радуйся...», чтобы легко выдерживать пост в этот день.

Нужно было иметь великую любовь в сердце, чтобы никогда и никому и ни в чем не отказывать. Он находил время для каждого.

Из воспоминаний духовных детей старца:

— Приезжали к отцу и современные молодые юноши, жаловались на душевную тоску, отсутствие сна и аппетита. Старец ставил их посреди двора и просил класть по 450 земных поклонов; велел, чтобы так и дома каждый вечер делали, да носили крестики, не выпивали, не курили, ходили в церковь, соблюдали посты, причащались и все «нервы» выйдут и будут здоровы. При этом добавил, что нервы чувствуют боль, но когда болит душа, то это не «нервы расстроены, а бесы мучают, и надо постом и молитвою бороться с ними. ...». Уныние и пустота в душе, считал старец, из-за многоглаголания, чревоугодия, и любостяжания. Он велел тогда каждый час и день петь «Елицы, во Христа креститеся» и «С нами Бог».

Целый день проводил подвижник с людьми, по ночам молился.

Молодая женщина Татьяна, жительница Почаева, была неверующей, в церковь не ходила. В результате закупорки вен началась гангрена. Врачи настаивали на ампутации. Женщина тянула сколько могла. А потом, узнав о батюшке Амфилохие, одолжила денег и пошла. Батюшка вышел из кельи, оглядел очередь. И позвал ее из толпы. Выслушав Татьяну, сказал, что операции делать не надо. Дал мазь, святую воду и сказал, какие молитвы читать, потом, достав из шкафчика 50 рублей, дал женщине, провидя духовным зрением о ее денежных затруднениях. Вскоре Татьяна исцелилась не только телом — гангрена прошла, но и душой — стала постоянно ходить в церковь.

Из Днепропетровска приехали к батюшке две подруги. Одна их них была глухонемая. Еще в детстве ее сильно побила мачеха. Отец Амфилохий спросил глухонемую девушку:

— Как тебя зовут?

— Она же глухонемая,— вмешалась удивленная подруга.

— А ты молчи, — ответил старец и повторно обратился к больной с вопросом

Девушка начала издавать звуки, из которых сложилось ее имя — Галя. Она начала говорить и стала слышать.

По свидетельству очевидцев однажды, когда старец уехал на целый день к больному, к нему привезли умирающего мальчика 13 лет. Поздно

ночью старец вернулся и узнал, что больной мальчик, не дождавшись помощи, умер. Старец подошел к лавке, на которой лежал умерший, склонился над ним и долго молился, потом перекрестил его, мальчик открыл глаза и ожил.

Из воспоминаний Шумалович К.:

«Летом 1961 года у сына распухла кисть руки. Она увеличилась почти в два раза и сильно болела. Мы водили ребенка к врачу, но помочь они не могли. Тогда мы обратились к отцу Иосифу. Он помолился, взял руку сына в свои ладони, легко похлопал по ней, и сказал, что все пройдет. На утро следующего дня мы не поверили своим глазам. Произошло чудо! Рука была такая же, как и до болезни».

Под осень 1965 года старец поселился у своей племянницы, на участке с помощью духовных чад была построена небольшая часовня, над ней высокая голубятня, длинный обеденный стол во дворе для богомольцев.

Старец говорил, что по милости Божией заранее знает о тяжелобольных, которые должны к нему приехать, бывали случаи, что выходил встречать больных ночью в непогоду.

Сохранилось много свидетельств о прозорливости старца. Надежда Симора слышала от матери рассказ: «Молодая женщина обратилась к батюшке за помощью вернуть зрение слепому от рождения сыну, отец Иосиф на просьбу матери ответил,

что это за ее грех. Что, будучи ребенком, она лазила по деревьям, брала птенцов и выкалывала им иглой глаза... Женщина заплакала, плакал вместе с ней и старец».

Из воспоминаний Агафии Лящук (Ровенская обл.):

— Где-то в шестидесятых годах мой отец заболел. Врачебная комиссия установила рак желудка... Мы поехали к батюшке. Во дворе было много людей. Все ждали его. Вскоре вышел старец и указал пальцем на меня. Я рассказала, что отца выписали из больницы, потому что не могут вылечить. Батюшка Иосиф помолился, дал травы и сказал, что он выздоровеет. Отец прожил после этого еще 16 лет.

Представители власти запрещали людям посещать старца. Отменялись автобусы, но люди шли пешком. Как-то к старцу приехал первый секретарь Тернопольского обкома партии, привез единственного сына. У девятнадцатилетнего юноши на ноге была саркома, врачи оказались бессильны. Старец Иосиф, осмотрев больного, попросил оставить юношу на две недели, предупредил, что лечить будет только молитвой. Секретарь обкома согласился, договорился о ночлеге для сына в ближайшем селении. По благословению старца юноша каждый день приходил на водосвятный молебен, пил святую воду, вкушал освященную пищу. Спустя две недели саркома бесследно исчезла. Бла-

годарный отец распорядился выделить маршрутный автобус Кременец — Малая Иловица.

О. Амфилохий, с детства любивший природу, сам сажал цветы и фруктовые деревья, послушницы помогали в работах на участке.

Старец предвидел свою скорую кончину, знал, что одна из его послушниц подсыпала в еду яд, подливала яд и в воду, которой он умывался (есть мнение, что послушница из Киева была агентом КГБ). Не раз с горечью старец говорил, что среди его послушниц есть «Иуда». Батюшка несколько раз на несколько часов терял сознание. Во время приступов отравительница под разными предлогами не подпускала никого к батюшке.

Смиренный старец стойко переносил страдания, и призывал виновницу покаяться.

Умер подвижник 1 января 1971 года. Незадолго до смерти, старец говорил, чтобы все приходили на его могилу со своими нуждами и болезнями, обещал и по смерти не оставлять нуждающихся в его молитвенной помощи. Уже после отпевания старца у гроба праведника исцелилась верующая женщина. На протяжении трех десятилетий совершались чудеса исцелений у могилы старца.

Москвич Винокуров Н.И. несколько лет страдал от болей в спине, массаж и другие лечебные процедуру не приносили облегчения; во время поездки в Почаевскую лавру, побывал на братском кладбище: «На могиле схиигумена Амфилохия,

слезно помолившись, просил батюшку исцелить меня, чтобы я мог стоять на службе и боль отступила. На следующий день мы с другом пришли снова. Результат оказался удивительным. Это настоящее чудо».

23 апреля 2002 г Священным Синодом Украинской Православной Церкви было принято решение о причислении к лику святых почаевского старца-схиигумена Амфилохия. Чин прославления преподобного Амфилохия в лике святых был совершен в воскресение 12 мая в престольном Успенском храме Почаевской Лавры.

12 мая 2002 года в Почаевской Лавре, во время прославления святого в небе над Лаврой появились созданные из облаков два креста. В течение часа верующие могли наблюдать за этим чудом — один большой крест и рядом — чуть поменьше. Паломники говорили: «Ну вот, теперь их будет двое — батюшка Иов Почаевский и батюшка Амфилохий».

Память преподобного Амфилохия Почаевского совершается — 12/25 мая

Молитва

О, всеблаженне отче наш Амфилохие, земный Ангеле и небесный человече. Припадаем к тебе с верою и любовию и молим ти ся прилежно: яви нам смиренным и грешным святое свое заступление; се

бо грех ради наших не имамы дерзновения просити о потребах наших Господа и Владыку нашего, но тебе, молитвенника благоприятнаго, к Нему предлагаем и просим тя со усердием многим: испроси нам от благости Его благопотребная дары душам и телесем нашим, веру праву, любовь ко всем нелицемерну, в злостраданиих терпение, тяжкими болезнями одержимых от недугов исцеление, под бременем скорбей и напастей неудобоносимых падающих и жития своего отчаявшихся твоими молитвами получити скорое облегчение и избавление. Не забуди, блаженнее отче, и обитель сию святую, в ней же подвизался еси, присно тя чтущую, но соблюди ю и всех живущих и подвизающихся в ней и на поклонение в ню приходящих невредимыми от искушений диавольских и всякаго зла. Егда же приспеет наше от временнаго сего жития отшествие, и к вечности преселение, не лиши нас помощи твоея небесныя, но молитвами твоими всех нас приведи в пристанище спасения и наследники яви нас бытии всесветлаго Царствия Христова, да поем и славим неизреченныя щедроты Человеколюбца Бога Отца и Сына и Святаго Духа и твое вкупе с преподобным Иовом отеческое заступление во веки веков. Аминь.

Тропарь, *глас 4*

Земли Волынския преславна подвижника и обители Почаевския достойна насельника людей православных изрядна целителя яви тя Церкви

Своей Христос Бог наш, преподобне отче Амфилохие, Ему же усердно молися от навет вражиих свободитися и спастися душам нашим.

Кондак, *глас 3*

Яко веры православныяй ревнитель и благочестнаго жития учитель, в болезнех и скорбех изрядный помощник и защититель, пред Господем предстоиши, преподобне Амфилохие, сего ради вопием ти: сохрани обитель, в ней же подвизался еси, и спасай нас молитвами твоими, отче блаженне.

Молитва

О, всеблаженне отче наш Амфилохие, земный Ангеле и небесный человече. Припадаем к тебе с верою и любовию и молим ти ся прилежно: яви нам смиренным и грешным святое свое заступление; се бо грех ради наших не имамы дерзновения просити о потребах наших Господа и Владыку нашего, но тебе, молитвенника благоприятнаго, к Нему предлагаем и просим тя со усердием многим: испроси нам от благости Его благопотребная дары душам и телесем нашим, веру праву, любовь ко всем нелицемерну, в злостраданиях терпение, тяжкими болезнями одержимым от недугов исцеление, под бременем скорбей и напастей неудобоносимых падающих и жития своего отчаявшихся твоими молитвами получити скорое облегчение и избавление. Не забуди, блаженнее отче, и обитель

сию святую, в ней же подвизался еси, присно тя чтущую, но соблюди ю и всех живущих и подвизающихся в ней и на поклонение в ню приходящих невредимыми от искушений диавольских и всякаго зла. Егда же приспеет наше от временнаго сего жития отшествие, и к вечности преселение, не лиши нас помощи твоея небесныя, но молитвами твоими всех нас приведи в пристанище спасения и наследники яви нас бытии всесветлаго Царствия Христова, да поем и славим неизреченныя щедроты Человеколюбца Бога Отца и Сына и Святаго Духа и твое вкупе с преподобным Иовом отеческое заступление во веки веков. Аминь.

Литература

Александр Добровольский. Рассказы о старце Алексее Мечеве, о чудесах, им совершенных, и о других чудесах. - М.: Мега-Сервис, 1995.

Архимандрит Амвросий (Фонтрие). Святитель Нектарий Эгинский. Жизнеописание. – М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998.

Беседы схиархимандрита Оптинского скита Старца Варсонофия с духовными детьми. Изд-во: Даниловский Благовестник, 1993.

Варсонофий Оптинский, преподобный. Духовное наследие. СТСЛ, 2004

Гроян, Т., Езеев, А., Журавский, А., Кручинин, А., Псарев, А., Шабанов, В., «Материалы к военной биографии святителя Ионы Ханькоуского». – М.:Военная быль. №9, 1997.

Девятова Светлана. Великие старцы двадцатого столетия. – М.: Артос Медиа, 2010.

Житие преподобноисповедника Георгия, Даниловского чудотворца. Издательство: Даниловский Благовестник, 2001.

Иером. Серафим, Игум. Герман. Блаженный Иоанн Чудотворец. – М.: Издательский отдел Валаамского общества Америки в России, 1993.

Иеромонах Серафим (Роуз), Игумен Герман (Подмошенский). Блаженный свт. Иоанн чудотворец. – М.: Русскій Паломникъ, 2008.

Ивлевы, Н. и М. Имя, забытое на Родине, но не забытое Богом. – Веди, Алма-Ата, 1998, №1-2 /16.

Коршунов Гавриил. Воспоминания о епископе Ионе. – На сопках Манчжурии, Новосибирск, июнь 1997, №43.

Манолис Мелинос. Я говорил со Святым Нектарием.– Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995.

Митр. Гедеон. Пою Богу моему. Избранные труды. – Ставрополь, 1999.

Московский батюшка. Воспоминания об о. Алексее Мечёве. – М.: Свято-Данилов монастырь, 1994.

Пастырь Добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва/ Составил Сергей Фомин на основе материалов из личного архива Елены Апушкиной. – М.: Паломник, 1997.

Протоиерей Илья Четверухин, Евгения Четверухина. Преподобный Алексий, старец Смоленской Зосимовой пустыни. – Изд-во: Свято Троицкой Сергиевой Лавры, 2002 г.

Преподобный Амфилохий Почаевский. – Почаев, 2003 г.

Преподобные Оптинские Старцы. Жития и наставления. – Свято-Введенский монастырь Оптина Пустынь, 2010 г.

Проф. Андреев. Краткий обзор Истории Русской Церкви от революции до наших дней. –Джордан-вилль. 1952.

Святитель Иона Ханькоуский. Материалы к жизнеописанию святителя Ионы Ханькоуского.– Русскій Инокъ, Апрель 2004, №20 (183).

Святитель русского зарубежья, вселенский чудотворец Иоанн (Максимович). – М., 1997.

Старец протоиерей Алексий Мечёв. Жизнеописание и свидетельства к церковному прославлению. Случаи прозорливости, примеры прижизненных и посмертных чудес, знамений, молитвенной помощи старца. – М.: Храм свт. Николая в Клённиках, 2000.

Старец Нектарий житие: подвиги и чудеса.– М.: Триумф, 1994 г.

Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий. – М.: Братство святителя Алексия, 1999 . **Соль Земли.** Составил Сергей Фомин на основе материалов из личного архива Елены Апушкиной. – М., 1998.

Филимонов В. П. Иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. – СПб. 1999.

Филимонов В. П., Кудряшова Л. П. К преподобному Серафиму в Вырицу. – СПб.: Сатисъ, 2008.

Электронные ресурсы:

http://www.pravoslavie.ru/
http://www.optina.ru/
http://svet77-77.narod.ru/index.html
http://www.russian-inok.org/
http://lib.eparhia-saratov.ru/
http://kotlovka.ru/
http://www.pskov-eparhia.ellink.ru/
http://www.stjohndc.org/Russian/saints/
http://rushill07.narod.ru/saints/kuksha/1.html
http://www.pravmir.ru/

Содержание

Преподобный Оптинский старец
Варсонофий (Плиханков)
(1845—1913 гг.) 8
Святитель Нектарий Пентапольский,
Эгинский чудотворец (1846—1920 гг.)... 32
Преподобный Оптинский старец
Анатолий мл. (Потапов)
(1855—1922 гг.) 43
Святой праведный
Алексий Мечев (1859—1923 гг.)..... 66
Святитель Иона, Ханькоуский
Чудотворец (1874—1925 гг.) 75
Преподобный Алексий (Соловьев),
старец Смоленской Зосимовой
пустыни (1846—1928 гг.) 86
Преподобный Оптинский старец
иеросхимонах Нектарий (Тихонов)
(1857—1928 гг.) 105
Преподобноисповедник Георгий (Лавров),
Даниловский чудотворец
(1862—1932 гг.) 134

Старец иеросхимонах
Серафим Вырицкий (1865—1949 гг.)... 149
Преподобный Симеон
(Василий И. Желнин) (1869—1960 гг.) . 185
Преподобный
Кукша Одесский (1875—1964 гг.) 199
Блаженный Святитель Иоанн
(Максимович), Чудотворец
(1896—1966 гг.) 219
Преподобный Амфилохий Почаевский
(1894—1971 гг.) 237

Буря и маяки

Житие и подвиги православных старцев

Составитель Е.И. Гончаров

Гл. редактор В. И. Борисов

Компьютерная верстка Д. И. Черемисинов

Формат 60x84/16. Бумага офсет.
Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ 4498.

Издательство Борисова. 394030, г. Воронеж, ул. III Интернационала, 57.
Тел. +7905 653 07 07

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф
тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685.